

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 14, 2024

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2024

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 14, 2024

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 7–15.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 7-15.

Научная статья

УДК 902.39

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-7-15

УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В АБОРИГЕННЫХ СОЦИУМАХ ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ ВПН. ФОРМИРОВАНИЕ ДИХОТОМИЧЕСКИХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АРХЕОЛОГО-ЭТНИЧЕСКИХ ТИПОВ (ЧАСТЬ 1)

Полина Вазыховна Хаярова¹, Анатолий Вольфрамович Голдобин²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ hartnet1@rambler.ru

² goldman@nextmail.ru

Аннотация. В статье, опираясь на разграничение «свой» – «чужой» в социумах с дуалистическим фратриальным делением на примере представлений обских угров, а также в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН (Великого Переселения Народов) определено сходство представлений местного населения с воззрениями обских угров о вместилище души, также о способах устранения возможности ее реинкарнации. Зафиксирована связь древних «разграблений» могил без действительного расхищения, исследованными археологами на могильниках Предуралья и Зауралья, а также ираноязычными кочевниками с их представлениями о «лишении способности к реинкарнации» души. При помощи археологических источников установлено сходство финно-угорского фольклора с обрядностью обских угров по использованию такого способа ликвидации душ врагов как «обезвреживания могил». Описана природа многокомпонентности этнокультурных образований эпохи ВПН в Волго-Камье. Выдвинуто суждение о разном составе прибывающих групп кочевников на основании принятия-непринятия их за «своих» или «чужих». Дана интерпретация наличия подтвержденных «совместных» могильников, на которых некогда проводились курганные захоронения пришлого населения и погребений местного автохтонного населения. Поставлен вопрос становления новых культур после вторжения, продолжавших использовать только бескурганный похоронный обряд, и обновленных культур, принявших часть ритуалов пришлого населения, на могильниках которых фиксируются как курганы, так и бескурганные захоронения с последующим освоением новой обрядности. Установлена часть в составе пришлого населения, наличие представлений которой было неким маркером для автохтонных жителей, что пришли «свои». Если в группе «пришельцев» компонент отсутствовал, то происходило столкновение военного типа между аборигенным населением и кочевниками.

Ключевые слова: фратрии, домик мертвых, урья-сумьях (лабаз), лол (лов, лылы), свои, чужие.

Для цитирования: Хаярова П. В., Голдобин А. В. Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-камья эпохи ВПН. Формирование дихотомических космогонических представлений и их отражение в погребальной обрядности археолого-этнических типов (часть 1) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 7–15.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-7-15>

Original article

THE UGRIC COMPONENT IN THE ABORIGINAL SOCIETIES OF THE VOLGA-KAMA REGION OF THE VDNH EPOCH. THE FORMATION OF DICHOTOMOUS COSMOGONIC IDEAS AND THEIR REFLECTION IN THE FUNERAL RITES OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNIC TYPES (PART 1)

Polina V. Khayarova¹, Anatoliy W. Goldobin²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ hartnet1@rambler.ru

² goldman@nextmail.ru

Abstract. In the article, based on the distinction between "one's own" and "another's" in societies with a dualistic phratry division, using the example of the ideas of the Ob Ugrians, as well as in the aboriginal societies of the Volga-Kama region of the VPN era. The convergence of the ideas of the local population with the views of the Ob Ugrians about the receptacle of the soul, as well as about ways to eliminate the possibility of its reincarnation, is determined. The connection of ancient "looting" of graves without actual plunder, investigated by archaeologists at the burial grounds of the Urals and Trans-Urals, as well as by Iranian-speaking nomads with their ideas about the "deprivation of the ability to reincarnate" of the soul, has been recorded. With the help of archaeological sources, the convergence of Finno-Ugric folklore with the ritual of the Ob Ugrians on the use of such a method of eliminating the souls of enemies as "neutralization of graves" has been established. The nature of the multicomponence of ethnocultural formations of the era of the VPN (Great Migration of Peoples) in the Volga-Kamye is described. A judgment has been put forward on the different composition of the arriving groups of nomads on the basis of their acceptance or rejection as "their own" or "strangers". The interpretation of the presence of confirmed "joint" burial grounds, where burial mounds of the alien population and burials of the local autochthonous population were once held, is given. The question of the formation of new cultures after the invasion, which continued to use only the open-mouthed funeral rite, and updated cultures that adopted part of the rituals of the alien population, on the burial grounds of which both mounds and open-mouthed burials are recorded, followed by the development of a new ritual. A part of the alien population has been identified, the presence of which was a kind of marker for the autochthonous inhabitants that "their own" had come. If there was no component in the group of "aliens", then there was a military-type clash between the aboriginal population and the nomads.

Keywords: phratries, the house of the dead, urya-sumyah (labaz), lol (lov, ly), their own, others'.

For citation: Khayarova P. V., Goldobin A. W. The ugric component in the aboriginal societies of the volga-kama region of the vdnh epoch. The formation of dichotomous cosmogonic ideas and their reflection in the funeral rites of archaeological and ethnic types (Part 1). Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:7-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-7-15>

Введение

А. М. Золотарев в своем труде «Родовой строй и первобытная мифология» указывает, что дуальная организация основывается на космогоническом мифе. Наблюдающееся при родовом строе разделение на фратрии «ведет свое происхождение от культурных героев, обычно братьев (например, братья демиурги – антагонисты у коми Ен и Омоль, манси – Нуми-Торум и Куль-Отыр), участвовавших в сотворении мира и установивших социальные порядки, в том числе и деление на фратрии» [Золотарев 1964: 142]. Исследователь отмечает, что фратриальные «кланы назывались также людьми Правой стороны, людьмилевой стороны, или «Темные», «Светлые» (либо красные и белые). Данные цветовые обозначения и распределения по направлениям сторон (неба-земли) должны были отмечать предполагаемые различия в цвете одежды, элементах костюма и т. д. Также умерших представителей главенствующей над фратрией земли фратрии неба (место пребывания брата из верхнего мира) хоронят на помосте, покойных фратрии земли зарывают в землю (царство брата демиурга из нижнего мира)» [там же: 137].

В родовой дуальной организации этнографами часто наблюдается разделение на «фратрию мира (часто левая, или север) и фратрию войны (правая, или юг). При этом их поселения, как правило, располагаются по разным сторонам ручья либо по сторонам север-юг теорритории» [там же]. Данные признаки фиксируются в виде некой разнородности и двойственности захоронений (противоречивость видов самого типа погребального обряда) и расположения могильников, селищ Ананьинской общности и преемственных ей культур Волго-Камья [Генинг 1973: 64, 65]. Однако и на современном этапе этнографы определяют наличие дуальных фратрий обских угров (ханты, манси). Необходимо отметить, что разделение между племенами произведено с основными характеристиками, присущими социумам такого рода, которые указывались в трудах Золотарева А. М. и Моргана Л. Г. [Федорова 2010: 209–238].

Дуальность проявляется и в тотемах каждой из фратрий (тотем фратрии неба, как правило «летающий» на чем-то человек или птица, у фратрии земли – волк, медведь или другое наземное четвероногое животное). Люди одного тотема, рассматривающие друг друга как родичей, всегда готовы помочь друг другу в случае опасности [Золотарев 1964: 64, 137, 143]. Интересно, что «человека противоположной фратрии заочно называют как «не наш» или «чужой», но в глаза называет «дядя», что объясняется экзогамными браками между фратриями. Члены фратрии связаны обязательством самозащиты и обычаем кровной мести» [там же: 142–143].

Мы поддерживаем Ф. Энгельса в том, что гипотеза Л. Г. Моргана об «обязательном кровно-родственном состоянии семьи во фратрии», несостоятельна [Энгельс 1989: 91]. Учитывая полиэтничность социума той эпохи, представителями фратрии могли являться людьми с разными расовыми признаками. Однако две фратрии объединяют совместные «главные» обряды, в которых функции распределены (например, фратрия Неба исполняет военные и мирные функции, фратрия Земли следит за порядком во время охот) [Золотарев 1964: 143].

И. Н. Гемуев акцентирует внимание на вопросе взаимоотношений между фратриями, их общему неприятию «чужих». Манси и ханты могли участвовать в обрядах и праздниках совместно: «сознание общности проявлялось и в существовании межфратриальных культовых мест» [Гемуев 2000: 12]. Он указывает, что две фратрии шли на праздник медведя по разным дорожкам, однако проход истинно «чужих» (не относящихся к одной из фратрий) на священную землю был строго воспрещен» [там же: 13]. Этот запрет особенно важен в вопросе священной земли. Поскольку при наличии «чужих» «в селении и на территории вокруг не будет чистого, нетоптаного места, пригодного для святилища» [там же: 36], что может привести к неспособности «общения» с предками. И их души будут лишены возможности помогать потомкам, лишатся потенциала к реинкарнации. Поскольку после вторжений (в том числе эпохи ВПН) оставалось коренное население, несущее пласт устоявшейся культуры, целью работы видится определение компонента, связывающего или, наоборот, разделяющего пришельцев-кочевников с аборигенными жителями. Важной задачей работы представляется выделить факты присутствия и деятельности по отношению к пришельцам устанавливаемой частью населения с помощью материальных источников.

Основная часть

Представления обских угров «о душе (душах) основываются также на дуальности. Душа и была представлена в двух составляющих: духовном (реинкарнирующем) начале –*lili* (манс.) и виталическом – *is, is-хот* (хант., манс.)» [Волдина 2016: 96]. Миф о пути души лол (лул, лылы) – о «млечном пути, который направлен с севера на юго-запад дорогой перелетных птиц» [Лангинен 2004: 37], характерен для всех финно-угров севера Восточной Европы и Западной Сибири. Вероятно, в связи с влиянием православия, в современном народном мировоззрении у коми-пермяков при жизни не дифференцируются две формы души как у манси. Однако С. В. Чугаева указывает, что «представления о дуализме души

относятся к общепермскому мировоззренческому пласту» [Чугаева 2011: 23]. Согласно мировоззрению манси и коми душа – птица лылы (у коми лол) оставалась при жизни «в сердце, возле рта и в печени. После кончины человека она живет в гробу вместе с телом, помещаясь в черепе, откуда может выходить и принимать свой прежний телесный облик» [там же: 26]. Душу поминают во время еды, питья, веря, что таинственно присутствующий покойник разделяет их трапезу. При должном поминании и уходе, данная душа будет защищать предков, пока они ее помнят и чтят [Гемуев 2000: 85]. В. Н. Чернецов «подчеркивал материальность этой души. Она же после смерти человека является его могильной душой. Эта душа, как считается, обладала свойствами тела, испытывала холод, голод, могла пьянеть» [Чернецов 1959: 122–126].

Процесс почитания имеет свои нюансы. Известно словосочетание «лов ру»- пар при дыхании. Зыряне верили, что «душа представляет что-то раздельное от тела. Душа питается «ру», то есть паром кушанья, а не самим кушаньем. Поэтому зырянин, большею частью, приглашает души усопших отведать горячие или холодные кушанья, которые дают пар» [Налимов 2010: 45]. Поэтому у коми-пермяков «пель» находится у печки, где «пель» – коми вариант мансийского пубы – норма. Часто черепа животных и людей, будучи вместилищем душ предков или слуг и животных защитников, использовали в качестве помощников в загробной жизни хозяина высокого ранга, их помещали недалеко от тела умершего. Такие факты фиксируются у саргатов, юдинцев и других рассматриваемых культур. В. П. Налимов упоминает зырянину села Вильгорт Кан Жаков, который носил с собой череп шуки и искусственный череп человека, изображающий собой носитель души его прародителя: «Адам юр-лы» (Юрла (ы) – с коми головные кости, то есть череп) [Налимов 1907: 11–18].

А. В. Вострокнутов связывает семантику одежды и украшений-оберегов средневековой пермской жительницы с расположениями души «лол», которые необходимо защищать по угорскому мифу (голова, сердце, живот-печень), подтверждая этнографические данные: «по поверьям обских угров у человека несколько душ: у мужчин пять, у женщин четыре. Каждая из этих душ находит своё проявление в одежде: ... женская душа-голова (покрытая платком) обозначена налобной повязкой, накосными украшениями ... душа-сердце – бисерным воротником с металлическими отливками, различными нагрудными украшениями, душа-живот – поясом, душа-ноги – орнаментом обуви». Все категории, кроме украшений для рук, можно соотнести с угорским представлением о душах» [Вострокнутов 2020: 118–119].

Вероятно, в связи с представлениями о жизни души в теле умершего, для окончательного обезвреживания (ликвидации души) угорские «богатыри, убивая своих противников, всегда уничтожали головы врагов либо скальпировали их. Необходимо было уничтожить его сердце и печень, чтобы вся сила убитого перешла к ним, чтобы он не ожил» [Гемуев 2000: 26]. Коми-пермяцкие герои действовали подобным образом: «упал Хозяин Земляного Дома бездыханным. Ушла душа из медвежьего сердца и из медвежьей печени, и вернулся слух, и вернулась сила к охотнику Яче» [Муравьев 1966: 29–30]. Если у человека снят скальп, то по представлениям манси он считается бездушным, становится нежитью, поэтому подлежит уничтожению. Этнографические изыскания подтверждают, что у коми-пермяков были схожие представления: «видит Перя: сняла его жена кожу вместе с волосами со своей головы... Убил жену Перя тут же на месте» [Ожегова 1971: 61–63]. Т. В. Волдина объясняет такое явление тем, что при скальпировании «человека лишали некоего «органа», расположенного на теменной части головы, тем самым искусственно прерывали связь с Верхним миром. Душа теряла возможности возродиться, тело становилось подвержено использованию негативной силой нижнего мира [Волдина 2016: 99]».

А. Лушина о вопросе скальпирования в Старом Свете сообщает, что «при ограничении территорий границами России и Украины, могут быть выделены четыре ареала традиции скальпирования: скифский, аланский (сарматский), южно-сибирский, хронологически

соотносимые с эпохой Античности, а также обско-угорский (на севере Западной Сибири)» [Лушина 2017: 81]. А. П. Бородовский делает предположение, что в «скифской среде скальпирование противника проводилось также с целью предотвращения ритуального возрождения души оскальпированного, которая находилась в черепе и волосах» [Бородовский 2010: 81]. Факты окончательного уничтожения врага фиксируют археологи. Часто, такие ритуалы датируются временем после военных вторжений иноземцев. М. Л. Перескоков называет такие действия обрядом «обезвреживания», описывая материальные свидетельства при раскопках на Мокинском могильнике, расположенном на левом берегу реки Мулянка [Коренюк, Перескоков 2011: 70]. Важно помнить, что ритуальные места по мифу располагаются по левому берегу реки, жилища – по правому у фратрии Мось.

Как правило, в культурах Приуралья и Зауралья, могильники, священные места (понятие угров о священной «нетоптанной» чистой земле [Гемуев 2000: 30–31]) для жертвоприношений (в том числе гляденово и ананьино) выстраивались на древнем горизонте. Захоронения (ананьино и гляденово) ориентированы чаще по направлению к реке или ЮЗ–СВ (гляденово).

М. Л. Перескоков указывает, что на «памятнике было выделено несколько разновременных комплексов. Наиболее древние из них относятся к поселению раннеананьинского (IX–VIII вв. до н. э.) и позднеананьинского времени (V–IV вв. до н. э.), но остатков жилых или хозяйственных сооружений этого периода не зафиксировано» [Васильева, Мингалев 2018: 44]. Территория, возможно, использовалась в ритуальных целях (вероятно, являлась священной землей). Однако археологи фиксируют постройки, в которых, судя по материальным источникам, проживали люди. Датируют жилища финалом гляденовского времени. Они предшествуют могильнику этого периода. То есть была нарушена «чистота» священного места. Погребения определены широтной ориентировкой «по линии запад–восток, либо запад–восток с небольшим отклонением к северу» [Коренюк, Перескоков 2011: 65–66]. Интересно, что Е. П. Казаков относит пришельцев в Мокино к сарматам [Казаков 2011: 10].

Археологи указывают, что «обезвреживания происходили по прошествии 3–10 лет после первого захоронения. Большая часть разрушений приходилась на левую часть груди (область сердца)» [Коренюк, Перескоков 2011: 70]. Черепа – вместилища души уничтожались, дробились. Если судить по направлению захоронений, то «обезвреженные» являлись представителями переселенцев. Необходимо отметить, что все жилые постройки, созданные на предполагаемой священной земле, были сожжены, по всей видимости, параллельно обезвреживанию могил [Васильева, Мингалев 2018: 47]. В восприятии обских угров жилые постройки на особой земле (выбранной по определенным канонам), можно соотнести по значению с нарушением миропорядка. И. Н. Гемуев так описывает подобную ситуацию: «И человек традиционного общества уподобился бы машинисту локомотива, который вдруг оказался перед бездействующим семафором» [Гемуев 2000: 31]. После «обезвреживания» захоронений пришельцев местное население стало использовать остатки конструкций жилищ. Как предполагают археологи, они применялись в качестве «домиков мертвых (лабазов)» для умерших соплеменников. Исследователи пишут, что «проявляется синкретизм традиций погребального обряда пришлого воинского населения и местного гляденовского, в котором соединились традиции сооружения «домов мертвых» и курганного обряда, так как это погребение хотя и в разрушенном, но в реальном доме, что, очевидно, также имело значение» [Васильева, Мингалев 2018: 47].

Таким образом, автохтонное население, сформировавшееся в ананьинскую эпоху и содержащее угорский компонент (о чем свидетельствует угорский маркер в виде «домиков мертвых» [Шмуратко 2014: 67; Белицкая 2015: 14]), некоторые группы пришельцев, вступивших на определенные территории Северного и Среднего Прикамья в течение финала гляденовской культуры, воспринимало как «чужих».

Интересно, что схожие признаки «обезвреживания» определяет Н. Л. Моргунова на сарматском кургане Акоба, расположенном на левом берегу р. Илек. Разрушенные захоронения (III–II в. до н. э.) были расположены по направлению С-Ю (учитывая, что у сарматов, как правило, наблюдается широтная ориентировка погребений): «Еще К. Ф. Смирнов отмечал, что впущенные в курганы эпохи бронзы погребения кочевников савроматского времени в основном оставлены рядовым населением.

Кроме этих повреждений в погребениях 1, 3 и 6 прослеживаются вполне определенные параллели в схеме разрушения костяков во время «ограбления». Черепа покойных были либо отделены от тела (погребения 3 и 6), либо разбиты на куски (погребение 1). Грудная клетка, позвоночник и кости таза разрушены во всех трех погребениях ... основной целью «грабителей» было именно разрушение целостности тел покойных. Наблюдается синхронность захоронений и вероятная одновременность их разрушения ... причиной разрушения аковинских погребений являлось желание «грабителей» нанести своими действиями вред недружественному кочевому коллективу, для которого курган являлся родовым или семейным кладбищем» [Моргунова 2016: 199]. Е. П. Казаков отмечает противоположную ситуацию на Среднем Поволжье: «Пришельцы находились в добрососедских отношениях с местным населением, о чем свидетельствует существование рядом с курганной частью некрополя бескурганного могильника прикамских финнов» [Казаков 2011: 10]. В. Ф. Генинг предполагает «ассимиляцию» популяции части пришедших мигрантов и местного прикамского населения (в данном случае мазунинская культура). Однако он же фиксирует следы «разгрома» другого пьяноборского союза племен (успевшие отступить на запад вниз по Каме, образовали азелинскую культуру [Генинг 1963: 17–18]). Р. Д. Голдина пишет, что перемещение «таких народов (например, угров-кочевников) из степи в лесную полосу, создавало двухкомпонентную (бескурганное могильники, а также памятники, имеющие как курганы, так и бескурганное части)» культуру [Голдина 1985: 22–26].

Заключение

Погребения, описываемые М. Л. Перескоковым и др., датируемые третьей четвертью IV в. – рубежом IV и V вв., могильники Среднего Поволжья, описываемые Е. П. Казаковым концом IV – первой половиной V вв., митинские могильники, которые исследовали Р. Д. Голдина, Д. В. Шмуратко и др. (Митинский могильник IV–VI вв. н. э.), можно с большой долей вероятности отнести к одному историческому периоду. Исходя из вышесказанного, представляется возможным проникновение на данные территории Волго–Камья групп пришельцев с разным составом с особенностями космогонических представлений. Археологические данные указывают на разнотипность погребальной обрядности автохтонного населения, начиная с ананьинского и гляденовского периода. При вторжении кочевых племен в эпоху ВПН коренные жители в качестве «своих» восприняли лишь часть прибывших на территории Среднего Поволжья и Прикамья. Представители групп, практикующие свои варианты захоронения, сосуществовали с местными, образуя единый социум. Археологические данные демонстрируют синхронное наличие курганных захоронений пришлого населения и аборигенных погребений на общих могильниках. Также на территории, где обнаружены такие совместные могильники, определяются привнесенные топонимы, не характерные для местности, но принятые местным населением, используемые им в дальнейшем. Данные факты свидетельствуют, что в составе «своих» пришельцев присутствовал этнический компонент, который объединял кочевников и оседлых местных жителей. Этот компонент, по всей видимости, угорский.

Список литературы

1. Белицкая А. Л. Остатки деревянных конструкций на курганных могильниках Европейского Северо-Востока // Сборник статей молодых ученых Коми НЦ УрО РАН. РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО Российской АН., 2015. С. 6–18.

2. Бородовский А. П., Зубова А. В., Поздняков Д. В., Табарев А. В., Черемисин Д. В., Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов) : Уч.-метод. пособие. Новосибирск : Сиб. отд. РАН, 2010. 109 с.
3. Васильева А. В., Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике // Вестник Пермского университета. 2018. № 1 (40). С. 44–61
4. Волдина Т. В. Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 96–110.
5. Вострокнутов А. В. Некоторые аспекты семантики шумящих украшений Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. (материал изготовления и звук) // Труды КАЭЭ. 2020. № 17. С. 115–121.
6. Гемуев И. Н. Народ манси: воплощение мифа. URL: <https://studylib.ru/doc/3851849/narod-mansi.-vorploshhenie-mifa> (дата обращения: 30.11.2023).
7. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху великого перенаселения народов. Ижевск : [б. и.], 1963. 161 с.
8. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1973. № 12. С. 58–121.
9. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во «Иркутский университет», 1985. 285 с.
10. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1964. 328 с.
11. Казаков Е. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н. э. в Среднем Поволжье // «Finno-Ugrica», приложение к «ПАНОРАМА-ФОРУМ». 2011. № 12–13. С. 8–50.
12. Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Погребальный обряд поздней части мокинского могильника // Вестник Пермского университета. 2011. № 1 (15). С. 65–80.
13. Лангинен А. В. Мифология финно-угорских народов Евразии как система смыслов и значений // Вестник ЧелГУ. 2004. № 1 (4). С. 36–41.
14. Лушина А. Обычай скальпирования в Старом Свете: хронология и ареалы // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Зимовники : Зимовниковский краеведческий музей, 2017. С. 72–84.
15. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации; Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934 (тип. "Коминтерн"). 350 с.
16. Моргунова Н. Л. Исследования курганного могильника Акоба V в 2005 г. // Вестник ОГПУ. 2016. № 2(18). С. 187–204.
17. Муравьев В. Б. Пера-богатырь с берегов Лупьи : Повесть по мотивам фольклора народов Коми. Пермь : Кн. изд-во, 1966. 64 с.
18. Налимов В. П. Загробный мир по верованиям зырян. Этнографическое обозрение. 1907. Кн. LXXII-LXXIII. № 1-2. С. 1–23.
19. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск–Сыктывкар : Удмуртский институт истории, языка и литературы. Уральское отделение РАН, 2010. 336 с.
20. Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь : Пермское кн. изд-во, 1971. 132 с.
21. Федорова Е. Г. Погребальный культ северных манси в этноисторическом аспекте // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб. : Лемма, 2010. С. 209–238.
22. Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров // Труды Института этнографии, нов. сер. М. Л. : АН СССР, 1959. Т. 51. С. 114–156
23. Чугаева С. В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков: конец XIX–XX вв. М., 2011. 200 с.
24. Шмуратко Д. В. Могильники «Харинского» типа с территории Северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 66–72.
25. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Политиздат, 1989. 222 с.

References

1. Belitskaya A. L. Ostatki derevyannykh konstruktsey na kurgannykh mogil'nikakh Evropeyskogo Severo-Vostoka [Remains of wooden structures on burial mounds of the European North-East]. *Sbornik statey molodykh uchenykh Komi NTs UrO RAN. RIO IYALI Komi NTs UrO Rossiyskoy AN* [Collection of articles of young scientists Komi NC UrO RAS. RIO IALI Komi NC Uro Russian Academy of Sciences]. 2015, pp. 6-18. (In Russ.).
2. Borodovskiy A. P., Zubova A. V., Pozdnyakov D. V., Tabarev A. V., Cheremisin D. V., Arkheologiya nasiliya (interpretatsiya materialov arkheologicheskikh, antropologicheskikh i izobrazitel'nykh kompleksov) [Archaeology of violence (interpretation of materials from archaeological, anthropological and pictorial complexes)]. Novosibirsk, Sib. otd. RAN, 2010, 109 p. (In Russ.).
3. Vasil'eva A. V., Mingalev V. V., Pereskokov M. L. Kompleks postroek glyadenovskogo vremeni na Mokinskom I poselenii-mogil'nike [Complex of buildings from the Glyadenovo period at the Mokinsky I burial settlement]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2018, no. 1 (40), pp. 44-61. (In Russ.).
4. Voldina T. V. Osnovnye printsipy reinkarnatsii u obskikh ugrov [Basic principles of reincarnation among the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Criminal Studies]. 2016, no. 3 (26), pp. 96-110. (In Russ.).
5. Vostroknutov A. V. Nekotorye aspekty semantiki shumyashchikh ukrasheniy Permskogo Predural'ya kontsa XI - XIV vv. (material izgotovleniya i zvuk) [Some aspects of the semantics of the noisy decorations of the Perm Urals region of the late 11th – 14th centuries (material of manufacture and sound)]. *Trudy KAEЕ* [Works of the KAEЕ]. 2020, no. 17, pp. 115-121. (In Russ.).
6. Gemuev I. N. Narod mansi: voploshchenie mifa [The Mansi People: Embodiment of a Myth]. (In Russ.). Available at: <https://studylib.ru/doc/3851849/narod-mansi.-voploshhenie-mifa> (accessed: 30.11.2023).
7. Gening V. F. Azelinskaya kul'tura III-V vv.: Ocherki istorii Vyatskogo kraja v epokhu velikogo perenaseleniya narodov x Azelinskaya culture of the 3rd–5th centuries: Essays on the history of the Vyatka region in the era of the great overpopulation of peoples [Azelinskaya culture of the 3rd–5th centuries: Essays on the history of the Vyatka region in the era of the great overpopulation of peoples]. Izhevsk, 1963, 161 p. (In Russ.).
8. Gening V. F., Goldina R. D. Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e [Burial mounds of the Kharin type in the Upper Kama region]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Ural archeology]. 1973, no. 12, pp. 58-121. (In Russ.).
9. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo «Irkutskiy universitet», 1985, 285 p. (In Russ.).
10. Zolotarev A. M. Rodovoy stroy i pervobytnaya mifologiya [Tribal system and primitive mythology]. Moscow, Nauka, 1964. 328 p. (In Russ.).
11. Kazakov E. Etnokul'turnaya situatsiya IV-VII vv. n. e. v Srednem Povolzh'e [Ethnocultural situation in the 4th–7th centuries AD in the Middle Volga region]. «Finno-Ugrica». 2011, no. 12-13, pp. 8-50. (In Russ.).
12. Korenyuk S. N., Mel'nichuk A. F., Pereskokov M. L. Pogrebal'nyy obryad pozdney chasti mokinskogo mogil'nika [Funeral rite of the late part of the Mokinsky burial ground]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2011, no. 1 (15), pp. 65-80. (In Russ.).
13. Langinen A. V. Mifologiya finno-ugorskikh narodov Evrazii kak sistema smyslov i znacheniy [Mythology of the Finno-Ugric peoples of Eurasia as a system of meanings and values]. *Vestnik ChelGU* [Herald of Chelgu]. 2004, no. 1 (4), pp. 36-41. (In Russ.).
14. Lushina A. Obychay skal'pirovaniya v Starom Svete: khronologiya i arealy [The Custom of Scalping in the Old World: Chronology and Areas]. *Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture. Zimovniki* [Prehistory. Antiquity. Middle Ages. Research in history, archeology, culture]. Zimovnikovskiy kraevedcheskiy muzej, 2017, pp. 72-84. (In Russ.).
15. Morgan L. G. Drevnee obshchestvo ili issledovanie liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient Society or a Study of the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization]. Leningrad, Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR, 1934 350 p. (In Russ.).
16. Morgunova N. L. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Akoba V v 2005 g. [Research of the burial mound of Akob V in 2005]. *Vestnik OGPU* [Bulletin of the OGPU]. 2016, no. 2(18), pp. 187-204. (In Russ.).

17. Murav'ev V. B. Pera-bogaty' s beregov Lup'i [Pera the hero from the banks of the Lupya]. Perm, Kn. izd-vo, 1966, 64 p. (In Russ.).
18. Nalimov V. P. Zagrobnyy mir po verovaniyam zyryan. Etnograficheskoe obozrenie [The Afterlife According to Zyryan Beliefs. Ethnographic Review]. 1907, no. 1-2, pp 1-23. (In Russ.).
19. Nalimov V. P. Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov [Essays on the ethnography of the Finno-Ugric peoples]. Izhevsk-Sykt'yvkar, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury. Ural'skoe otделение RAN, 2010, 336 p. (In Russ.).
20. Ozhegova M. N. Komi-permyatskie predaniya o Kudym-Oshe i Perebogatyre [Komi-Permyak legends about Kudym-Osha and Perebogatyre]. Perm, Permskoe kn. izd-vo, 1971, 132 p. (In Russ.).
21. Fedorova E. G. Pogrebal'nyy kul't severnykh mansi v etnoistoricheskom aspekte [The burial cult of the Northern Mansi in the ethnohistorical aspect]. *Ot bytiya k inobytiyu. Fol'klor i pogrebal'nyy ritual v traditsionnykh kul'turakh Sibiri i Ameriki* [From Being to Other Being. Folklore and Funeral Ritual in Traditional Cultures of Siberia and America]. Saint Petersburg, Lemma, 2010, pp. 209-238. (In Russ.).
22. Chernetsov V. N. Predstavlenie o dushe u obskikh ugrov [The concept of the soul among the Ob Ugrians]. Trudy Instituta etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Moscow, Leningrad AN SSSR, 1959, vol. 51, pp. 114-156. (In Russ.).
23. Chugaeva S. V. Traditsionnyy pogrebal'no-pominal'nyy obryad komi-permyakov: konets XIX-XX vv. [Traditional funeral and memorial rites of the Komi-Permyaks: late 19th-20th centuries.]. Moscow, 2011, 200 p. (In Russ.).
24. Shmuratko D. V. Mogil'niki «Kharinskogo» tipa s territorii Severnogo Priural'ya (ili eshche odna popytka poiska «ugorskogo sleda») [Cemeteries of the "Kharinsky" type from the territory of the Northern Urals (or another attempt to find the "Ugric trace")]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2014, no. 3 (26), pp. 66-72. (In Russ.).
25. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The Origin of the Family, Private Property, and the State: In Relation to the Researches of Lewis G. Morgan]. Moscow, Politizdat, 1989, 222 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П. В. Хаярова – магистрант исторического факультета,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

А. В. Голдобин – старший преподаватель, кафедра Отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

P. V. Khayarova – Master's Student of the Faculty of History,

Perm State Humanitarian Pedagogical University;

A. W. Goldobin – Senior Lecturer, Department of National and Universal History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 16–26.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 16-26.

Научная статья

УДК 902:39

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-16-26

УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В АБОРИГЕННЫХ СОЦИУМАХ ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ ВПН. ФОРМИРОВАНИЕ ДИХОТОМИЧЕСКИХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АРХЕОЛОГО-ЭТНИЧЕСКИХ ТИПОВ (ЧАСТЬ 2)

Полина Вазыховна Хаярова¹, Анатолий Вольфрамович Голдобин²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ hartnet1@rambler.ru

² goldman@nextmail.ru

Аннотация. В статье представлена возможная преемственность традиций и представлений о священной земле и ее очищения на территории древнего Волго-Камья и Зауралья. Показана связь современной обрядности по данным этнографии со сведениями, полученными из археологических материалов. Выявлены аналогии в обрядности с жертвоприношениями у автохтонного населения Волго-Камья и Зауралья. Зафиксирована фратриальная дифференциация в обряде жертвоприношений при сопоставлении археологических, этнографических, топонимических материалов Прикамья и Зауралья. Одновременно представлены и некоторые фольклорные данные. Выдвинута точка зрения о влиянии билингвизма, соответствующего древней двухкомпонентности культур, на наименования местности в виде двойной топонимии со схожим значением на разных языках и приспособление топонимов к нуждам русскоязычного населения. Выдвинуты предположения о мотивации человеческих жертвоприношений в Прикамье в периоды смены культур, в эпоху ВПН (Великого переселения народов). Обозначен вопрос о детских жертвоприношениях. Дано объяснение вероятной причины практики ритуальных убийств детей на основании этнографических и археологических данных. Предложено суждение о связи космогонических представлений финно-угров и обских угров при использовании такого вида обрядности. Указано на возможную связь устройства святилищ Прикамья с представлениями финно-угорских народов о дуальности души и ее плюралистическом характере. Выявлены элементы сходства между обрядностью средневекового Прикамья и обских угров. Показана устойчивость ритуала, что свидетельствует о стабильности мировоззрения местного населения. Обоснована многокомпонентность культуры аборигенного населения. На основании сходжений сделано предположение о составе прибывающих групп на территорию Волго-Камья в эпоху ВПН. При отсутствии объединяющего культурного компонента между коренным и пришлым населением происходил военный конфликт. Основываясь на сходжении археологических материалов с угорскими маркерами и этнографическими данными, топонимией выдвинуто суждение о наличии угорского компонента.

Ключевые слова: фратрии, кровавое жертвоприношение, лол (лов, лылы), орт, искор (ис), йи (йир), билингвизм, двухкомпонентность.

Для цитирования: Хаярова П. В., Голдобин А. В. Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН. Формирование дихотомических космогонических представлений и их отражение в погребальной обрядности археолого-этнических типов (часть 2) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 16–26.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-16-26>

Original article

THE UGRIC COMPONENT IN THE ABORIGINAL SOCIETIES OF THE VOLGA-KAMA REGION OF THE VDNH EPOCH. THE FORMATION OF DICHOTOMOUS COSMOGONIC IDEAS AND THEIR REFLECTION IN THE FUNERAL RITES OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNIC TYPES. (PART 2)

Polina V. Khayarova¹, Anatoliy W. Goldobin²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ hartnet1@rambler.ru

² goldman@nextmail.ru

Abstract. The article presents a possible continuity of traditions and ideas about the sacred land and its purification on the territory of the ancient Volga-Kama and Trans-Urals. The connection of modern ritual according to ethnography with information obtained from archaeological materials is shown. Analogies in ritual with sacrifices among the autochthonous population of the Volga-Kama and Trans-Urals are revealed. The phratry differentiation in the sacrificial rite was recorded when comparing archaeological, ethnographic, toponymic materials of the Kama region and the Trans-Urals. At the same time, some folklore data are presented. A point of view is put forward on the influence of bilingualism, corresponding to the ancient two-component cultures, on the names of localities in the form of double toponymy with similar meaning in different languages and the adaptation of toponyms to the needs of the Russian-speaking population. Assumptions have been made about the motivation of human sacrifices in the Kama region during periods of cultural change, during the era of the Great Migration of Peoples. The issue of child sacrifices is outlined. An explanation of the probable causes of the practice of ritual murders of children is given on the basis of ethnographic and archaeological data. A judgment is proposed on the connection between the cosmogonic representations of the Finno-Ugrians and the Ob Ugrians when using this type of ritual. It is pointed out that the structure of the sanctuaries of the Kama region is connected with the ideas of the Finno-Ugric peoples about the duality of the soul and its pluralistic character. The elements of similarity between the rituals of the medieval Kama region and the Ob Ugrians are revealed. The stability of the ritual is shown, which indicates the stability of the worldview of the local population. The multicomponent nature of the culture of the aboriginal population is substantiated. Based on the convergence, an assumption is made about the composition of the arriving groups on the territory of the Volga region in the era of the VDNH. In the absence of a unifying cultural component, a military conflict took place between the indigenous and alien populations. Based on the convergence of archaeological materials with Ugric markers and ethnographic data, toponymy has put forward a judgment on the presence of the Ugric component.

Keywords: phratries, blood sacrifice, lol (lov, ly), ort, iskor (is), yi (yir), bilingualism, two-component.

For citation: Khayarova P. V., Goldobin A. W. "The ugric component in the aboriginal societies of the volga-kama region of the vdnh epoch. The formation of dichotomous cosmogonic ideas and their reflection in the funeral rites of archaeological and ethnic types (Part 2). Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:16-26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-16-26>

Введение

Определено, что «все современные народы выросли на гетерогенной основе, и имеют многокомпонентный состав» [Шнирельман 2013: 65]. «Групповая лояльность в традиционных обществах определялась клановой и племенной принадлежностью, перед которой языковые и культурные факторы, свойственные современной этничности, отступали на второй план, в подобных социумах царили билингвизм или многоязычие. Именно социальность в виде семейно-клановых и родоплеменных связей определяла самоидентификацию людей» [там же: 61]. Всякому «периоду существования археологической культуры соответствует сохранение определенного списка признаков», ее выделяющих [Белавин, Крыласова 2016: 29]. Обрядность (особенно ее наиболее консервативная часть: погребальный обряд и жертвоприношения,

оставляющие материальные следы), в процессе исполнения которой отражается миф и мировоззрение, является одной из главных составляющих этого перечня. Т. Н. Дмитриева рассматривает жертвоприношение как «дар, являющийся частью церемоний, обусловленных в большей степени ритуальными традициями и мифологическими представлениями «об устройстве вещей» [Дмитриева 2012: 36]. Дар всегда предполагает ценность, значимость, что потенциально обязывает его принимающего на ответ. Е. Г. Федорова указывает на связь принесения жертвы с наличием каких-либо отклонений от нормы. Именно они «по большому счету, побуждают произвести жертвоприношение, чтобы обеспечить поддержание (восстановление) миропорядка» [Федорова 2012: 403]. Исследователь отмечает, что «в работах целого ряда ученых содержатся данные о жертвоприношениях у обских угров, которые в той или иной степени позволяют восстановить отдельные стороны обрядов. Однако в силу особой сакральности многие нюансы закрыты даже для носителей культуры» [там же: 402]. Поэтому «особое внимание следует уделить развитию этнографическо-археологических (этно-археологических) исследований» [Шнирельман 2013: 67].

Для того чтобы понять причины, которые привели к созданию археологических памятников с модернизированной обрядностью, датируемых временем прихода кочевников, появлением в исследуемой местности неаборигенной топонимии, необходимо учитывать мировоззрение группы людей, определивших характер археологических памятников либо обозначивших местность соответствующим названием. Не менее важным представляется определить характер взаимоотношений пришлого и автохтонного населения. Основными источниками для решения проблемы представляются археологические материалы. В данном случае, недостаток или отсутствие письменных и ограниченные возможности археологических материалов побуждают использовать этнографические и другие вспомогательные (например, топонимия) источники.

Основная часть

Ритуалы могли проводиться только на территории священной местности. Если исходить из представлений угров о трехчленном строении вселенной, то в горизонтальной плоскости культовое место соответствовало центру мира. Жертвоприношения и общая трапеца объединяли, пусть на время, людей с богами и духами. Территория, на которой размещалось такое культовое место, называлась Ялпын-ма – священная земля, «нетоптанная» территория, свободная от хозяйственной деятельности человека [Гемуев 2000: 31–33]. Только на чистой земле могли находиться духи-покровители. У коми этнографами фиксировались некие представления о «загрязнении» местности, но они не были конкретизированы: «заразными являются и выделения человека, поэтому пермяк покрывает их землей. Избегает также пермяк производить выделения по близости рек, ключей, озер, нивы с ребенком, хлебом или молоком на руках» [Налимов 2010: 56–57]. Существуют «локальные наименования мест захоронений, связанные с территориальной топонимикой (Важ-важжез – «старые-престарые» – место старого кладбища) [Голева 2008: 22–23]», к которым у коми-пермяков особое отношение. В текущее время производится в определенные дни года обряд поминок старых людей (важ отир) (например, на Боринском могильнике близ д. Борино Кочёвского МО на расстоянии от Митинского могильника не более 20 км). Традиция характерна только для Гайнского, Косинского и Кочевского МО [Королева 2014: 162] (территория северных кластеров Харинской культуры).

С. Ю. Королева отмечает, что «в Кайском крае, в сев. районах Коми-пермяцкого округа известно несколько мест, где осуществлялись или осуществляются коллективные поминки [там же: 160–161]». О заметных «могильных ямах», у которых совершают поминки на Боринском могильнике писала Л. С. Грибова, предполагая, что могильник этот еще не слишком древний [там же: 164]. Манси сооружают «узкие длинные дощатые домики над глубокими ямами известные еще у обских манси» [Федорова 2010: 218]. Интересно, что В. Ф. Генинг определил специфику Урынского этапа ломоватовской культуры на данной местности: «в большинстве случаев (43 из 56) очертания прямоугольных могильных ям фиксировались довольно четко»

[Генинг 1970: 31]. В топонимике данные места возможно отражаются. Например, реки с основной Ве(и)жай. В переводе с коми-пермяцкого языка вежа – «святой, освещенный» [Кривошекова-Гантман 1983: 73]. В кудымкарском районе определяется река Вежайка, в Кочевском районе приток Лолога – река Вежайка, протекающая чуть южнее Пелыма, другая Вежайка, протекает к северу от Пелыма. Манси называют реку Вижай «Ялпынг-Я», что переводится, как «священная река» [Глинских, Матвеев 1975: 7–9, 55–56]. В «двойных» наименованиях, вероятно, проявляется билингвизм.

Г. В. Глинских и А. К. Матвеев в труде «Материалы по мансийской топонимике» в словаре используемых топонимов после представленного наименования манси указывают «переведенное» наименование на русский язык, которое указывается на карте. Сам процесс «перевода» топонимов они объясняют в тексте труда, отмечают в перечне известные «двуязычные» топонимы (например, Ялпынг-Я – Вижай) [там же: 5–9, 10–58]. И. Н. Гемуев отмечает: «в селе Вежакры вплоть до недавнего времени находился культовый центр фратрии Пор, в особом ящике пребывало изображение Консенг-ойки (Когтистого старика)» [Гемуев 2000: 76]. В ХМАО есть межселенная территория Вежакары (не включённая в состав территорий городских и сельских поселений, специально незаселенная). Жертвоприношения практиковались только на священной земле. У обских угров они подразделяются на кровавые (йи,йир,іі), бескровные (пори). Часто жертвовалась пища (либо варилась, либо преподносилось сырой, если жертвовались животные и люди). Также они могли выражаться в дарах в виде одежды, тканей и т. д. Жертвы приносились не только душам предков, но и богатырям, богам: «вырубалась и расчищалась поляна, у южной оконечности которой на нескольких опорах-пнях устанавливался амбарчик – жилище духов. Перед ним совершалось кровавое жертвоприношение или бескровное. Напротив ура-сумьяха варилась пища для жертвенной трапезы [Гемуев 1986: 31]». Жертвоприношения животных фиксируются во всех рассматриваемых культурах, однако есть некоторые различия. У ранних сарматов, например, чаще используются бараны (овцы) [Клепиков 2019: 37]. Однако в позднесарматских погребениях останки овцы уже практически не встречаются [Коробкова 2012:14]. А. З. Бейсенов указывает на предпочтение баранов в качестве жертвоприношения другим животным и у саков, поскольку их костные останки находятся в погребениях с правой стороны от умершего [Бейсенов 2018: 149]. П. Вереш фиксирует фратриальную дифференциацию жертвоприношений, затрагивая дискуссионный вопрос употребления сырого мяса: «Едят мясо не только вареное, но и сырое, а также пьют парную кровь жертвы, в отличие от бескровного жертвоприношения, где еду предварительно варят. Мось назывались в мифе «сыромясным народом», однако принадлежали к верхнему миру, а фратрия Пор – «вареномясной (котельный) народ – должна считаться скорее представителем мира нижнего» [Вереш 2014: 48].

С. Н. Коренюк указывает, что у коми фольклор о кровавых ритуалах довольно скуден: «Характерно, что рассказы о человеческих жертвоприношениях отмечены только у северных (архангельских) коми-зырян (ижемцев) и ненцев [Коренюк, Мельничук 2017: 153]». Однако в Прикамье и на территориях несколько севернее Камы практиковались человеческие жертвоприношения и по фольклорным данным. Согласно этногоническому мифу, коми произошли от братьев, Остьяса и Ошъяса, правивших в «золотой век богатырей». За отказ от человеческих жертвоприношений (по одному из вариантов мифа) Омолу были изгнаны в леса коршуном, крылья которого издавали гром, клюв извергал пламя. Обронив перо, коршун воздвиг горный хребет (Уральские горы), преградивший коми путь на родину [Петрухин 2005: 212].

В мифе о Пере-богатыре, который перевел В. В. Климов, «Объявился в этих мостах змей. Каждый день требовал змей к себе иньку, а утром ее пожирал. Много народа сожрал змей, много зла сделал людям» [Климов 1997: 225]. С. Н. Коренюк отмечает, что «в Нижнем и Среднем Прикамье на памятниках поздней стадии ананьинской культуры выявлены ритуальные захоронения с явными людскими жертвоприношениями» [Коренюк, Мельничук 2017: 152]. Археологи предполагают, что общество на тот момент трансформировалось из-за угроз извне, во время раннеананьинского периода в связи с милитаризацией общества происходит формирование

страт военных вождей и воинов различных рангов [там же]. Однако людских жертвоприношений того периода до сих пор не выявлено. На памятниках кулайской культуры также имеются свидетельства практики человеческих жертвоприношений [Ламин 2010: 1]. Человеческие жертвоприношения железного века и средневековья Приобья тоже отмечены [Коренюк, Мельничук 2017: 153], но фактов немного. Возможно из-за скудности материала.

С. Н. Коренюк приводит статистику: 37 % таких ритуалов вероятно связаны с площадками памятников, «которые, возникнув как поселения на рубеже VI–V вв. до н. э., трансформировались затем в святилища (Гремячанское, Гляденовское)» [Коренюк, Мельничук 2017: 150]. Гляденовская гора расположена на левом берегу реки Нижняя Мулянка. Если следовать представлениям обских угров о священной земле, то можно предположить, что человеческой кровью очищали местность. Поскольку она была запятнана жилищами с пришлыми людьми. Археологи отмечают, что среди человеческих жертвоприношений резко (75 %) преобладают детские. Из них большинство детей младенцев (57 %), раннее детство (17 %) и до 10 лет (23 %) [там же].

Л. С. Марсадолов пишет, что «при исследовании ограды, около угловой огромной юго-восточной стелы, обнаружено разрушенное погребение ребенка. В угловой ЮЗ стеле, обнаружено погребение взрослого мужчины, положенного в связанном положении с подогнутыми ногами. Это акладные жертвы в наиболее значимых местах тагарского кургана» [Марсадолов 2014: 63]. На святилищах вогулов и остяков, по данным С. В. Бахрушина, в особых случаях человеческие жертвоприношения, чаще всего детей, практиковали наравне с традиционными жертвоприношениями животных в позднем средневековье и новое время [Бахрушин 1955: 107–109]. Следует отметить факты совершения детских жертвоприношений в честь верховных божеств. К. Ф. Карьялайнен пишет, что «ребёнка-сироту, принесённого в жертву одному из сыновей Нуми-Торума на святилище, закололи острыми стрелами» [Карьялайнен 1995: 105]. Детские жертвоприношения вероятно связаны с главным предком фратрии Мось Мир-сусне-хумом и его Великой матерью Калтащ-эквой (по другому варианту мифа-сестрой). Существует несколько версий мифа о рождении бога, передвигающегося между мирами, седьмого сына вехнего бога Нуми-Торума: «Драматическая структура мифологемы о боге-младенце часто предполагает превращение в бога из сироты и наоборот» [Рымарева 2020: 20]. Калтащ-эква Нуми-Торум сначала сверг на землю, потом восстановил и снова забрал в верхний мир, а ее сын остался с «бабушкой жить», он не знал отца. Само его второе имя Эква-пырьсь переводится как «женщины сынок» [там же: 19] и содержит намёк на то, что он брошен отцом. Сирота-младенец оказывается сыном Бога. Он вознесся на небо после смерти, очистив «запятнанную» землю, восстановив ее святость.

Мир-сусне-хум как божество имеет несколько ипостасей: «лиственница, синица, невидимый дух, всадник на златогривом восьмикрылом коне. Но чаще всего он предстаёт в облике гуся, именно в таком лике он посещает птичью страну Мортимма. Мортимма – это страна иранцев. Облик гуся он использует для перемещения между мирами» [там же: 20]. Данный миф возможно указывает на иранское происхождение мифологии угров. Интересно, что археологические раскопки Искорского городища в Пермском крае показали схожесть истории возможного «очищения» после загрязнения священной земли. Искор являлся неукрепленным святилищем, а не «городком»: не обнаружено ни фортификационных сооружений, ни жилых построек [Корчагин, Шабурова 2009: 190]. То есть на его территории люди постоянно не проживали. Официальной версией происхождения наименования является: с коми-зырянского «изья» – каменистый и «кар» – (возможно, прапермское) городище. Также известна интерпретация Искора как «старого города». Она используется с позднего средневековья относительно его почти тезки, столицы Сибирского ханства (Искер).

Позднесредневековый город Сибирь, в самых ранних источниках – Кашлык (потом Искер, по-татарски иске – древний, ер, иер – земля), был и крупным центром международной торговли [Овчинникова 2014: 167, 189]. В современном мансийском языке слово «искор»

переводится как душа-тень (ис- душа у манси) – второй вид души у манси [Исхор 2012: 1]. Исследование мансийского словаря П. С. Палласа показало, что кондинский (восточный) и среднеобский (северный) диалекты совершили переход с прамансийского *к* в *х* (искор – исхор). То есть «искор» – намного более древний вариант слова [Кошелюк 2022: 8].

К. А. Попов считает, что представление об орте (коми аналог мансийской души искор) «собственно зырянское», оно не характерно коми-пермякам [Попов 1874: 59]. Однако «в кудымкарско-иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка ещё в 70-е гг. XX в. фиксировался термин «орт асьны», означающий «показаться в виде призрака, орта» [Чугаева 2011: 23–25]. Искор (орт, душа-тень) могла путешествовать по важным при жизни местам. Таким образом, возможно, что Искорское городище Чердынского района, учитывая данные археологии, связано с представлением о душах великих предков, которые при жизни посещали святилище и по представлениям потомков могли находиться в нем и после смерти, то есть вероятно «ис кор» -город душ. П. А. Корчагин объяснял выбор расположения городища Искор особой топографией местности (ее выбирали по определенным критериям священной земли): «Искор, как и остальные святилища в Прикамье, расположен на высоком холме. Для святилищ характерно особое расположение» [Сизова 2021: 1]. А. Ф. Мельничук и П. А. Корчагин на основе данных с археологических раскопок приходят к выводу, что «Искор являлся центральным сакральным местом Перми Великой» [Мельничук, Корчагин 2003: 128]. Также известно, что на территории искорского городища были найдены в процессе раскопок «18 детских захоронений. 18 детей от 1 года до 3 лет, один из них возрастом до 10 лет» [Корчагин 2008: 170].

В. А. Оборин пишет: «...Обнаружены они вдоль вала у часовни. Большинство из костяков 45–75 см в длину, лишь один 140 см... Захоронения произведены относительно одновременно. На 6 костяках имеются нательные старообрядческие кресты: один серебряный и пять из медного сплава с многоцветной эмалью. Имеет ли место дело с последствиями какой – то трагедии, произошедшей в начале XVIII в. (эпидемией или голодовкой)» [Оборин 1980: 6–10]. Однако эпидемия и голодовка не могут являться возможными причинами прекращения жизни части детей при наличии на скелетах свидетельств нанесенной смертельной травмы. М. Сизова уточняет, что «часть погребённых имеют явные следы насильственной смерти. Предположительное жертвоприношение произошло через 300 лет после того, как языческое святилище прекратило своё существование» [Сизова 2021: 1]. Прямых свидетельств о жертвоприношениях детей у коми-пермяков в современное время нет. Скорее, в виде быличек. Например, С. Ю. Королева при изучении детских кладбищ и отдельных погребений по обочинам дорог у коми-пермяков сделала предположение, что «подозрение в инфантициде провоцируется выбором уединенного места погребения и отсутствием свидетелей. В Усть-Пышьё детей хоронили по обочине дороги» [Королева 2018: 143]. Интересно, что «грудных детей (беззубых) манси хоронят не на кладбище, а где-нибудь в лесу, каждого отдельно, костер там не разводят. Считается, что ребенок мал, он не может повторить все то, что делали побывавшие у него на могиле родственники» [Ромбандеева 1993: 115].

Археологи указывают на нахождение «множества костей домашних животных во время раскопок Искорского городища, в первую очередь крупного рогатого скота (определение палеозоолога Е. Г. Андреевой). На городище приносили животных в жертву и проводился обряд ритуального употребления жертвенного мяса. Возможно, эти ритуальные действия после принятия христианства постепенно трансформировались в известные по более позднему времени жертвенные обряды – быкобои. Привлекает внимание то, что ближайший к Искору населенный пункт назывался Мысагорт (с коми-пермяцкого языка – коровий дом, очаг или коровье поселение). Видимо, корова являлась ведущим жертвенным животным на Искорском святилище» [Мельничук, Корчагин 2003: 128].

Жертвоприношения животных производились до нач. XXв., единично возрождались в XXI в. Обновленный на некоторое время ритуал «быкобой» подобен обрядам манси. И. И. Лепехин в конце XVIII в. отмечает, что каждая деревня коми «приводит с собой быка

или теленка, которого они в сей день закалывают и употребляют в снедь Илья пророк умоляет их приношением быка. В Прокопий закалывают барана» [Лепехин 1780: 237]. Этнографы описывают его и в XXI в.: «Жертвоприношение пермяков, бывающее 18 августа в день святых Флора и Лавра, в с. Коча Чердынского уезда (ныне Кочевский округ)», такой же обычай был известен в Юрлинской волости и д. Панино Гайнской волости [Пантюхин 2012: 85–101]. Детализация ритуала: «Во время обряда весь берег реки, где происходило действие, был забрызган кровью, а Онолва становилась красной. Именно кровавая. Кровь дает силу воде, чтобы эта вода становилась животворящей, целебной, поэтому многие из присутствовавших на празднике заходили в реку и умывались кровавой водой» [там же: 89]. Некоторые части животных раздаются местной администрации, другие духовенству, а остальные съедаются присутствующими. Распределение туши животного имело свой порядок: «голова посвящается Богу, филейная часть – попу, грудинка – нищим, а прочее – на православную братию. Шкура идет ... на приклад в часовню» [там же: 89]. Манси при подобном обряде поступали аналогично: «Шкуру лошади вместе с черепом вешали на высокий шест. Остатки сваренной туши и другую пищу относили в селение» [Федорова 2017: 37]. Животное привязывали к шесту, за ним смотрели двое мужчин, третий бил топором по лбу (обряды манси и коми-пермяков здесь также схожи). В большой Коче не смогли объяснить причину замену топора ножом на некоторое время. Истинное значение ритуала для них утеряно. На протяжении нескольких столетий нюансы обряда сохранились, при этом традиция имеет значительное сходство с мансийским аналогом, тем самым указывая, на устойчивость мировоззрения местного населения.

Заключение

В эпоху ВПН аборигенные социумы Волго-Камья не были этнически однородны. Археологические материалы демонстрируют наличие особых типов погребальной обрядности на одной территории с включением иноэтнических компонентов, что подтверждает присутствие дихотомических космогонических представлений у представителей автохтонного населения. После вторжений групп кочевников в Волго-Камье у коренного населения, несущего пласт устоявшейся культуры с угорской составляющей, фиксируется множество схождений по обрядности, топонимике. При прошествии определенного временного интервала после прихода людей извне происходит восстановление прежней обрядности, либо незначительное его изменение.

Список литературы

1. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. III. М. : АН СССР, 1955. С. 86–152.
2. Бейсенов А. З. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 3 (23). С. 138–162.
3. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник ПГНИУ. 2016. № 1 (32). С. 28–41.
4. Вереш П. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды карельского НЦ РАН. 2014. № 3. С. 43–52.
5. Гемуев И. Н. Народ манси: воплощение мифа. URL: <https://studylib.ru/doc/3851849/narod-mansi.-vorloshhenie-mifa> (дата обращения: 30.11.2023).
6. Генинг В. Ф. Позднеломатовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9: Памятники ломатовской культуры. С. 30–56.
7. Глинских Г. В., Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 5–63.
8. Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. 217 с.
9. Дмитриева Т. Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношение» // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель. Вып. V. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 33–43.

10. Заветный клад. Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия. (Перевод на русск. яз. и сост. – В. В. Климов). Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1997. 392 с.
11. Исхор. Мансийско-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/term?tid=239354> (дата обращения: 14.04.2024).
12. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск : Изд-во «Томский университет», 1995. 264 с.
13. Клепиков В. М. Сарматские погребения могильника Ковалевка: чужие среди своих? // Вестник ВолГУ. 2019. Т. 24. № 1. С. 35–46.
14. Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Черных Е. М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях нижнего и среднего Прикамья (конец VI – III вв. до н. э.) // Археология евразийских степей. 2017. С. 143–164.
15. Коробкова Е. А. Погребальный обряд позднесарматского времени Жутовского курганного могильника // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 2 (22). С. 14–17.
16. Королева С. Ю. «В голбче-то у нас могильник»: детские захоронения вне общего кладбища в XX веке (практики и нарративы Северного Прикамья) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 3. С. 138–149.
17. Королева С. Ю. Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 156–170
18. Корчагин П. А., Шабурова Е. В. Вехи крещения и христианизации Перми Великой XV – начале XVIII в.: археологический и искусствоведческий аспекты // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. № 6. С. 190–197.
19. Корчагин П. А. Новые «старые» материалы Искорского городища-святилища из раскопок 2008 г. // Труды КАЭЭ. 2008. № 5. С. 168–173.
20. Кошелюк Н. А. Графико-фонетические особенности первых памятников на мансийском языке сер. XVIII – нач. XX вв. М., 2022. 200 с.
21. Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь : Кн. изд-во, 1983. 175 с.
22. Ламин В. А. Кулайская культура. "Историческая энциклопедия Сибири", 2009. URL: https://web.archive.org/web/20151222145306/http://irkipedia.ru/content/kulayskaya_kultura_istoricheskaya_encyklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 09.04.2024).
23. Лепехин И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Росс. Гос-ва в 1771 году. Ч. 3. СПб, 1780. 202 с.
24. Марсадалов Л. С. Большой Салбыкский курган в Сибири // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2014. № 2(2). С. 59–65.
25. Мельничук А. Ф., Корчагин П. А. Новейшее изучение древнего Искора // Чердынский край: прошлое и настоящее : Материалы научных конференций. Чердынский музей. Чердынь : ИПК «Соликамск», 2003. 128 с.
26. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Серия "Новые источники". Ижевск-Сыктывкар : Удмуртский институт истории, языка и литературы. Уральское отделение РАН, 2010. 336 с.
27. Оборин В. А. Раскопки Искорского городища и святилища // Археологические открытия 1980 года. М. : Наука, 1980. С. 6–10.
28. Овчинникова Б. Б. Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 166–193.
29. Пантюхин Д. А. Коми-пермяцкий праздник Проллавер с обрядом Быкобой // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 85–101.
30. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. Астрель : АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.
31. Попов К. А. Зыряне и зырянский край // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1874. Т. XIII. Вып. 2. 59 с.
32. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. 208 с.
33. Рымарева Е. Н. Мифологема о сыне Бога в контексте обско-угорской литературной традиции // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. № Т. 14. № 2. С. 18–22.

34. Сизова М. Тайны древнего Искора. Штурм Перми Великой и кладбище убитых младенцев // URL: https://perm.aif.ru/society/details/tayny_drevnego_iskora_shturm_permi_velikoy_i_kladbishche_ubityh_mladencev (дата обращения: 14.04.2024).
35. Федорова Е. Г. Погребальный культ северных манси в этноисторическом аспекте // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб. : МАЭ РАН, 2010. С. 209–238.
36. Федорова Е. Г. Жертвоприношения у северных манси: о роли жреца, шамана, «знающего» // Актуальные проблемы изучения архаики : материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 402–416.
37. Федорова Е. Г. Лошадь в истории, культуре и мировоззрении обских угров. Томск, Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2017. 39 с.
38. Чугаева С. В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков: конец XIX–XX вв. : дис. канд. ист. наук. М., 2011. 200 с.
39. Шнирельман В. А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности? : Материалы Круглого стола. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 50–74.

References

1. Bakhrushin S. V. Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI-XVII vv. [Ostyak and Vogul principalities in the 16th-17th centuries]. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Vol. III, Moscow, AN SSSR, 1955, pp. 86-152. (In Russ.).
2. Beysenov A. Z. Issledovanie saksikh kurganov v urochishche Kaspan v Zhetysu [Research of Saka burial mounds in the Kaspan tract in Zhetysu]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2018, no. 3 (23), pp. 138-162. (In Russ.).
3. Belavin A. M., Krylasova N. B. Problema periodizatsii srednevekovykh arkheologicheskikh kul'tur Permskogo Predural'ya [The problem of periodization of medieval archaeological cultures of the Permian Urals]. *Vestnik PGNIU*. 2016, no. 1 (32), pp. 28-41. (In Russ.).
4. Veresh P. Etiologicheskii mif obskikh ugrov: proiskhozhdenie fraternal'noy organizatsii i model' mira [Etiological myth of the Ob Ugrians: the origin of the phratric organization and the model of the world]. *Trudy karel'skogo NTs RAN* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2014, no. 3, pp. 43-52. (In Russ.).
5. Gemuev I. N. Narod mansi: voploshchenie mifa [The Mansi People: Embodiment of a Myth]. (In Russ.). Available at: <https://studylib.ru/doc/3851849/narod-mansi.-voploshhenie-mifa> (accessed: 30.11.2023).
6. Gening V. F. Pozdnelomovatovskie mogil'niki v Komi-Permyatskom okruge [Late Lomovatovskie burial grounds in the Komi-Permyak Okrug]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Ural archeology]. 1970, iss. 9, pp. 30-56. (In Russ.).
7. Glinskikh G. V., Matveev A. K. Materialy po mansiyskoy toponimike [Materials on Mansi toponymy]. *Voprosy onomastiki*. 1975, no. 10, pp. 5-63. (In Russ.).
8. Goleva T. G. Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov [Mythological characters in the worldview of the Komi-Permyaks]. PhD thesis. Ekaterinburg, 2008. 217 p. (In Russ.).
9. Dmitrieva T. N. O neodnoznachnosti ponyatiya «zhertvoprinoshenie» [On the ambiguity of the concept of "sacrifice"]. *Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel'* [Sacrifice in the Archaic: Attribution, Purpose, Objective]. Iss. V. Saint Petersburg, MAE RAN, 2012, pp. 33-43. (In Russ.).
10. Zavetnyy klad. Izbrannaya komi-permyatskaya narodnaya proza i poeziya [The treasured treasure. Selected Komi-Permyak folk prose and poetry]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997, 392 p. (In Russ.).
11. Iskhor. Mansiysko-russkiy slovar' [Iskhor. Mansi-Russian dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dict.fu-lab.ru/term?tid=239354> (accessed: 14.04.2024).
12. Kar'yalaynen K. F. Religiya yugorskikh narodov [Religion of the Yugra peoples]. Vol. 2, Tomsk, Izd-vo «Tomskiy universitet», 1995, 264 p. (In Russ.).
13. Klepikov V. M. Sarmatskie pogrebeniya mogil'nika Kovalevka: chuzhie sredi svoikh? [Sarmatian burials of the Kovalevka cemetery: strangers among their own?]. *Vestnik VolGU* [Herald of Volga]. 2019, vol. 24, no. 1, pp. 35-46. (In Russ.).

14. Korenyuk S. N., Mel'nichuk A. F., Chernykh E. M. Chelovecheskie zhertvoprinosheniya na anan'inskikh poseleniyakh nizhnego i srednego Prikam'ya (konets VI - III vv. do n. e.) [Human sacrifices at the Ananyino settlements of the lower and middle Kama region (late 6th - 3rd centuries BC)]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2017, pp. 143-164. (In Russ.).

15. Korobkova E. A. Pogrebal'nyy obryad pozdnesarmatskogo vremeni Zhutovskogo kurgannogo mogil'nika [Funeral rite of the late Sarmatian period of the Zhutovsky burial mound]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. 2012, no. 2 (22), pp. 14-17. (In Russ.).

16. Koroleva S. Yu. "V golbche-to u nas mogil'nik": detskie zakhoroneniya vne obshchego kladbishcha v XX veke (praktiki i narrativy Severnogo Prikam'ya) ["We have a burial ground in Golbche": children's burials outside the common cemetery in the 20th century (practices and narratives of the Northern Kama region)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2018, vol. 19, no. 3, pp. 138-149. (In Russ.).

17. Koroleva S. Yu. Chud' s russkimi imenami: kogo i kak pominayut na chudskikh mogil'nikakh? (materialy Verkhnego Prikam'ya) [Chud with Russian names: who and how is commemorated at Chud burial grounds? (materials from the Upper Kama region)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic research]. 2014, no. 2, pp. 156-170. (In Russ.).

18. Korchagin P. A., Shaburova E. V. Vekhi kreshcheniya i khristianizatsii Permi Velikoy XV - nachale XVIII v.: arkheologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty [Milestones of baptism and Christianization of Perm the Great in the 15th – early 18th centuries: archaeological and art history aspects]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. 2009, no. 6, pp. 190-197. (In Russ.).

19. Korchagin P. A. Novye «starye» materialy Iskorskogo gorodishcha-svyatilishcha iz raskopok 2008 g. [New "old" materials from the Iskor settlement-sanctuary from excavations in 2008]. *Trudy KAEI* [Works of KAEI]. 2008, no. 5, pp. 168-173. (In Russ.).

20. Koshelyuk N. A. Grafiko-foneticheskie osobennosti pervykh pamyatnikov na mansiyskom yazyke ser. XVIII - nach. XX vv. [Graphic and phonetic features of the first monuments in the Mansi language of the mid-18th – early 20th centuries]. Moscow, 2022, 200 p. (In Russ.).

21. Krivoshchekova-Gantman A. S. Geograficheskie nazvaniya Verkhnego Prikam'ya. S kratkim toponimicheskim slovarem [Geographical names of the Upper Kama region. With a brief toponymic dictionary]. Perm, Kn. izd-vo, 1983, 175 p. (In Russ.).

22. Lamin V. A. Kulayskaya kul'tura. "Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri" [Kulai culture. "Historical Encyclopedia of Siberia"]. 2009. (In Russ.). Available at: https://web.archive.org/web/20151222145306/http://irkipedia.ru/content/kulayskaya_kultura_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 (accessed: 09.04.2024).

23. Lepekhin I. I. Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhina... po raznym provintsiyam Ross. Gos-va v 1771 godu [Continuation of the daily notes of Ivan Lepekhin's journey... through various provinces of the Russian State in 1771]. Part. 3. Saint Petersburg, 1780, 202 p. (In Russ.).

24. Marsadolov L. S. Bol'shoy Salbyk'skiy kurgan v Sibiri [The Great Salbyk Kurgan in Siberia]. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies* [Archaeoastronomy and Ancient Technologies]. 2014, no. 2(2), pp. 59-65. (In Russ.).

25. Mel'nichuk A. F., Korchagin P. A. Noveyshee izuchenie drevnego Iskora [The latest study of ancient Iskor]. *Cherdynskiy kray: proshloe i nastoyashchee* [Cherdynskiy kray: proshloe i nastoyashchee]. Cherdyn, IPK «Solikamsk», 2003, 128 p. (In Russ.).

26. Nalimov V. P. Ocherki po etnografii finno-ugorskikh narodov. Seriya "Novye istochniki" [Essays on the ethnography of the Finno-Ugric peoples. Series "New sources"]. Izhevsk-Sykt'yvkar, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury. Ural'skoe otdelenie RAN, 2010, 336 p. (In Russ.).

27. Oborin V. A. Raskopki Iskorskogo gorodishcha i svyatilishcha [Excavations of the Iskor settlement and sanctuary]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda* [Archaeological discoveries of 1980]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 6-10. (In Russ.).

28. Ovchinnikova B. B. Isker - Kuchumovo gorodishche (arkheologicheskie issledovaniya 1968 goda) [Isker - Kuchumovo settlement (archaeological research of 1968)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Povolzhskaya arkheologiya]. 2014, no. 1 (7), pp. 166-193. (In Russ.).

29. Pantyukhin D. A. Komi-permyatskiy prazdnik Prollaver s obryadom Bykobo [Komi-Permyak holiday Prollaver with the ritual of Bull-slayer]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie]. 2012, no. 1, pp. 85-101. (In Russ.).

30. Petrukhin V. Ya. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugrics]. Astrel, AST, Tranzitkniga, 2005, 463 p. (In Russ.).

31. Popov K. A. Zyryane i zyryanskiy kray [Zyryans and the Zyryan region]. *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [News of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography]. 1874, vol. XIII, iss. 2, 59 p. (In Russ.).

32. Rombandeeva E. I. Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov) [History of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (based on folklore and rituals)]. Surgut, АИК "Severnuy dom" i Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 208 p. (In Russ.).

33. Rymareva E. N. Mifologema o syne Boga v kontekste obsko-ugorskoj literaturnoy traditsii [The mythologem about the son of God in the context of the Ob-Ugric literary tradition]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Science of Man: Humanitarian Studies]. 2020, vol. 14, no. 2, pp. 18-22. (In Russ.).

34. Sizova M. Tayny drevnego Iskora. Shturm Permi Velikoy i kladbishche ubitykh mladentsev [Secrets of Ancient Iskor. The Storming of Perm the Great and the Cemetery of Murdered Babies]. (In Russ.). Available at: https://perm.aif.ru/society/details/tayny_drevnego_iskora_shturm_permi_velikoy_i_kladbishche_ubityh_mladentsev (accessed: 14.04.2024).

35. Fedorova E. G. Pogrebal'nyy kul't severnykh mansi v etnoistoricheskom aspekte [Погребальный культ северных манси в этноисторическом аспекте]. *Ot bytiya k inobytiyu. Fol'klor i pogrebal'nyy ritual v traditsionnykh kul'turakh Sibiri i Ameriki* [From Being to Other Being. Folklore and Funeral Ritual in Traditional Cultures of Siberia and America]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2010, pp. 209-238. (In Russ.).

36. Fedorova E. G. Zhertvoprinosheniya u severnykh mansi: o roli zhretsa, shamana, "znayushchego" [Sacrifices among the Northern Mansi: about the role of the priest, shaman, "the knower"]. *Aktual'nye problemy izucheniya arkhaiski* [Current issues in the study of archaism]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2012, pp. 402-416. (In Russ.).

37. Fedorova E. G. Loshad' v istorii, kul'ture i mirovozzrenii obskikh ugrov. Tomsk, Khanty-Mansiysk : Izd-vo TGU, 2017. 39 p. (In Russ.).

38. Chugaeva S. V. Traditsionnyy pogrebal'no-pominal'nyy obryad komi-permyakov: konets XIX-XX vv. [Horse in the history, culture and worldview of the Ob Ugrians]. PhD thesis. Moscow, 2011, 200 p. (In Russ.).

39. Shnirel'man V. A. Etnichnost' v arkhologii - real'nost' ili fantom? [Shnirelman V.A. Ethnicity in archeology – reality or phantom?]. *Etnichnost' v arkhologii ili arkhologiya etnichnosti?* [Ethnicity in archaeology or archaeology of ethnicity?]. Chelyabinsk, TsIKR Rifej, 2013, pp. 50-74. (In Russ.).

Информация об авторах

П. В. Хаярова – магистрант исторического факультета,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

А. В. Голдобин – старший преподаватель, кафедра
Отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

P. V. Khayarova – Master's Student of the Faculty of History,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;

A. W. Goldobin – Senior Lecturer, Department of National and Universal History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 27–35.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 27-35.

Научная статья

УДК 811.112.2

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-27-35

ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ

Мария Павловна Завгороднева

Языковой центр «Dialog», Пермь, Россия

Аннотация. В отечественной гуманитарной науке пристальное внимание уделяется взаимодействию языка и культуры. Одним из связующих звеньев между ними являются лингвокультурные коды. На сегодняшний день осуществляется фрагментарное изучение концептосферы немецкого языка в рамках отдельных публикаций, отсутствуют исследования, посвященные сравнению русского и немецкого природно-ландшафтного лингвокультурного кода. Выявление, изучение, описание лингвокультурных кодов, вербализующих национальную картину мира того или иного этноса способствуют достижению взаимопонимания представителей разных культур. Следует отметить, что и взаимодействие носителей разных языков состоится и будет более успешным при условии понимания национально обусловленных особенностей другого языка, включая те языковые единицы, которые актуализируют лингвокультурный код. В данной статье анализируется природно-ландшафтный код немецкой и русской лингвокультуры. Лингвокультурные коды составляют языковую картину мира того или иного социума, и овладение ими важно для понимания культурных особенностей другого народа. Особая роль в лингвокультурных кодах принадлежит фразеологизмам и паремиям, поскольку они возникли на пересечении языка и культуры для описания окружающего мира через устойчивые образы и ценностные ориентиры определённого социума. Цель исследования – выявление принадлежащих природно-ландшафтному лингвокультурному коду немецкой и русской культуры паремий и фразеологизмов, в которых они наиболее ярко проявляют свое культурное значение с привлечением этимологических данных, и последующее лингвокультурологическое комментирование этих единиц.

Ключевые слова: культура, язык, код культуры, природно-ландшафтный код, фразеологизм, паремия, немецкий язык, русский язык.

Для цитирования: Завгороднева М. П. Историко-ретроспективный анализ образов природы во фразеологизмах и паремиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 27–35. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-27-35>

Original article

HISTORICAL-RETROSPECTIVE ANALYSIS OF IMAGES OF NATURE IN PHRASEOLOGISTS AND PROMOES

Maria P. Zavgorodneva

Language center “Dialog”, Perm, Russia

Abstract. In Russian humanities, close attention is paid to the interaction of language and culture. One of the connecting links between them is the linguistic and cultural codes. To date, a fragmentary study of the conceptual sphere of the German language is being carried out within the framework of individual

publications, there are no studies devoted to the comparison of the Russian and German natural landscape linguistic and cultural code. The identification, study, and description of linguistic and cultural codes that verbalize the national picture of the world of a particular ethnic group contribute to the achievement of mutual understanding between representatives of different cultures. It should be noted that the interaction of speakers of different languages will take place and will be more successful if they understand the nationally determined features of another language, including those linguistic units that actualize the linguistic and cultural code. This article analyzes the natural landscape code of German and Russian linguistic cultures. Linguocultural codes make up the linguistic picture of the world of a particular society, and mastering them is important for understanding the cultural characteristics of another people. A special role in linguocultural codes belongs to phraseological units and proverbs, since they arose at the intersection of language and culture to describe the surrounding world through stable images and value guidelines of a certain society. The purpose of the study is to identify proverbs and phraseological units belonging to the natural landscape linguocultural code of German and Russian culture, in which they most clearly manifest their cultural meaning with the use of etymological data, and subsequent linguocultural commentary on these units.

Keywords: culture, language, cultural code, natural landscape code, phraseological unit, proverb, German, Russian.

For citation: Zavgorodneva M. P. Historical-retrospective analysis of images of nature in phraseological units and proverbs. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;14:27-35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-27-35>

Введение

Настоящая статья посвящена описанию лингвокультурного потенциала образов природы во фразеологизмах и поговорках. Для этого нами был использован лингвокультурологический подход, поскольку он опирается на идею взаимосвязи языка и культуры. «Культура воплощает свое содержание в языке как универсальном средстве означивания мира» [Ковшова 2016: 6]. «Фразеологический состав языка стал важнейшим полем исследования в лингвокультурологии, поскольку является совокупностью вербальных знаков, наделенных «культурной памятью», хранящих в своей семантике «культурный след», аккумулирующих культуры прошлого и настоящего» [там же]. Особую роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры этноса играют и поговорки, так как они особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны с осознанием человеком собственной сущности, закономерностей человеческого бытия, с восприятием законов социума и осмыслением его традиций, с осмыслением таких важнейших для человека и общества ценностных категорий как жизнь, смерть, судьба, здоровье, счастье, любовь и т. д. [Алефиренко, Семенов 2009: 311].

Основная часть

Для получения исследовательского материала нами был использован словарь Лутца Рёриха «*Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*» (2001), данные «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010), «Словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинова (2008). В результате поиска было выявлено 46 единиц (вхождений). В статье описан 21 образ фразеологизмов и поговорок с компонентами *Wald* и *лес*. Помимо этого, нами был использован исследовательский ресурс Google Books Ngram Viewer, немецкоязычный корпус DWDS, корпуса русского и немецкого языков Лейпцигской лаборатории и Национальный корпус русского языка, послужившие иллюстративным источником функционирования фразеологизмов и поговорок. Характерные особенности географической среды (почвы, рельефа, флоры, фауны) оказывают определённое влияние на отдельные стороны духовной культуры и психического склада нации. Это находит своё косвенное выражение в привычках, обычаях, обрядах, связанных с характерными чертами среды её обитания [Бромлей 2008: 213]. В результате взаимодействия нации со своим природным окружением возникает система знаков, которая наделена определённым культурным смыслом, – совокупностью лингвокультурных кодов. Основой для лингвокультурных кодов «может выступать практически любая чувственно

воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие...» [Савицкий, Гашимов 2005: 15]. На основании данного тезиса в современной лингвистике выделяется целый ряд лингвокультурных кодов: анималистический [Шустова, Тяпугина 2020], растительный [Зайцева 2021], костюмный [Банкова, Васильковская 2019], кулинарный [Ли, Колода 2023], музыкальный [Бельская 2018], природно-ландшафтный [Шустова, Носкова 2018; Пинягин, Завгороднева 2021], аквакод [Завгороднева 2023], морской [Богданова 2020] и другие.

Важное место среди лингвокультурных кодов занимает природно-ландшафтный код, ибо процесс взаимодействия человека с природой является непрерывным. Леса – наиболее распространённый тип растительности в европейских странах. До распашки земель и развития земледелия территория Германии была покрыта в большей своей части лесами, от которых в настоящее время уцелели только отдельные участки. Гай Юлий Цезарь (100 г. до н. э. – 44 г. до н. э.) в сочинении «Записки о Галльской войне» (58–50 гг. до н. э.) писал, что протяжность Герцинского леса, древнего и густого, тянувшегося к востоку от Рейна через южную Германию и образывавшего северную границу известной античным авторам части Европы, была так велика, что для его пересечения пешком, даже в быстром темпе, потребовалось бы не менее девяти дней. По довольно неточным древним данным, он простирался примерно от истоков Рейна до Карпат и, согласно современной классификации, включал в себя Богемский лес, Оденвальд, Шварцвальд, Тюрингский лес и др. Леса лучше всего сохранились в горах, с чем связаны и сами названия лесных горных хребтов: *Thüringer Wald, Bayerischer Wald, Schwarzwald, Westerwald, der Teutoburger Wald, Böhmischer Wald, Odenwald, Pfälzer Wald, Frankenwald* и т. д. [Перевод – М.З.] [Zechner 2016: 6].

Лес всегда играл большую роль в жизни немецких крестьян. Он был источником корма для скота, давал топливо и являлся естественным пастбищем для свиней. Может быть, поэтому старинная немецкая пословица гласит: *Wo der Wald stirbt, stirbt das Volk* (букв. Где умирает лес, там умирает народ). Вырастить лес – дело не одного года, об этом свидетельствует другая пословица: *die den Wald säen, ernten ihn nicht* (букв. Те, кто сажает лес, не пожинают его плодов) [Мальцева 2000: 35–36].

Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «*Wald*» и «лес» в немецком и русском языках позволил нам выделить следующие образы фразеологизмов и паремий.

1) Отсутствие культуры: *wie die Axt im Walde* («грубо себя вести»); *im Wald aufgewachsen* («вырасти в лесу»); *sind wir im Walde?* («мы же не в глухом лесу?»); *im Wald wohnen* («быть глупым»); *wie in der Wildnis* («ничего не понимая, ни в чем не разбираясь»). В данных фразеологизмах и паремиях основной акцент делается на недостаточное владение социальными правилами, ценностями, знаниями, (*wie die Axt im Walde* – значит вырасти вдали от культуры), имеющее следствием отсутствие воспитания. С таким же значением следует понимать и призыв вести себя в соответствии с признанными в обществе нормами поведения (*sind wir im Walde?*). Во фразеологизме *im Wald wohnen* отсутствие социализации имплицитно подразумевает отсутствие ума. Считаем, что такое развитие значения основано на идее обучения и развития мыслительных способностей среди людей, в обществе. В русском языке признак отсутствия культуры и как следствие неспособность разбираться в каких-либо вещах можно выделить в паремии: *wie in der Wildnis* (разг.) – «ничего не понимая, ни в чем не разбираясь».

Einige Leute benehmen sich auf öffentlichen Toiletten wie die Axt im Walde. Gespült wird da nicht, das benutzte Toilettenpapier wird nicht ins Klo, sondern daneben geworfen [DWDS, Die Zeit, 16.12.2014]

Guck mal, wie der sich benimmt, er ist wohl im Walde aufgewachsen [Девкин 1994: 730].

Warum hörst du hier so laut Musik? Sind wir im Walde? Mach doch sie aus [RID]!

Но ведь только лексика, а в грамматике – как в лесу [НКРЯ, Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

2) Чрезмерное внимание к деталям: *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* (за деревьями не видеть леса); *за деревьями леса не видеть* (проявляя внимание к мелочам, забывать о главном, основном). Первое употребление фразеологизма *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* зафиксировано в поэме «Музарион или Философия граций» (книга 2, строка 142) (1768 г.) поэта эпохи германского Просвещения Кристофа Мартина Виланда (1733 г. – 1813 г.): «*Die Herren dieser Art blend't oft zu vieles Licht, sie sehn den Wald vor lauter Bäumen nicht*». Позже данная единица встречается в его «Истории абдеритов» (1774 г.) (книга 5, строка 2), в трактате «*Über die vorgebliche Abnahme des menschlichen Geschlechtes*» (1777 г.) и в переводе писем Горация на немецкий язык. Предположительно, он перенял данный фразеологизм у античных классиков. Например, римский поэт Овидий писал «*frondem in silvis non cernere*» («из-за лесу дерева не видать») (Перевод – М.З.) [Mangold 2013: 123]. Австрийский поэт А. Блюмауэр (1755 г. – 1798 г.) подтверждает авторство К. Виланда в своей пародии на «Энеиду» (1784 г.) Вергилия:

*Er sieht oft, wie Herr Wieland spricht,
Den Wald vor lauter Bäumen nicht.*

Следует отметить, что К. Виланд ввёл в употребление только форму единицы, а не её образ. Он встречается уже у Овидия (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.) в собрании писем «Скорбные элегии» (8 г. н. э. – 18 г. н. э.). Баснописец раннего немецкого Просвещения Ф. фон Хагедорн (1708 г. – 1754 г.) даёт отсылку к «Скорбным элегиям» Овидия в своём поучительном стихотворении «Horaz» (1751 г.):

*Wie Democrit vertieft er sich in Träume,
Sitzt in dem Wald und sucht im Walde Bäume* [Перевод – М.З.] [Röhrich 2001: 1690].

При внешнем структурном сходстве паремий *за деревьями не видеть леса* и *den Wald vor lauter Bäume nicht sehen* между их значениями отмечаются некоторые отличия. В русском, это паремия о «мелочах, заслоняющих собою главное», а смысл немецкой – *das Offensichtliche nicht sehen, keinen Durchblick haben; etwas, was man sucht, nicht sehen, ob wohles in unmittelbarer Nähe liegt* [RID] (не видеть очевидного, не иметь ясного представления; не видеть того, что ищешь несмотря на то, что оно находится в непосредственной близости). Следует отметить, что в словарных толкованиях паремии в русском «мелочи» занимают более сильную позицию в отличие от немецкого. Смысл русской паремии в том, что кто-либо, уделяя внимание несущественным мелочам, не видит главного. В немецкой же паремии акцент делается на то, что кто-либо не видит того, что находится перед ним, не видит очевидного.

In dem Handytarif-Wirrwarr sieht man den Wald vor lauter Bäumen nicht mehr [RID].

Dies hat er dringend nötig, denn Thomas sieht den Wald vor lauter Bäumen nicht. Wenn jemand wie Thomas den Wald vor lauter Bäumen nicht sieht und darum nicht weiterweiß, wäre es eine bodenlose Gemeinheit, ihn zum Glauben zu drängen [Google Ngram, Johannes Winkel, Die Ich-bin-Worte Jesu: Texte, Kommentare, Entwürfe, 1995, S. 117].

Однако такой картина представляется только тогда, когда мы подробно рассматриваем каждое дерево отдельно – да еще со столь близкого расстояния, что «за деревьями не видно леса» [НКРЯ, П. Полонский. Государство Израиль как теологическая проблема (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 05.05.2003]

3) Межличностные отношения: *wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder herum* (досл. как крикнешь в лес, такой и будет звук вокруг; как аукнется, так и откликнется); *einem vom Wald erzählen* (досл. рассказывать кому-л. о лесе; врать и не краснеть); *eine Tanne macht keinen Wald* (досл. одна сосна не делает леса; один в поле не воин); *wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder herum* (досл. как крикнешь в лес, такой и будет звук вокруг; как аукнется, так и откликнется). Первый пример употребления паремии «*Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder herum*» зафиксирован в книге поэта Фрайданка (Freidank) (1230) «*Swie man ze walde rüefet, daz selbe er wider güefet.*» (Перевод – М.З.) [Drosdowski G., Scholze-Stubenrecht 2015: 816]. В русской паремии используется русский, междометный глагол *аукаться*. Он образован от восклицания «Ау-у», которым перекликаются идущие в лес грибники или ягодники, чтобы не

заблудиться. Варианты русской поговорки показывают, что речь идёт именно о «лесной» переключке: *Каково аукнешь, таково и откликнется; Как в лес кликнешь, так и откликнется; Каково стукнешь, таково и отзовется*. Аналогичные поговорки можно найти и в других славянских и неславянских языках: укр. *Як гукають, так і відгукуються*; бел. *Як гукнешь, так і адгукнецца*; польск. *Jak kto huka, tak mi echo odpowiada* [СПИ 2008: 17]. Полагаем, что в немецкой и русской паремиях отразилось мифологическое представление о «диалоге» с лесными духами. Считалось, что чем приветливее к ним обращался человек, пришедший в лес, тем лучше было отношение мифических обитателей.

"Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es zurück", das ist die volkstümliche Variante von Schillers "Edel sei der Mensch, hilfreich und gut". Dahinter steht der fromme Wunsch, dass die Guten unversehrt aus dem Wald herausfinden und die Bösen für immer verschwinden [RID].

Die Preise sollen gesenkt worden sein? Du erzählst einen vom Wald [Девкин 1994: 730].

Возможно, это симметричный ответ на попытки низвести фантастику до уровня чтива в метро, оправданный принципом «как аукнется, так и откликнется» [НКРЯ, Елена Сафронова. Фантаст в большой литературе: проблема самосознания // «Октябрь», 2013].

5) Опасное место: *jemandem in den Wald wünschen* («послать к чёрту на кулички»); *волков бояться – в лес не ходить* (опасаясь предстоящих трудностей и препятствий, не стоит и браться за сложное или рискованное предприятие. Употребляется как ответ на чьи-л. опасения, сомнения в успехе задуманного; иногда – как побуждение к действию). Фразеологическая единица *jemandem in den Wald wünschen* встречается у немецкого поэта и композитора периода классического миннезанга Вальтера фон дер Фогельвейде (1160–1228 гг.). Его политический шпрух обращён к Леопольду V: «*Herzoge uz osteriche, la mich bi den liute, wunsche mir ze velde und niht ze walde: ichn kan niht riuten*». Герцог пожелал поэту «*in den Wald gewünscht*», то есть послал его к чёрту на кулички. Своим остроумным ответом поэт возвращает ему его пожелание [Перевод – М. З.] [Röhrich 2001: 1691]. Образ опасности, вызванной неизвестностью и незащищённостью, прослеживается в немецком фразеологизме *jemandem in den Wald wünschen* (*jemandem verwünschen*), что буквально означает «желаю тебе очутиться в лесу». Смысл данной единицы заключается в том, что для одинокого путника лес таит множество смертельных опасностей, а отдаленность лишает надежды на чью-либо помощь. Здесь можно провести аналогию с русской паремией: *Волков бояться – в лес не ходить*. Лес наделён в ней иным смыслом – смелость, пренебрежение опасностью, отсутствие страха.

Er wünschte ihm in den Wald, in die unberührte, unangebaute Wildnis [RID].

Эмигрант, не опознавший русского волка? Волков бояться — в лес не ходить? *Скрытая цитата из пушкинских «Бесов» — «Что там в поле?» — «Кто их знает? пень иль волк?» Как хочешь толкуй эту метафорическую сцену* [НКРЯ, Иван Толстой. Барин из Парижа // «Русская жизнь», 2012].

6) Низкое качество: «*Marke deutscher Wald*» (досл. марка немецкий лес, «*Wald und Wiese*» (досл. лес и луг), «*Wald, Wiese und Bahndamm*» (досл. лес, луг и железнодорожная насыпь); *Feld-Wald-und-Wiesen* (досл. лес-поле-поле (лес-поле-луг); заурядный). Данные единицы были зафиксированы в немецком языке во время Первой мировой войны. В то время изготовление и оборот табачной продукции был под полным контролем государства, и вместо табака использовалось бадилье – размолотые стволы растения, с которого собирают махорочные листья. Бадилье добавляли в табак, отчего он становился почти чёрным, или вовсе обходились без него. Существительное *Bahndamm* – это шуточный намёк на траву, растущую на железнодорожной насыпи, которая, как считалась, была главным компонентом военного табака. Помимо этого, компонент *Feld-Wald-und-Wiesen* встречается в соединениях с существительными и выражает отсутствие примечательных черт у кого-либо или чего-либо [Перевод – М. З.] [Röhrich 2001: 1691]. В русском языке для вербализации аналогичного смысла используются образы, не связанные с лесом, например, документ низкого качества называют *филькиной грамотой*.

Da er an seinen Pfeifentabak «Marke deutscher Wald» gewöhnt war, brachte ihn eine Navycut fast um [RID].

Tabak ließ sich auch selber anbauen, ernten, trocknen. «Wald und Wiese» spotteten die Nichtraucher [RID].

Er dankte dafür mit aufsässigen Reden, stinkendem Haar. Brannte sich eine Karo an, extra in der DDR gekauft, wie die berühmte Knef sich ja auch diese stinkendste aller Zigaretten («Wald, Wiese und Bahndamm») extra aus der DDR kommen ließ [RID].

7) Что-то совершенно непонятное: *тёмный лес; как в тёмном лесу* (быть, очутиться) (что-то совершенно непонятное для кого-л.). Выражения отражают обилие лесных территорий в России и знание особенностей леса в народе. В густом лесу лучи солнца задерживаются листвой или хвоей деревьев и почти не освещают землю. В таком тёмном лесу трудно ориентироваться, ибо солнца бывает не видно. В немецком языке для вербализации аналогичного смысла используется образ, не связанный с лесом: *nur Bahnhof verstehen* (досл. понимать только вокзал).

Но вообще мне кажется правильным для такого сложного предмета, как наш, пользоваться международными учебными пособиями — попутно поневоле выучивая и немецкий и английский, а без них в науке все равно как в темном лесу [НКРЯ, И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава восьмая (1933–1935) (1995)].

Позвонил по этому вопросу Сулову, высказал свое несогласие с таким решением, а что толку из этого — он ведь в этих делах «как в темном лесу» [НКРЯ, П. Е. Шелест. Дневник (1969)].

А мы когда голову снимут, тогда шапки хватимся. Как в темном лесу. Оно положим не сладко теперь и образованным [НКРЯ, Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)].

8) Ошибки: *wo gehobelt wird, da fallen Späne* (досл. где стругают, там падает стружка; лес рубят — щепки летят); *лес рубят — щепки летят* (когда делается большое и важное дело, возможны ошибки, просчёты, издержки). Пословица связана с бытовым представлением о рубке дров и зафиксирована с XVIII в. в разных вариантах: *Где дрова рубят, там и щепки летят; где дрова рубят, там не без щепок; дрова рубят на поленнице* (то есть на месте для рубки дров), *а щепка далеко летит; у вас дрова рубят, а к нам щепки летят; где дрова [рубят], там щепка [валится]; где дрова — там не без щепок*. Известна и в других языках, например, польск. *gdzie drwa rąbią, tam wióry lecą*. Эти варианты опровергают предположение некоторых исследователей, что пословица производна от пословицы-рекомендации: *Не стой там, где дрова рубят* (так как отлетевшая щепка может попасть в тебя). Такая пословица не зафиксирована в источниках, во-вторых, она, даже, если бы и была известна, противоречила бы «оправдательному» смыслу известной пословицы [СПП 2008: 166]. В немецкой паремии вербализован аналогичный образ, ассоциированный с лесом, поскольку работа рубанком предполагает снятие стружки с дерева: *Wo gehobelt wird, da fallen Späne*. Различие обусловлено культурно-исторически. Изначально в русской культуре дрова использовались для отопления дома, и вырубка леса расценивалась как жизненная необходимость, по сравнению с которой щепки не принимались в расчет. В немецкой же культуре большую роль играла ремесленно-цеховая деятельность, отражённая в паремии.

Im Kampf um die Macht geht 's mal wieder nach dem Motto: Wo gehobelt wird, fallen Späne [RID].

Wo gehobelt wird, fallen Späne, und sicher wird auch beim Bundestreffen 2000 in Osterburken nicht alles immer ganz reibungslos funktionieren [RID].

Человек он не простой, а золотой, достойный выкормыш тех, кто его взлелеял и воспитал по принципу: «Лес рубят — щепки летят» [НКРЯ, В. П. Астафьев. Не хватает сердца (2015)].

9) Стремление вернуться к прежним привычкам: *смотреть в лес* (стремиться вернуться к прежнему месту жительства, работе и т. п.). Паремия — результат сокращения пословицы *как волка ни корми, он всё в лес смотрит* (как ни старайся расположить к себе кого-л. его истинная сущность, старые привязанности и привычки всё равно выявятся). Она известна большинству славянских народов — укр. *Скільки вовка не годуй, а він у ліс дивиться*, польск. *Natura ciagnie wilka do lasu*, болг. *Колкото и да храниш вълка, той гледа в гората*. В основе образа — известный

многим народам факт о лесном обитании волка, его угрюмом нраве и практической невозможности его приручения [СРП 2008: 60]. В немецком языке для передачи аналогичного смысла используется образ, не связанный с лесом: *Die Katze lässt das Mäusen nicht!* (досл. кошка никогда не перестанет мышковать!). Эта единица со времен Средневековья стала предметом многочисленных шванков и анекдотов на тему, что человек рано или поздно проявляет свой истинный характер, сколько бы другой не пытался его изменить.

Относительно Суетина и Чашиника тоже хочу обратить Ваше внимание, их нужно повысить, чтобы люди все же могли спокойно работать и не смотреть в лес [НКРЯ, Н. Н. Пунин. Письма А. Е. Аренс-Пуниной (1923)].

Заключение

Овладение природно-ландшафтным лингвокультурным кодом важно для понимания особенностей культуры и менталитета другого народа. Однако слова-компоненты с природно-ландшафтным значением в двух языках могут не совпадать в своих мифологических значениях как единицы лингвокультурного кода, что объясняет необходимость их сравнительно-сопоставительного анализа для выявления их схожести и отличия. Историко-ретроспективный анализ фразеологизмов может привести к обнаружению мотивированных и немотивированных связей и как следствие способствовать пониманию национальной культуры и языка.

Список литературы и источников

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М. : Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Банкова Т. Б., Васильковская А. А. Костюмный код в диалектной лингвокультуре: определение понятия (на материале говоров среднего Приобья) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 7(204). С. 48–54.
3. Бельская А. А. "Музыкальный код" романа И. С. Тургенева "Дворянское гнездо" // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3(80). С. 80–88.
4. Богданова И. М. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов "морской" тематики в английском языке // Язык, коммуникация и социальная среда. 2022. № 20. С. 8–20.
5. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Издательство ДКИ, 2008. 440 с.
6. Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики [НРСРС]: Свыше 12000 слов. М. : Русский язык, 1994. 786 с.
7. Завгороднева М. П. Лингвокультурный потенциал аквакода // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 39–47.
8. Зайцева М. В. Деньги в растительном коде русской лингвокультуры // Филология и культура. 2021. № 4(66). С. 61–65.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М. : ЛЕНАНД, 2016. 453 с.
10. Ли С., Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код: лингвокультурные и когнитивные особенности кулинарных рецептов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2(131). С. 225–239.
11. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., исп. и доп. М. : Изд-во «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ». 2000. 416 с.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
13. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
14. Носкова И. В., Шустова С. В. Природно-ландшафтный код английской культуры в лингводидактическом аспекте (на материале паремий и фразеологизмов). Пермь : Автономная некоммерческая организация высшего образования "Пермский институт экономики и финансов", 2018. 128 с.

15. Пинягин Ю. Н., Завгороднева М. П. Фразеологические единицы с опорным компонентом *Vaum* // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 4–14.
16. Савицкий В. М., Гашимов Е. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). М. : Изд-во «Московский городской педагогический университет», 2005. 169 с.
17. СРП – Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов и др.; под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель: АСТ, 2008. 381 с.
18. Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 190–199.
19. Drosdowski G., Scholze-Stubenrecht W. Duden Wörterbuch der deutschen Sprache «Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten». Mannheim: Dudenverlag, 2015. 862 p.
20. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: dwds.de (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
21. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
22. Mangold R. Deutsche Redewendungen und was dahintersteckt. Stuttgart, Zürich, Wien: Verlag Das Beste GmbH, 2013. 308 p.
23. RID – Lexikon für Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache. URL: <https://www.redensartenindex.de/suche.php> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
24. Röhrich L., Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 5. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 1910 p.
25. Wortschatz Universität Leipzig. URL: <http://corpora.uni-leipzig.de> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
26. Zechner J., Der deutsche Wald Eine Ideengeschichte zwischen Poesie und Ideologie. 1800–1945. Darmstadt: WBG, 2016. 850 p.

References

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Frazеологiя i pareмиологiя [Phraseology and paremiology]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 344 p. (In Russ.).
2. Bankova T. B., Vasil'kovskaya A. A. Kostyumnyy kod v dialektnoy lingvokul'ture: opredelenie ponyatiya (na materiale govorov srednego Priob'ya) [Costume code in dialectal linguaculture: definition of the concept (based on the dialects of the middle Ob region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2019, no. 7(204), pp. 48-54. (In Russ.).
3. Bel'skaya A. A. "Muzykal'nyy kod" romana I. S. Turgeneva "Dvoryanskoe gnezdo" ["Musical code" of the novel by I. S. Turgenev "A Nest of Gentry"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Oryol State University]. 2018, no. 3(80), pp. 80-88. (In Russ.).
4. Bogdanova, I. M. Lingvokul'turologicheskie osobennosti frazeologizmov "morskoy" tematiki v angliyskom yazyke [Linguocultural features of phraseological units on the "marine" theme in the English language]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment]. 2022, no. 20, pp. 8-20. (In Russ.).
5. Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow, Izdatel'stvo DKI, 2008, 440 p. (In Russ.).
6. Devkin V. D. Nemetsko-russkiy slovar' razgovornoй leksiki [NRSRS]: Svyshe 12000 slov [German-Russian Dictionary of Colloquial Vocabulary [NRSRS]: Over 12,000 Words]. Moscow, Russkiy yazyk, 1994, 786 p. (In Russ.).
7. Zavgorodneva M. P. Lingvokul'turnyy potentsial akvakoda [Linguocultural potential of aquacode]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 39-47. (In Russ.).
8. Zaytseva M. V. Den'gi v rastitel'nom kode russkoy lingvokul'tury [Money in the plant code of Russian linguistic culture]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2021, no. 4(66), pp. 61-65. (In Russ.).
9. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury [Linguocultural method in phraseology. Codes of culture]. Moscow, LENAND, 2016, 453 p. (In Russ.).
10. Li S., Koloda S. A. Natsional'naya kukhnya Kitaya kak kul'turnyy kod: lingvokul'turnye i kognitivnye osobennosti kulinarnykh retseptov [National Cuisine of China as a Cultural Code: Linguocultural and Cognitive Features of Culinary Recipes]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2023, no. 2(131), pp. 225-239. (In Russ.).

11. Mal'tseva D. G. Germaniya: strana i yazyk. Landeskunde durch die Sprache. Lingvostranovedcheskiy slovar' [Germany: Country and Language. Landeskunde durch die Sprache. Linguistic and Regional Dictionary]. 2nd ed., Moscow, Izd-vo «Russkie slovari», OOO «Izdatel'stvo Astrel'», OOO «Izdatel'stvo AST», 2000, 416 p. (In Russ.).
12. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovits: okolo 70000 poslovits [Large dictionary of Russian proverbs: about 70,000 proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2010. 1023 p. (In Russ.).
13. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: noyabr' 2023 g.). (In Russ.).
14. Noskova I. V., Shustova S. V. Prirodno-landshaftnyy kod angliyskoy kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte (na materiale paremiy i frazeologizmov) [Natural-landscape code of English culture in the linguodidactic aspect (based on paremiyas and phraseological units)]. Perm, Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya vysshego obrazovaniya "Permskiy institut ekonomiki i finansov", 2018, 128 p. (In Russ.).
15. Pinyagin Yu. N., Zavgorodneva M. P. Frazeologicheskie edinitsy s opornym komponentom Baum [Phraseological units with the supporting component Baum]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 1, pp. 4-14. (In Russ.).
16. Savitskiy V. M., Gashimov E. A. Lingvokul'turnyy kod (sostav i funktsionirovanie) [Linguocultural code (composition and functioning)]. Moscow, Izd-vo «Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy uniersitet», 2005, 169 p. (In Russ.).
17. Mokienko V. M., Ermolaeva Yu. A., Zaynul'dinov A. A. i dr. SRP - Slovar' russkikh poslovits: ok. 1000 edinits [SRP - Dictionary of Russian proverbs: approx. 1000 units]. Moscow, Astrel', AST, 2008, 381 p. (In Russ.).
18. Shustova S. V., Tyapugina A. E. Aktualizatsiya animalisticheskogo koda kul'tury vo frazeologii russkogo i angliyskogo yazykov [Actualization of the animalistic code of culture in the phraseology of the Russian and English languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 190-199. (In Russ.).
19. Drosdowski G., Scholze-Stubenrecht W. Duden Wörterbuch der deutschen Sprache «Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten». Mannheim: Dudenverlag, 2015. 862 p.
20. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: dwds.de (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
21. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
22. Mangold R. Deutsche Redewendungen und was dahintersteckt. Stuttgart, Zürich, Wien: Verlag Das Beste GmbH, 2013. 308 p.
23. RID – Lexikon für Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache. URL: <https://www.redensartenindex.de/suche.php> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
24. Röhrich L., Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 5. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 1910 p.
25. Wortschatz Universität Leipzig. URL: <http://corpora.uni-leipzig.de> (дата обращения: ноябрь 2023 г.).
26. Zechner J., Der deutsche Wald Eine Ideengeschichte zwischen Poesie und Ideologie. 1800–1945. Darmstadt: WBG, 2016. 850 p.

Информация об авторе

М. П. Завгороднева – преподаватель, языковой центр «Dialog»; аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

M. P. Zavgorodneva – Teacher, Dialog Language Center; Postgraduate Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 36–42.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 36-42.

Научная статья

УДК 81'32

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-36-42

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БИБЛЕИЗМА *ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ольга Николаевна Путина¹, Дарья Сергеевна Тюрина²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ onputina@mail.ru

² dariatiurina1211@gmail.com

Аннотация. В данной статье объектом исследования является фразеологический библеизм *избиение младенцев*, который анализируется в русскоязычном медийном, публицистическом, педагогическом и художественном дискурсах. Под фразеологическими библеизмами понимаются фразеологические сочетания и афоризмы библейского происхождения, восходящие к Библии устойчивые выражения, которые интенционально употребляются в дискурсах нерелигиозного характера. Фразеологические библеизмы представляют собой такие единицы, значения которых зафиксированы в лексикографических источниках, но в современном дискурсе часто получают иную интерпретацию. Цель исследования – охарактеризовать семантический и прагматический потенциал библеизма *избиение младенцев*, проанализировать динамику его употребления на материале номинаций словарей и корпусов, выявить его прагматические функции. Фразеологические библеизмы способны трансформироваться, прагматикализироваться и приобретать новые значения. Они могут выражать различные интенции говорящих, отображать широкий спектр разнообразных эмоций, актуализировать вспомогательную прагматическую функцию, включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования. Прагматический потенциал фразеологических библеизмов заключается в их функциях, реализуемых в контексте. Исследование фразеологических библеизмов позволяет выявить их инвентарь и определить прагматические функции. Фразеологический библеизм «избиение младенцев» часто интерпретируется как конфликтогенная единица дискурса, способная усиливать категоричность высказывания, повышать градус коммуникации, интенсифицировать негативную тональность. Предложенный функционально-прагматический подход к описанию характеристик фразеологических библеизмов применим для лингвистического описания других фразеологических единиц в рамках разных типов дискурса. Результаты данного исследования в перспективе могут способствовать более продуктивному и кооперативному общению как между индивидами, так и в обществе в целом.

Ключевые слова: фразеологический библеизм, фразеологизм, дискурс, контекст, прагматическая функция, функционально-прагматический подход, конфликтогенность.

Для цитирования: Путина О. Н., Тюрина Д. С. Функционирование фразеологического библеизма «избиение младенцев» в современном русскоязычном дискурсе: прагматический аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 36–42. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-36-42>

Original article

FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGICAL BIBLICALISM *ИЗБИЕНИЕ* *МЛАДЕНЦЕВ* IN MODERN RUSSIAN DISCOURSE: PRAGMATIC ASPECT

Olga N. Putina¹, Darya S. Tyurina²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ onputina@mail.ru

² dariatiurina1211@gmail.com

Abstract. In this article the object of research is phraseological biblicalism *избиение младенцев*, which is analyzed in Russian media, journalistic, pedagogical and artistic discourses. Phraseological biblicalisms are phraseological combinations and aphorisms of biblical origin, stable expressions that go back to the Bible, and are used intensively in non-religious discourses. Phraseological biblicalisms are such units which meanings are fixed in lexicographic sources, but in modern discourse they often receive a different interpretation. The aim of the study is to characterize the semantic and pragmatic potential of the biblicalism *избиение младенцев*, to analyze the dynamics of its usage on the material of nominations of dictionaries and corpora, to identify its pragmatic functions. Phraseological biblicalisms are able to transform, pragmaticalize and acquire new pragmatic meanings. They can express different intentions of speakers, display a wide range of various emotions, actualize auxiliary pragmatic function, being included in the system of multistage pragmatic variation. The pragmatic potential of phraseological biblicalisms lies in the totality of their functions realized in the context. The study of phraseological biblicalisms allows us to identify their inventory and determine their pragmatic functions. The phraseological biblicalism «избиение младенцев» is often interpreted as a conflictogenic unit of discourse, capable of increasing the categorical nature of the statement and intensifying the negative tone. The proposed functional-pragmatic approach to describing the characteristics of phraseological biblicalisms is applicable to the linguistic description of other phraseological units within different types of discourse. The results of this study can contribute to more productive and cooperative communication both between individuals and in society in general.

Keywords: phraseological biblicalism, phraseologism, discourse, context, pragmatic function, functional-pragmatic approach, conflictogenicity.

For citation: Putina O. N., Tyurina D. S. Functioning of the phraseological biblicalism «избиение младенцев» in modern russian discourse: pragmatic aspect. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:36-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-36-42>

Введение

В языковом сознании носителей современного русского языка существует так называемая культурная лакуна, связанная с осмыслением фразеологических единиц библейского происхождения. Существование данной лакуны можно объяснить тем фактом, что как молодое, так и более старшее поколения не были приобщены к чтению библейских текстов и, как следствие, нередко не в состоянии понять и объяснить значение многих библеизмов. Поэтому фразеологические библеизмы часто остаются «неопознанными» единицами [Соловьева 2018: 106]. Фразеологические библеизмы – это восходящие к Библии устойчивые выражения, которые могут быть распознаны как заимствования из Священного Писания (*агнец божий, корень зла*), а могут быть не идентифицированы как таковые (*казни египетские, камо грядеши?*) [Проконина, Бакина 2020: 64–66]. В обоих случаях использование фразеологического библеизма в тексте нерелигиозного характера интенционально в том смысле, что даже если референциальный элемент семантики выражения не считывается, разница между архаичностью, целостностью, образностью и экспрессивностью библеизма и более нейтральным его окружением, как правило, интуитивно понятна в контексте. Такая “игра на контрасте” позволяет в более явном виде передать отношение говорящего к предмету разговора, а также реализовать различные прагматические функции.

Основная часть

Фразеологический библеизм *избиение младенцев* представляет собой номинативное сращение, причем компонент *избиение*, имеющий форму отглагольного существительного, указывает на процессуальность. Глагол *избить* в данном случае употребляется в значении “истребить, умертвить”. В русском языке этот глагол прошел через номинализацию. Кроме

того, русское выражение (собственно библеизм в современном его виде) имеет переносное значение и употребляется в качестве метафоры. В контексте выражение может обладать иронической или шуточной окраской [Дубровина 2010: 42].

Выражение *избиение младенцев* встречается в Евангелие от Матфея, где повествуется о рождении Христа и последовавших за этим событиях. Иисус родился в Вифлееме в дни правления царя Иудеи Ирода. Когда к Ироду пришли волхвы, вопрошая *Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему*, Иродом овладел страх. Думая, что родился претендент на его престол, Ирод решил избавиться от ребенка. Узнав от первосвященников и книжников, где суждено родиться Иисусу, он послал волхвов в Вифлеем, попросив их убедиться в правильности места и вернуться с вестями, чтобы Ирод тоже смог поклониться сыну Божьему. Однако, встретившиеся с Иисусом и его матерью, волхвы получили во сне откровение о том, что возвращаться к Ироду опасно, и вернулись домой другим путем. Разгневанный поведением волхвов, Ирод приказал избить всех младенцев Вифлеема, от двух лет и младше, исполнив тем самым пророчество Иеремии [ФСФ].

Лексикографические источники представляют следующие значения библеизма *избиение младенцев*: 1) «расправа влиятельных и сильных над беззащитными, слабыми, неопытными людьми, применение строгих мер против людей, за которых некому постоять»; 2) «коренное истребление, разрушительная кампания с участием большого количества людей»; 3) «массовые бессмысленные жестокости и насилие, совершаемые в результате произвола»; 4) «жестокое обращение с детьми и применение строгих мер по отношению к кому-либо в целом»; 5) «торжество сильного над слабым»; 6) «издевательство над беззащитными или строгие меры по отношению к кому-либо (в том числе придирчивая критика, оценка чужих действий, литературных опытов)» [ФССЯ].

Хотя фразеологизм *избиение младенцев* зародился в рамках религиозного дискурса и относится к категории постбиблейских, оформившись в устойчивое сочетание и превратившись из средства прямой номинации в средство косвенной, не прямой, метафорической номинации, его употребление выходит далеко за пределы религиозного и богословского дискурсов. По утверждению Н. Н. Меньшаковой, фразеологизмы способны реализовывать семантику конфликта [Меньшакова 2022: 12]. В современном русском языке фразеологический библеизм *избиение младенцев* часто употребляется в контексте чрезмерных строгостей, суровых требований, предъявляемых к людям молодым, неопытным [КС]. Лексикографические источники фиксируют связанные с данным фразеологизмом слова и выражения с явной конфликтогенной семантикой – «массовая резня, разъярённая толпа, психическая атака, предать смерти, чудовищное оружие, воспылать гневом» [СС]. В русском языке библеизм *избиение младенцев* можно заменить словами "расправа", "жестокость" или фразеологизмами "икуру спустить", "задать трёпку", "дать берёзовой кашки" [Избиение младенцев: эл. ресурс]. Мы обнаружили достаточное количество примеров употребления фразеологического библеизма *избиение младенцев* с семантикой агрессии и конфликта в педагогическом и художественном дискурсах:

1) «Физики не будет и литературы тоже не будет. Потом – по расписанию – английский: Гертруда Георгиевна раскроет журнал, и начнется **избиение младенцев**. Она всегда так говорит, когда собирается опросить учеников английской группы. Гертруда ставит отметку в дневнике, как будто дает автограф. Схватил тройку или двойку – увернись вовремя: Гертруда швыряет дневник в лицо лодырям и тупицам. «Силь ву плэ», – говорит она по-французски вслед летящему дневнику» (Г. Бер, «Сулико» // «Волга» [НКРЯ]). В данном примере агрессивное значение фразеологизма усиливается с помощью конфликтогенных единиц «швырять дневник в лицо», «лодыри», «тупицы» и т. д.

2) «Если сказать, что математика письменно была «ночью **избиения младенцев**», то это не передаст реального ужаса этого экзамена» (С. Молодняков, «Записки юного синоптика» [КС]). Здесь автор использует фразеологизм *избиение младенцев* для передачи напряженной атмосферы и сложности письменного экзамена по математике, усиливая эффект словосочетанием «реальный ужас».

3) *«Некоторым соплякам, – он шлёпнул по затылку некстати вынырнувшего из-под его руки шестиклассника и весело сверкнул чёрными глазами, – живо **избиение младенцев** устроим с отрыванием голов и выдёргиванием конечностей, если успеваемость вздумают понизить по биологии или географии!»* (И. Мельникова, «Мой ласковый и нежный мент» [КС]). Данный пример также иллюстрирует агрессивную тональность фразеологизма, дополненную уничижительными, оскорбительными и угрожающими словами и словосочетаниями «сопьяк», «шлёпнуть по затылку», «отрывание голов», «выдёргивание конечностей».

К проблеме семантики конфликта обращаются также исследователи В. В. Дикова и Э. Ф. Зеер, рассматривая педагогическую агрессию как деструктивное речевое поведение, выражающееся в нарушении профессионально-нравственных норм взаимодействия учителя и учащихся, что проявляется в насмешках, угрозах, навешивании «ярлыков», грубости, желании подчинить своим требованиям [Дикова, Зеер 2005: 80]. К сожалению, авторитарный и агрессивный педагогический стиль по-прежнему характеризует современный дискурс, что свидетельствует о низком уровне эмпатии, эмоционального интеллекта и профессионализма. Мы полагаем, что употребление конфликтогенных высказываний является контрпродуктивным, порождает страх, злость и презрение к их автору. Автор педагогического дискурса как взрослый, образованный, ответственный и эмоционально зрелый индивид обязан научиться управлять своими эмоциями и владеть навыками продуктивного и бесконфликтного общения в своей профессиональной сфере.

Следующий вид дискурса, в котором встречается фразеологический библеизм *избиение младенцев* – это медийный: *То, что происходило в последнем матче ярославцев во Дворце спорта “Автодизель”, иначе как **избиением младенцев** не назовешь. Волжанам в полной мере удалось прощание со старой ареной: они превзошли соперников по всем статьям* (В. Поляк, Разгром на прощание // Советский спорт [НКРЯ]). Здесь любопытно проанализировать сравнение соперничества в спорте с евангельским сюжетом: яркость и образность высказывания достигается не только за счет употребления фразеологизма, но и благодаря его окружению: употребление указательного местоимения *то*, а также усилительной конструкции *иначе как <...> не назовешь* в рамках предложения нацелено на реализацию прагматической функции убеждения. Это связано с тем, что использование культурно значимых прецедентных лингвистических структур повышает “авторитетность” высказывания в глазах адресата. То же касается и элементов авторского комментирования, представленных во втором предложении: связка *образ + комментарий* позволяет привлечь внимание читателя и убедить его. В приведенном примере мы наблюдаем ироническое, шутливое использование фразеологизма. Ирония возникает ввиду дистанции, контраста между жестокостью ситуации, описанной в Библии, и относительной банальностью, нейтральностью ситуации спортивного поединка.

Далее обратимся к фрагменту публицистического дискурса: *«Мы никому не мешали, все, кто захотел, пришли на собрание <...>. Все было сделано по закону, главное – без скандала, разнося дверей и **избиения младенцев**»* (С. Петрова, «Нужные акционеры» // «Ведомости» [НКРЯ]). Прагматическое действие фразеологизма здесь усиливается за счет употребления отрицательных частиц *не* и *без*, отрицательного местоимения *никому*, антонимичного ему *все*, местоимения *всё*, которые играют роль интенсификаторов. К факторам интенсификации можно отнести и употребление комментирующей и отчасти дублирующей конструкции *все, кто захотел, пришли на собрание*, а также использование однородных членов предложения *без скандала, разноса дверей и избиения*, выстроенных по принципу градации, где последний элемент – наиболее “сильный”. Очевидно, что при употреблении отрицательных частиц и разного рода местоимений фразеологизм может использоваться в том числе для выстраивания стратегии защиты. Отсылая к ситуации крайней жестокости, адресант показывает, что его действия не могут быть квалифицированы как чрезмерные и подлежащие осуждению.

Рассмотрим примеры функционирования фразеологизма в рамках художественного дискурса: «*Через сорок минут хладнокровный Маттео прикончил нас последним ударом. Если бы это **избиение младенцев** продлилось еще хотя бы минут пять, публике вряд ли хватило бы такта оставаться такими же снисходительными*» (А. Геласимов, «Год обмана» [НКРЯ]). В приведенном фрагменте со значением осуждения актуализируется не только переносный, но и физический смысл фразеологизма, связанный с насилием: «*Маттео прикончил нас последним ударом*». Кроме того, фразеологизм употребляется в связке с местоимением *это*, которое можно квалифицировать как акцентный элемент, усиливающий позицию фразеологизма по отношению к высказыванию в целом: внимание адресата сосредоточено на фразеологизме в том числе благодаря такому синтаксическому окружению.

Роль акцентуаторов могут выполнять также знаки препинания, в частности, восклицательные знаки: «*– Так в чем же разница? Выжил Трепов или нет – ваши принципы ведь это не меняет? – Дядя Сергей! Ну полно тебе, это уж **избиение младенцев**. Как хозяйка команду: отставить! – рассмеялась Зина. <...> – Есть отставить **избиение младенцев!** – весело отозвался Сергей*» (И. Ратушинская, «Одесситы» [НКРЯ]). В данном случае интерес представляет тот факт, что фразеологизм, тематически связан с крайней жестокостью, употребляется в рамках шутки, о чем свидетельствуют глаголы и словосочетание «*рассмеялась*», «*весело отозвался*». Можно предположить, что такое функционирование фразеологизма объясняется его ближайшим окружением: на контрасте с лексикой и синтаксисом, свойственными для разговорного дискурса, библейский фразеологизм вызывает комический эффект. Важно помнить, что достаточно часто речь идет об ироническом, шутовском употреблении фразеологизма *избиение младенцев*, о чем свидетельствуют соответствующие пометы в словарях [Шулежкова 2011: 202].

В качестве акцентуаторов и интенсификаторов для *избиения младенцев* могут также выступать и другие библейские фразеологизмы: «*– Что может случиться? – растерянно спросил я. – Я знаю?! – Торелли пожал плечами. – Варфоломеевская ночь! **Избиение младенцев!** Похищение сабинянок! Последний день Помпеи! Что вам больше понравится*» (К. Г. Паустовский, «Повесть о жизни. Время больших ожиданий» [НКРЯ]). В данном фрагменте мы имеем дело с последовательностью фразеологизмов, оформленных как восклицания. Их выбор обусловлен семантической близостью тем насилия и ужаса. Обилие ярких образных выражений с отрицательными коннотациями позволяет передать растерянность и страх. Такая стратегия употребления ряда контекстных синонимов позволяет погрузить адресата в видение адресанта и актуализирует функцию убеждения.

Заключение

Таким образом, устойчивые фразеологические единицы являются частью социально-культурного наследия языковой общности [Меньшакова, Валеева 2022: 32]. Они способны придать тексту яркость и образность, характеризуются полиинтенциональностью и полифункциональностью. Фразеологический библеизм *избиение младенцев*, восходящий к Евангелию от Матфея, в настоящее время широко употребляется в нерелигиозных дискурсах (медийном, публицистическом, педагогическом, художественном). Так как этимологически *избиение младенцев* обозначает расправу сильного над слабым и неопытным человеком, то данный библеизм реализует широкий спектр конфликтогенных прагматических функций (агрессия, ужас, злость, грубость, категоричность, угроза, унижение, оскорбление, насмешка, осуждение, презрение, страх, растерянность). В ряде контекстов *избиение младенцев* актуализирует иные, более нейтральные прагматические функции (ирония, юмор, растерянность, защита, убеждение).

Список литературы

1. Дикова В. В., Зеер Э. Ф. Педагогическая агрессия как профессионально обусловленная деформация учителя // Образование и наука. 2005. № 4. С. 78–89.

2. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов (ЭСБФ). М. : Флинта, 2010. 805 с.
3. Иванян Е. П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 59–62.
4. Избиение младенцев: значение фразеологизма, происхождение, синонимы. URL: <https://autogear.ru/article/357/307/izbienie-mladentsev-znachenie-frazeologizma-proishojdenie-sinonimyi/> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Карта слов и выражений русского языка (КС). URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%BA%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BD%D1%83> (дата обращения: 2023–2024).
6. Кравцов С. М., Прохорова А. П. Лингвопрагматический потенциал фразеологии (на материале русского и французского семантического поля «Говорение») : монография. Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2022. 156 с.
7. Меньшакова Н. Н. «Свой – чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4–14.
8. Меньшакова Н. Н., Валеева А. Р. Апеллятивная функция испанских паремий: совет и предупреждение // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 30–35.
9. Национальный корпус русского языка, 2003–2022. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2024).
10. Проконина Н. И., Бакина А. Д. Особенности функционирования библейских фразеологизмов (на материале текстов СМИ). Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований. Орёл : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 62–67.
11. Словарь синонимов русского языка (СС). URL: <https://synonymonline.ru/%D0%92/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5> (дата обращения: 2024).
12. Соловьева В. В. Библейская фразеология в языковом сознании современных носителей языка // Вторые Щеулинские чтения. Мат-лы Всероссийской научной конференции. Липецк : ЛГПУ, 2018. С. 106–110.
13. Что означает выражение «избиение младенцев». URL: <https://obzorposudy.ru/polezno/cto-oznachaet-vyrazhenie-izbienie-mladencev> (дата обращения: 10.02.2024).
14. Шулежкова С. Г. Фразеологический словарь старославянского языка (ФССЯ). М. : Флинта. Наука, 2011. 416 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова (ФСФ). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 2024).

References

1. Dikova V. V., Zeer E. F. Pedagogicheskaya agressiya kak professional'no obuslovlennaya deformatsiya uchitelya [Pedagogical aggression as a professionally conditioned deformation of a teacher]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2005, no. 4, pp. 78-89. (In Russ.).
2. Dubrovina K. N. Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov (ESBF) [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseological Units (EDBFU)]. Moscow, Flinta, 2010, 805 p. (In Russ.).
3. Ivanyan E. P. Leksika i frazeologiya nakazaniya v russkom diskurse: k postanovke voprosa [Vocabulary and phraseology of punishment in Russian discourse: towards posing the question]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2018, vol. 7, no. 4(25), pp. 59-62. (In Russ.).
4. Izbienie mladentsev: znachenie frazeologizma, proiskhozhdenie, sinonimy [Massacre of the Innocents: meaning of the phraseological unit, origin, synonyms]. (In Russ.). Available at: <https://autogear.ru/article/357/307/izbienie-mladentsev-znachenie-frazeologizma-proishojdenie-sinonimyi/> (accessed: 10.01.2024).
5. Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka (KS) [Map of words and expressions of the Russian language (KS)]. (In Russ.). Available at: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D0%BA%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BD%D1%83> (accessed: 2023-2024).
6. Kravtsov S. M., Prokhorova A. P. Lingvopragmaticheskiy potentsial frazeologii (na materiale russkogo i frantsuzskogo semanticheskogo polya «Govorenije») [Lingvopragmatic potential of phraseology (based on the Russian and French semantic field "Speaking")]. Rostov-na-Donu, RINKh, 2022, 156 p. (In Russ.).

7. Men'shakova N. N. "Svoy - chuzhoy" v paremiynom prostranstve romana «Don Kikhot» Servantesa ["Friend - Stranger" in the Paroemic Space of Cervantes's Don Quixote]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2022, no. 4, pp. 4-14. (In Russ.).

8. Men'shakova N. N., Valeeva A. R. Apellyativnaya funktsiya ispanskikh paremiy: sovet i preduprezhdenie [The appellative function of Spanish proverbs: advice and warning]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 3, pp. 30-35. (In Russ.).

9. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. 2003-2022. (In Russ.). Available at: ruscorpora.ru (accessed: 10.02.2024).

10. Prokonina N. I., Bakina A. D. Osobennosti funktsionirovaniya bibleyskikh frazeologizmov (na materiale tekstov SMI). Filologi zemli Orlovskoy: istoki i razvitie napravleniy issledovaniy [Features of the functioning of biblical phraseological units (based on media texts). Philologists of the Oryol land: origins and development of research directions]. Oryol : OGU imeni I. S. Turgeneva, 2020, pp. 62-67. (In Russ.).

11. Slovar' sinonimov russkogo yazyka (SS) [Dictionary of synonyms of the Russian language (SS)]. (In Russ.). Available at:

<https://synonymonline.ru/%D0%92/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5> (accessed: 2024).

12. Solov'eva V. V. Bibleyskaya frazeologiya v yazykovom soznanii sovremennykh nositeley yazyka [Biblical phraseology in the linguistic consciousness of modern native speakers]. *Vtorye Shcheulinskie chteniya* [The Second Shcheulin Readings]. Lipetsk, LGPU, 2018, pp. 106-110. (In Russ.).

13. Chto oznachaet vyrazhenie «izbienie mladentsev» [What does the expression "massacre of the innocents" mean?]. (In Russ.). Available at: <https://obzorposudy.ru/polezno/cto-oznachaet-vyrazhenie-izbienie-mladencev> (accessed: 10.02.2024).

14. Shulezhkova S. G. Frazeologicheskiy slovar' staroslavlyanskogo yazyka (FSSYa) [Phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language (FSCL)]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 416 p. (In Russ.).

15. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka A. I. Fedorova (FSF) [Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова (ФСФ)]. (In Russ.). Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (accessed: 2024).

Информация об авторах

О. Н. Путина – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Д. С. Тюрина – преподаватель, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

O. N. Putina – Ph.D. (Philology), Associate Professor,

Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

D. S. Tyurina – Teacher, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 10.03.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 43–49.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 43-49.

Научная статья

УДК 81'38

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-43-49

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СМЯГЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Яна Алексеевна Фомичева¹, Светлана Викторовна Шустова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ yana-antonova-1999@mail.ru

² Lanaschust@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование нацелено на описание средств смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе. Основное внимание в данной статье уделяется эвфемистическим наименованиям, как средству смягчения речевой агрессии. Речевая агрессия – форма агрессивного поведения, проявляющаяся через устные высказывания, оскорбления, угрозы или другие формы негативной коммуникации. Речевая агрессия может включать в себя оскорбления, унижения, угрозы или другие формы насилия, выраженные словами, и может быть направлена на причинение эмоционального или психологического вреда другому человеку. Речевая агрессия часто используется как способ контроля или манипуляции над другими людьми. Говоря о речевой агрессии, следует упомянуть о таком смежном явлении как «язык вражды». Использование языковых средств для смягчения речевой агрессии играет важную роль в создании более благоприятной атмосферы общения и формировании позитивного восприятия со стороны аудитории. Материалом для исследования послужили тексты, взятые из статей современной прессы (Le Monde). Компонентный и контекстуальный анализ, а также анализ словарных дефиниций помогли выявить функции политкорректных эвфемизмов, как средства смягчения речевой агрессии.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевая агрессия, эвфемизмы, политкорректные эвфемизмы, французский язык.

Для цитирования: Фомичева Я. А., Шустова С. В. Языковые средства смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 43–49. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-43-49>

Original article

LINGUISTIC MEANS OF MITIGATING VERBAL AGGRESSION IN POLITICAL DISCOURSE

Yana A. Fomicheva¹, Svetlana V. Shustova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ yana-antonova-1999@mail.ru

² Lanaschust@mail.ru

Abstract. This study aims to describe means of mitigating verbal aggression in political discourse. The main focus of this article is on euphemistic names as a means of mitigating verbal aggression. Verbal aggression is a form of aggressive behavior that manifests itself through verbal statements, insults, threats or other forms of negative communication. Verbal aggression can include insults, humiliation, threats or other forms of violence expressed in words and can be aimed at causing emotional or psychological harm to

another person. Verbal aggression is often used as a way to control or manipulate other people. The use of linguistic means to mitigate verbal aggression plays an important role in creating a more favorable atmosphere of communication and creating a positive perception on the part of the audience. The material for the study was quotes taken from articles in the modern press (Le Monde). Component and contextual analysis, as well as analysis of dictionary definitions, helped to identify the functions of politically correct euphemisms as a means of mitigating verbal aggression.

Keywords: discourse, political discourse, verbal aggression, euphemisms, politically correct euphemisms, French language

For citation: Fomicheva Ya. A., Shustova S. V. Linguistic means of mitigating verbal aggression in political discourse. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;14:43-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-43-49>

Введение

Речевая агрессия или смежное данному феномену явление «язык вражды» становится предметом исследований не только лингвистов и филологов [Василенко 2020; Гладилин 2012; Дзялошинский 2006; Моргун, Нагибина, Телешун 2023; Ткаченко 2021; Щербина 2012], но и политологов, историков, философов, социологов, культурологов [Фадеева 2015; Галяшина, Никишин 2021]. В политическом дискурсе, как и в любой другой области общения, употребление языковых средств играет важную роль в формировании впечатления и воздействия на аудиторию. Речевая агрессия, проявляющаяся через острые высказывания, неуместные выражения или грубые формулировки, может вызывать негативные эмоции и ухудшать общее восприятие сообщения. «Речевая агрессия рассматривается как коммуникативная реалья, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров, это конфликтогенное речевое поведение, которое приводит к конфликту не только на уровне межличностного общения или к конфликту между прямым и косвенным адресатом, но и способно спровоцировать масштабные социальные конфликты» [Моргун, Нагибина, Телешун 2023: 84].

Явление противоположное речевой агрессии – политкорректность. «Политическая корректность – современное явление, находящее свое отражение практически во всех сферах жизни общества, набирающее динамику в развитии и предоставляющее ценный материал для лингвистических исследований. В сфере языка политкорректность находит своё выражение в поиске новых нейтральных номинаций, с целью не задеть чувства и достоинства личности, не ущемлять ее индивидуальные качества прямолинейностью в отношении половой и расовой принадлежности, состояния здоровья, внешнего вида, возраста и социального статуса» [Вишнякова 2023: 56–57]. Проявление политической корректности чаще всего встречается именно на лексическом уровне. Основным средством реализации изучаемого явления на данном языковом уровне являются эвфемизмы. «Эвфемизмы – это слова, при помощи которых отрицательный коннотат слова может быть завуалирован, что может помочь избежать коммуникативного конфликта» [Авдюшкина, Солодилова 2022: 50].

В данной статье рассматриваются языковые средства смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе на материале французского языка, акцентируя внимание на использовании политкорректных эвфемизмов. Целью исследования является определение и описание функционального потенциала политкорректных эвфемизмов на материале французского языка. Функциональный потенциал включает стилистические, семантические и прагматические особенности функционирования языковых единиц.

Основная часть

«Политика – это феномен, который является неотъемлемой частью жизни любого общества. Поэтому она не перестает интересовать представителей различных наук: политологов, социологов, психологов, журналистов, когнитологов, имиджеологов, лингвистов. Исследование политического дискурса относится к наиболее актуальным и

активно развивающимся направлениям лингвистической науки. Пристальный интерес лингвистов связан с тем, что речь в политике – один из главных инструментов» [Карякин 2009: 201]. А. В. Карякин выделяет следующие средства смягчения речевой агрессии: тактика безличного обвинения, упрек. Исследователь отмечает, что «к стратегии на понижение относится также тактика безличного обвинения. В отличие от тактики обвинения, в данной тактике виновник осуждаемых действий эксплицитно не представлен, но выводим из контекста, например: *Ich will vielleicht noch mal darauf hinweisen, dass wir von keiner einfachen Ausgangssituation gestartet sind*. В этом предложении обвиняемое лицо не указывается, но из слов *wir sind von keiner einfachen Ausgangssituation gestartet* можно понять, что ситуация к моменту прихода к власти лица была непростой, обвиняется предшественник.

Рассмотрим еще один пример: *Durch die Zu- oder Abschläge haben sie künftig eine Vergleichsmöglichkeit, die es früher nicht gab*. Хотя в этом предложении не называется объект обвинения, он выводится из противопоставления по временному признаку: *künftig – früher*. В будущем, то есть при правлении (имеется в виду А. Меркель), будет создана возможность сравнения, а раньше, когда у власти были другие политики, ее не было. Анализ показывает, что для тактик обвинения и безличного обвинения характерно имплицитное указание на обвинение и обвиняемых, использование сравнительных оборотов, лексических единиц с отрицательной оценкой, противопоставление по временному признаку» [Карякин 2009: 203].

«Стратегия на понижение реализуется также через тактику упрека. Например: *Das gilt, und dazu gehört, dass wir in den ersten acht Monaten mehr auf den Weg gebracht haben als viele andere Regierungen*. В данном высказывании бундесканцлер упрекает другие правительства в неэффективности их работы, она указывает, в чью сторону направлен упрек – *viele andere Regierungen*. Сравнительный оборот позволяет противопоставить себя и других *wir – viele andere Regierungen*, а использование маркера чуждости *andere* обостряет это противопоставление, в результате чего складывается положительное представление о работе настоящего правительства и о неэффективности работы предыдущих правительств. В следующем предложении А. Меркель упрекает партии в том, что им не хватало сил заниматься важными политическими вопросами: *Oder um die Weichenstellung zur Rente mit 67, für die bisher die Kraft der Parteien nicht reichte*. На лексическом уровне это выражается в использовании отрицательной частицы и противопоставлении во времени с помощью наречия *bisher*» [там же: 203].

Одним из наиболее распространенных способов смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе является использование эвфемизмов. Эвфемизмы представляют собой слова или выражения, заменяющие более прямые или грубые термины, что позволяет выразить мысль или оценку более деликатным образом. «Эвфемизм – не прямое, смягченное выражение вместо резкого или нарушающего нормы приличия. Прагматическая установка эвфемизмов заключается в том, чтобы смягчить, завуалировать связанные с некоторыми словами неприятные ассоциации. Эвфемизмы являются одним из средств реализации политкорректности на лексическом уровне и входят в ее вербальную составляющую» [Рубина 2011: 35].

Материалом для настоящего исследования послужили статьи современной французской газеты *Le Monde*. В качестве методов и приемов исследования использовались следующие: метод направленной выборки (работа по отбору языкового материала, содержащего элементы эвфемизации); метод компонентного анализа (разложение значений на минимальные семантические составляющие с целью выявления и представления семантической структуры данных единиц); контекстуальный анализ; лексикографический метод (анализ словарных дефиниций); описательный метод, включающий приёмы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, систематизации. Перейдем к рассмотрению политкорректных эвфемизмов.

Например, существительное *criminalité* (преступность) заменяет слово *délinquance* (девиантность, отклонение).

В данной статье речь идет о том, что 17 апреля министр внутренних дел Франции, Жеральд Дарманен, во время визита на Гваделупу, ввел комендантский час для несовершеннолетних до 18 лет с целью борьбы с преступностью.

«Gérald Darmanin ordonne un couvre-feu pour les mineurs à Pointe-à-Pitre pour lutter contre la *délinquance*» [Le Monde]. [Жеральд Дарманен вводит комендантский час для несовершеннолетних в Пуэнт-а-Питр с целью борьбы с девиантным поведением] (перевод наш).

«Nous sommes très marqués par le fait que les mineurs sont extrêmement nombreux dans la *délinquance* malheureusement, en Guadeloupe en général et à Pointe-à-Pitre en particulier », a déclaré M. Darmanin qui a précisé que cette mesure entrera en application «à partir du début de semaine prochaine» et sera effective à partir de 20 heures» [Le Monde]. [Нас очень настораживает тот факт, что, к сожалению, несовершеннолетние чрезвычайно многочисленны среди правонарушителей в Гваделупе в целом и в Пуэнт-а-Питр в частности], – заявил Ж. Дарманен, уточнив, что эта мера вступит в силу «с начала года» и будет действовать с 20:00.] (перевод наш).

Délinquance – état de celui qui commet un délit; ensemble des délits et des crimes, commis en un lieu et en un temps donnés [LLF]; Ensemble des infractions commises en un temps et en un lieu donnés [LR]; ensemble des délits considérés sur le plan social [LPR]. В словарях данная лексическая единица означает совокупность преступлений (*ensemble des délit*) [LLF; LR; LPR]. В контекстах значение лексемы меняется – девиантность, отклонение от норм поведения. Эвфемизм обладает функцией сокрытия реальности.

Эвфемизмы *en difficulté* (в трудной ситуации), *en situation de marginalité* (в ситуации маргинализации), *disqualification sociale* (социальная дисквалификация), *désaffiliation sociale* (социальная разобщенность) заменяют слово бедный (*pauvre*) / бедность (*pauvreté*).

В следующей статье рассматривается выступление премьер-министра Габриэля Аттала, в котором он заявил о введении ряда мер по борьбе с насилием со стороны молодежи. Г. Аттал выразил недовольство «культурой оправдания» и призвал к ужесточению наказаний в отношении молодых правонарушителей. Премьер-министр также критикует принцип «оправдания несовершеннолетия», который закреплен в уголовном кодексе, подтвержден Конституционным советом и нацелен на усиление репрессивных мер в ущерб профилактике и защите детей. Приведем цитаты из данной статьи:

«Ces travailleurs sociaux de proximité favorisent l’inclusion de jeunes *en difficulté* et auraient besoin d’un engagement à long terme des pouvoirs publics, souligne l’anthropologue David Puaud dans une tribune au « Monde »» [Le Monde]. [Местные социальные работники способствуют интеграции молодых людей, находящихся в трудной ситуации. Им потребуется долгосрочная поддержка со стороны государственных органов, подчеркивает антрополог Дэвид Пуо в статье «Le Monde».] (перевод наш).

Une difficulté – caractère de ce qui est ressenti comme difficile ou est difficile à faire soit eu égard aux capacités du sujet, soit à cause de la nature de l’objet, soit du fait des circonstances [LLF]; caractère de ce qui est difficile; complication; caractère difficile de quelque chose, ensemble des points qui posent problème; ce qui crée un embarras, un obstacle, un ennui; problème[LR]; caractère de ce qui est difficile; ce qui rend qqch. difficile; mal, peine que l’on éprouve pour faire qqch.; dans une situation difficile [LPR]. Эвфемизм *en difficulté* заменяет слова бедный (*pauvre*) / бедность (*pauvreté*). В контексте лексема обладает отрицательной коннотацией. Эвфемизм обладает функцией сокрытия реальности.

«... mission principale de travailler avec des jeunes *en situation de marginalité* plus ou moins avancée» [Le Monde]. [... основная миссия – работать с молодыми людьми в ситуациях более или менее развитой маргинальности] (перевод наш).

Une marginalité – position marginale par rapport à une norme sociale [LR]; Situation d'une personne marginale [LPR]. Эвфемизм *en situation de marginalité* (в ситуации маргинализации) заменяет слова бедный (*pauvre*) / бедность (*pauvreté*). В контексте лексема обладает отрицательной коннотацией. Эвфемизм обладает функцией сокрытия реальности.

«Soumis à des principes d'intervention fondés sur la libre adhésion, l'anonymat et le secret professionnel, ils favorisent l'inclusion sociale de jeunes *en situation de disqualification sociale* et/ou préviennent les processus de *désaffiliation sociale*» [Le Monde]. [При условии соблюдения принципов вмешательства, основанных на свободном членстве, анонимности и профессиональной тайне, они способствуют социальной интеграции молодых людей, находящихся в ситуациях социальной дисквалификации, и/или предотвращают процессы социальной разобщенности.] (перевод наш).

Une disqualification – exclusion d'un sportif, d'un cheval pour infraction au règlement de la cause ou de l'épreuve [LR]; Action de disqualifier; résultat de cette action [LPR]. Значение лексемы не совпадает и обладает отрицательной коннотацией. Эвфемизм обладает функцией сокрытия реальности.

Une désaffiliation – action de faire cesser l'affiliation [LR]; action de se désaffilier [LPR]. Значение лексемы совпадает и обладает отрицательной коннотацией. Эвфемизм обладает функцией сокрытия реальности.

Приведенные примеры показали, что эвфемизмы являются средством снижения речевой агрессии, а также обладают функцией сокрытия реальности.

Заключение

Речевая агрессия, проявляющаяся через острые высказывания и грубые формулировки, может вызывать негативные эмоции и приводить к конфликтам как на межличностном, так и на социальном уровнях. В контексте этого явления выделяется понятие политической корректности, которая стремится избежать ущемления личности и обиды через использование нейтральных формулировок. Особое внимание было уделено политкорректным эвфемизмам как средству смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе на французском языке.

Исследование выявило, что эти языковые единицы играют важную роль в структурировании коммуникации и способствуют избежанию конфликтов за счет замаскирования негативной коннотации слов. Целью работы было определение и описание функционального потенциала политкорректных эвфемизмов на французском языке.

Результаты исследования позволяют лучше понять, как эти языковые средства влияют на стилистику, семантику и прагматику коммуникации в политическом контексте. Таким образом, использование политкорректных выражений способствует более конструктивному общению и предотвращению конфликтов.

Список литературы

1. Авдюшкина А. А., Солодилова А. С. Понятие эвфемизма. Эвфемизм как средство выражения гендерной вежливости // Научный альманах. 2022. № 11–4 (97). С. 50–52.
2. Василенко Е. Н. Лингвистический аспект правового статуса «языка вражды» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 71–76.
3. Вишнякова Е. П. Репрезентация категории политкорректности в английском языке // *Lingua-Universum*. 2023. № 1. С. 54–57.
4. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернеткоммуникации // Вестник СанктПетербургского унта. Право. 2021. № 3. С. 555–573.
5. Гладилин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (=Russian Journal of Education and Psychology). 2012. № 11 (19). С. 67–67.
6. Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы : учеб. метод. пособие. М. : Гуманитарный институт, 2006. 31 с.
7. Карякин А. В. Выражение речевой агрессии в дискурсивной практике А. Меркель // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-rechevoy-agressii-v-diskursivnoy-praktike-a-merkel> (дата обращения: 05.01.2024).
8. Моргун В. Г., Нагибина И. Г., Телешун А. Ю. Речевая агрессия и речевая толерантность как средства конструирования медиаобраза «КНР vs США» // Казанская наука. 2023. № 8. С. 84–88.

9. Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 35–41.
10. Ткаченко О. Ю. Речевая агрессия как проблема лингвозкологии (на примере речевой агрессии в тексте некоммерческого уличного объявления) // Экология языка : сборник материалов III Региональной научно-практической конференции, Краснодар, 15 декабря 2021 года. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021. С. 96–103
11. Фадеичева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // ДискурсПи. 2015. № 1 (18). С. 20–24.
12. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М. : Форум, 2012. 400 с.
13. La langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/>. (дата обращения: 2024).
14. Larousse. Dictionnaire français en ligne. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 2024).
15. Le Petit Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: 2024).
16. Le Monde. Guadeloupe : Gérald Darmanin ordonne un couvre-feu pour les mineurs à Pointe-à-Pitre pour lutter contre la délinquance. URL: https://www.lemonde.fr/outr-mer/article/2024/04/18/gerald-darmanin-ordonne-un-couvre-feu-a-pointe-a-pitre-pour-les-mineurs_6228461_1840826.html (дата обращения: 2024).
17. Le Monde. Délinquance des mineurs: «Les effectifs des éducateurs de rue sont devenus une variable d'ajustement économique». URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2024/04/24/delinquance-des-mineurs-les-effectifs-des-educateurs-de-rue-sont-devenus-une-variable-d-ajustement-economique_6229497_3232.html (дата обращения: 2024).

Список условных обозначений

1. LLF – La langue française.
2. LR – Larousse.
3. LPR – Le Petit Robert.

References

1. Avdyushkina A. A., Solodilova A. S. Ponyatie evfemizma. Evfemizm kak sredstvo vyrazheniya gendernoy vezhlivosti [The concept of euphemism. Euphemism as a means of expressing gender politeness]. *Nauchnyy al'manakh* [Scientific almanac]. 2022, no. 11-4 (97), pp. 50-52. (In Russ.).
2. Vasilenko E. N. Lingvisticheskiy aspekt pravovogo statusa «yazyka vrazhdy» [The linguistic aspect of the legal status of "hate speech"]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. 2020, no. 2, pp. 71-76. (In Russ.).
3. Vishnyakova E. P. Reprezentatsiya kategorii politkorrektnosti v angliyskom yazyke [Representation of the category of political correctness in English]. *Lingua-Universum* [Language-Universe]. 2023, no. 1, pp. 54-57. (In Russ.).
4. Galyashina E. I. Nikishin V. D. Yazyk vrazhdy kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti internet-kommunikatsii [Hate speech as a threat to information security of Internet communications]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of Saint Petersburg University]. 2021, no. 3, pp. 555-573. (In Russ.).
5. Gladilin A. V. «Yazyk vrazhdy» kak kommunikatsiya ["Hate speech" as communication]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012, no. 11 (19), pp. 67- 67. (In Russ.).
6. Dzyaloshinskiy I. M. Yazyk vrazhdy v rossiyskikh SMI: sotsial'nye, kul'turnye, professional'nye faktory [Hate speech in Russian media: social, cultural, professional factors]. Moscow, Gumanitarnyy institut, 2006, 31 p. (In Russ.).
7. Karyakin A. V. Vyrazhenie rechevoy agressii v diskursivnoy praktike A. Merkel' [Expression of speech aggression in the discursive practice of A. Merkel]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Volga Herald. Series 2: Linguistics]. 2009, no. 1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-rechevoy-agressii-v-diskursivnoy-praktike-a-merkel> (accessed: 05.01.2024).
8. Morgun V. G., Nagibina I. G., Teleshun A. Yu. Rehevaya agressiya i rehevaya tolerantnost' kak sredstva konstruirovaniya mediaobraza «KNR vs SShA» [Speech aggression and speech tolerance as means of constructing the media image of “China vs. the USA”]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. 2023, no. 8, pp. 84-88. (In Russ.).

9. Rubina N. B. «Evfemizm» i «politicheskaya korrektnost'» v sovremennom angliyskom yazyke ["Euphemism" and "political correctness" in modern English]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics]. 2011, no. 4, pp. 35-41. (In Russ.).

10. Tkachenko O. Yu. Rechevaya agressiya kak problema lingvoekologii (na primere rechevoy agressii v tekste nekommercheskogo ulichnogo ob'yavleniya) [Speech aggression as a problem of linguistic ecology (using the example of speech aggression in the text of a non-commercial street advertisement)]. *Ekologiya yazyka* [Ecology of language]. Krasnodar, Krasnodarskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2021, pp. 96-103. (In Russ.).

11. Fadeicheva M. A. Ekzistentsial'nye osnovaniya yazyka vrazhdy [Existential Foundations of Hate Speech]. *DiskursPi* [DiscoursePi]. 2015, no. 1 (18), pp. 20-24. (In Russ.).

12. Shcherbinina Yu. V. Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy [Verbal aggression. Territory of hostility]. Moscow, Forum, 2012, 400 p. (In Russ.).

13. La langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/>. (дата обращения: 2024).

14. Larousse. Dictionnaire français en ligne. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 2024).

15. Le Petit Robert. URL: <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: 2024).

16. Le Monde. Guadeloupe : Gérald Darmanin ordonne un couvre-feu pour les mineurs à Pointe-à-Pitre pour lutter contre la délinquance. URL: https://www.lemonde.fr/outr-mer/article/2024/04/18/gerald-darmanin-ordonne-un-couvre-feu-a-pointe-a-pitre-pour-les-mineurs_6228461_1840826.html (дата обращения: 2024).

17. Le Monde. Délinquance des mineurs: «Les effectifs des éducateurs de rue sont devenus une variable d'ajustement économique». URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2024/04/24/delinquance-des-mineurs-les-effectifs-des-educateurs-de-rue-sont-devenus-une-variable-d-ajustement-economique_6229497_3232.html (дата обращения: 2024).

Информация об авторах

Я. А. Фомичева – аспирант, преподаватель, кафедра английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

Ya. A. Fomicheva – Postgraduate Student, Lecturer,
Department of English Professional Communication, Perm State University;
S. V. Shustova – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 50–57.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 50-57.

Научная статья

УДК 378:398

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-50-57

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Лариса Геннадьевна Кыркунова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
kyrkunovalg@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из актуальных методических вопросов – возможности использования русских пословиц в работе с иностранными студентами. В работах современных методистов показано, что пословицы используются на занятиях РКИ для иллюстрации различных лингвистических явлений. Обращение к русским пословицам на занятиях направлено на закрепление знаний иностранных обучающихся об их основных лингвистических особенностях. Однако наблюдения показывают, что иностранные студенты все же в недостаточной степени знают русские пословицы, не могут на их основе составить качественные тексты, боятся использовать пословицы русского языка в спонтанной речи, не могут верно передать ценностное содержание пословиц. В то же самое время русские пословицы являются сокровищницей мудрости русского народа и обладают глубоким педагогическим и лингвокультурологическим потенциалом. Потенциал русских пословиц, по мнению автора, может быть раскрыт не только на занятиях РКИ, но и в ходе изучения педагогики и других педагогических дисциплин (например, педагогической риторики, педагогического общения). В статье предлагается перечень возможных форм осуществления работы над пословицами в ходе изучения педагогических дисциплин и внеучебной работы. Автор предлагает систему индивидуальных, парных и групповых аудиторных и домашних заданий, направленных на освоение пословиц. Лингвокультурологический потенциал русских пословиц, по мнению автора статьи, связан с тем, что в них сохраняются элементы традиционной русской культуры и национальные духовные ценности русского народа: любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, готовность к самопожертвованию, верность слову и т. д. Поэтому знание русских пословиц способствует не только более глубокому изучению языка, но и более точному пониманию образа мыслей и характера народа, формированию привычки вести себя сообразно правилам, принятым в российском обществе.

Ключевые слова: педагогика, пословицы русского языка, воспитательный процесс вуза, образовательный процесс, воспитательный аспект, аксиологический аспект, лингвокультурологический аспект.

Для цитирования: Кыркунова Л. Г. Педагогический потенциал русских пословиц в работе с иностранными студентами // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 50–57. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-50-57>

Original article

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF RUSSIAN PROVERBS IN WORKING WITH FOREIGN STUDENTS

Larisa G. Kyrkunova

Perm State National Research University, Perm, Russia, kyrkunovalg@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the topical methodological issues – the possibility of using Russian proverbs in working with foreign students. The works of modern methodologists show that existing textbooks and manuals on RCT, at first glance, contain a sufficient amount of material not only for the assimilation of proverbial turns of speech, but also for their inclusion in active use. The use of Russian proverbs in the classroom is aimed at consolidating the knowledge of foreign students about their basic linguistic features. Russian proverbs, however, observations show that foreign students still do not know enough Russian proverbs, cannot compose high-quality texts based on proverbs, are afraid to use proverbs of the Russian language in spontaneous speech, and cannot correctly convey the value content of proverbs. Russian proverbs are a treasure trove of wisdom of the Russian people, and in this regard have a deep pedagogical and linguistic and cultural potential. The potential of Russian proverbs, in the author's opinion, can be revealed not only in the classroom of the Russian Academy of Sciences, but also during the study of pedagogy and other pedagogical disciplines (for example, pedagogical rhetoric, pedagogical communication). The article offers a list of possible forms of working on proverbs in the course of studying pedagogical disciplines and extracurricular work. The author offers a system of individual, paired and group classroom and homework assignments aimed at mastering proverbs. Russian proverbs have a linguistic and cultural potential, according to the author of the article, due to the fact that they preserve elements of traditional Russian culture and national spiritual values of the Russian people: love for the Motherland, the importance of family and home, respect for others, willingness to sacrifice, loyalty to the word, etc. Therefore, knowledge of Russian proverbs contributes not only to a deeper study of the language, but also to a more accurate understanding of the way of thinking and character of the people, the formation of the habit of behaving according to the rules adopted in Russian society.

Keywords: pedagogy, proverbs of the Russian language, educational process of the university, educational process, educational aspect, axiological aspect, linguistic and cultural aspect.

For citation: Kyrkunova L. G. Pedagogical potential of russian proverbs in working with foreign students. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:50-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-50-57>

Введение

Необходимость использования русских пословиц в обучении иностранных студентов русскому языку не оспаривается сегодня никем. Многие методисты, преподаватели РКИ, говоря о русских пословицах, отмечают, что в качестве материала для обучения они не только способствуют повышению эффективности занятий, соответствуют интересам и потребностям обучающихся, повышают мотивацию, но и дают обучающимся возможность проникнуть в самые глубины культуры и познакомиться с моделью русской национальной картины мира. Мы рассматриваем роль русских пословиц несколько шире – еще и как речевого компонента (очень выразительного и ёмкого по смыслу) педагогического сопровождения образовательного процесса, способствующего адаптации иностранных студентов в условиях русскоязычной среды, средства речевого, эмоционального, культурного развития обучаемых.

По словам О. И. Палея, «пословицы и поговорки дают возможность проникнуть в другую систему мышления, познакомиться с другой системой ценностей. Глубокое содержание этих пословиц и поговорок не только развивает мышление студентов, но и оказывает воспитательное воздействие. Методическая и практическая ценность использования пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку очень велика» [Палей 2000: 12]. Исходя из этого, мы предполагаем, что русские пословицы могут использоваться как минимум в *трех взаимосвязанных аспектах*: 1) традиционно – как полноценное лингводидактическое средство; 2) как элемент системы воспитания иностранных студентов: формирования уважения к традициям и обычаям русского народа, адаптации к условиям жизни в российском обществе, восприятия его основных духовно-нравственных ценностей; 3) как элемент лингвокультурологии, обеспечивающий понимание русского национальный характер, его силы и слабости, положительных и отрицательных качеств русского человека. Знание русских пословиц способствует не только глубокому изучению языка, но и более точному пониманию образа мыслей и характера народа. В рамках данной статьи мы предполагаем сосредоточить внимание на рассмотрении последних двух аспектов.

Основная часть

Пословицы – особый вид языковых выражений, который предписывает правила поведения и дает нормативные оценки событиям и поступкам с точки зрения народного опыта. Т. А. Фролова отмечает: «Можно сказать, что пословицы являются носителями особого культурно-ценностного кода всего языкового сообщества, пословицы выступают своеобразными нравственными регуляторами человеческого поведения и миропонимания. Многие люди доверяют правилам, содержащимся в пословицах, и следуют им, система воспитания подрастающего поколения строится на советах, содержащихся в этих древних образцах народной мудрости. В сознании большинства людей пословицы наравне со священными книгами различных религий являются основным источником знаний о морально-этических нормах» [Фролова: эл. ресурс].

Воспитательная роль пословиц в работе с иностранными обучающимися состоит в том, что они являются ясным выражением отношения человека к явлениям и событиям действительности. Пословицы часто передают **бытовые знания** (например, о предстоящей погоде: *Кошка в клубок – мороз на порог*), содержат **советы и указания** (не ленись: *Без дела жить – только небо коптить*; не обманывай: *Не ищи правды в других, если в тебе ее нет*; не воруй: *Вор не бывает богат, а бывает горбат*). В них практически всегда что-то **утверждается** или **отрицается**. Не случайно многие исследователи считают, что целью создания пословиц и была передача от старшего поколения младшему накопленного жизненного опыта. Целью пословицы является «стремление привить людям умение правильно оценивать явления действительности. Они обсуждают явные положительные или отрицательные явления в жизни, утверждают или критикуют, восхваляют или осмеивают, **служат воспитанию положительных идеалов**, развивают **умение анализировать события**, оперируют **понятиями добра и зла, чести и бесчестия, формируют нравственные идеалы**» (выделено нами – Л.Г.) [Коньшева 2017: 196–197].

Нравственный идеал современной России нашел отражение в работе А. Я. Данилюка «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект», где подробно раскрываются характерные особенности образа человека, на создание которого должна ориентироваться современная система образования [Данилюк 2009: эл. ресурс]. Современный российский воспитательный идеал – это «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [там же]. Воспитание интеллектуально развитого, нравственного, ответственного, инициативного гражданина невозможно без усвоения обучающимся базовых национальных ценностей. Их первоосновой являются *Россия, многонациональный народ Российской Федерации, гражданское общество, семья, труд, искусство, наука, религия, природа, человечество*. Всё лучшее, что сохранено в богатейших культурных, семейных и бытовых традициях многочисленных национальностей и народностей России, бесценный жизненный опыт, передаваемый от поколения к поколению, без которого невозможно дальнейшее успешное развитие современного государства, – всё это является основой развития духовной, высококонравственной личности. И всё это отражают русские пословицы.

Русские люди считают, что **Родина начинается с дома, с семьи**. Этому посвящено множество пословиц: *Вся семья вместе, так и душа на месте. Добрая семья прибавит разума. Семейей дорожить – счастливым быть. Семейей и горох молотят. Семья без детей, что цветок без запаха. Семья в куче, не страшна и туча. Семья сильна, когда над ней крыша одна*.

Родина у человека **одна** и она **бесценна**: *Родная земля – матушка, чужая – мачеха. Родной край – сердцу рай. Нет в мире краше Родины нашей. Человек без Родины, что соловей без песни. Одна у человека мать, одна у него и Родина. Родина – всем матерям мать. Родина – мать, чужбина – мачеха. Родина-мать, умей её защищать. Родная земля и в горсти мила. Всякому мила своя сторона*.

Еще одна непреходящая ценность для русского человека – **семья, мать, отец**. В русском языке много пословиц о **роли отца и матери** в жизни семьи и детей: *Родных много, а мать роднее всего. Нет милее дружка, чем родная матушка. Без матери и отца изба не красна. При солнышке тепло, при матушке добро. Куда матушка, туда и дитяtko. Где хороший отец, там и сын молодец. Отцово сердце ненадолго немо.*

Народные пословицы учат **честному труду**: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Без хорошего труда нет плода. Терпенье и труд все перетрут. Упорно трудиться – будет хлеб в закромах водиться. Глаза страшатся, а руки делают. Дело мастера боится. Встать раньше – шагнуть дальше. Не ленись за плужком – будешь с пирожком. Кто рано встает, тому Бог дает.*

В пословицах прославляются многие **человеческие качества**, такие, как:

– **смелость**: *Без смелости не возьмешь крепости. Где смелость, там и победа. Герой помирает один раз, а трус всю жизнь. За правое дело стой смело. Иди вперед – лучших страх не берет.*

– **щедрость**: *Худо тому, кто добра не делает никому, Жизнь человеку дана на добрые дела. С миру по нитке, голому рубаха. Щедрому бог подает, у скупого чёрт отбирает.*

– **справедливость**: *Справедливое слово камень раздробит. Где справедливость, там и правда. Что посеешь, то и пожнешь. Как аукнется, так и откликнется. Каков привет, таков ответ. Не бей Фому за Ерёмину вину.*

– **любовь**: *Кто не любил, молодым не был. Где любовь да совет, там и горя нет. Бояться себя заставишь, а любить не принудишь. Был бы милый по душе, проживем и в шалаше.*

– **верность**: *Верь не речам, а делам. Верный друг лучше сотни слуг. Кто легко верит, тот легко погибает. Не верь козлу в капусте, а волку в овчарне.*

– **мудрость**: *Утро вечера мудренее. Мудра голова – короткий язык. Мудрость в голове, а не в бороде. Мудр тот, кто сам себя знает. Мудрому совет всякий в пользу. Мудрому слову тройная цена. Мудрым никто не родился, а научился. Мудрая голова сто человек прокормит.*

– **дружба**: *Птица сильна крыльями, а человек дружбой. Крепкую дружбу и водой не разольёшь. Нет друга, так ищи, а нашёл – береги. Сам пропадай, а друга из беды выручай. Дружба крепка не лестью, а правдой и честью. Какову дружбу заведёшь, такову и жизнь поведёшь. Дружбу водить – так себя не щадить. Друг научит, а недруг проучит. Для доброго друга не жаль ни хлеба, ни досуга.*

Опираясь на основополагающее утверждение педагогики о систематичности и целостности педагогического процесса, можно утверждать, что воспитательный потенциал пословиц раскрывается в самых разнообразных *формах и видах* работы с иностранными студентами: в ходе лингвистической работы на занятиях РКИ, а именно: в виде пояснений преподавателя при поиске значений слов в словарях; лингвокультурологического комментария (рассказа преподавателя об истории появления той или иной поговорки в русском языке, объяснения национально-культурной семантики языковых единиц); при обучении орфографии и пунктуации; подготовке к написанию сочинений; во всех видах творческих, самостоятельных работ, связанных с поиском значений слов в словарях, самостоятельным написанием сочинений, обсуждением работ и т. д.

Но, кроме этого, непосредственное внеучебное общение преподавателя с иностранными студентами (обсуждение событий общественной жизни, проблем студенческого быта, учебной деятельности; дискуссии по поводу событий в жизни города или края и т. п.) является прекрасной возможностью для приобщения иностранных студентов к сокровищнице русской речи, какой являются пословицы.

Пословицы связаны с основами жизни русского народа. Поэтому их интерпретация очень важна. Она должна быть дана квалифицированным человеком, поскольку позволяет воздействовать на различные сферы личности обучаемых. Пословица может разъяснять,

каким образом нужно корректировать свое поведение в различных ситуациях, в которых иностранные студенты не знают, как принято вести себя. Поэтому студенческие вопросы типа «Почему так говорят?», «Что означает пословица?», «К какой жизненной ситуации применима эта пословица?», «Когда можно так сказать о человеке?» и т. п. очень важны при изучении русских пословиц и являются основными методическими инструментами преподавателя, тьютора, куратора в воспитательной работе, осуществляемой средствами языка.

Воспитательный потенциал русских пословиц может быть реализован в рамках изучения не только РКИ, но и многих дисциплин педагогического профиля. Например, на занятиях по педагогике (педагогическому общению, риторике), когда речь идет о формировании у обучаемых определенных социально полезных привычек, качеств личности, работу над пословицей можно построить по следующему плану:

1. Внимательно прочитайте текст, раскрывающий смысл русской пословицы.
2. Объясните, как вы понимаете смысл пословицы.
3. Расскажите, какие качества характера она помогает сформировать.
4. Объясните, в каких ситуациях учителя или родители могут использовать эту пословицу в беседах с детьми и подростками.
5. Составьте текст такой беседы, включив в него пословицу и свои примеры.
6. Расскажите, какие пословицы и поговорки с аналогичным смыслом есть в вашем родном языке. Приведите примеры.

Работа над отдельными пословицами может быть продолжена дома и на следующих занятиях в виде заданий:

7. Напишите педагогическое сочинение (можно в жанре рассказа) по предложенной пословице. Придумайте, кто является героем рассказа, что с ним происходит, какие поступки он совершает. Подумайте, чем должен закончиться этот рассказ.
8. Подберите несколько иллюстраций к получившемуся тексту рассказа. Оформите работу в виде презентации.
9. Проведите в группе конкурс рассказов-презентаций по русским пословицам. Разработайте критерии оценки выступлений. Выберите победителя.

На протяжении ряда лет мы апробировали такие задания по изучению воспитательного (ценностного) потенциала русских пословиц в аудиториях с китайскими студентами, и подобные занятия всегда вызывали интерес у обучаемых, нравились им, китайские студенты охотно включались как в индивидуальную, так и групповую работу. Особенно нравилось китайским студентам слушать рассказы-презентации, составленные их однокурсниками по мотивам русских пословиц.

Приведем несколько примеров пословиц, которые непосредственно передают воспитательное значение, имеющее отношение к студенческой жизни: *Делу время, (а) потехе час. Дорога ложка к обеду. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Куй железо, пока горячо. Любишь кататься, люби и саночки возить. На бога надейся, а сам не плошай.* и др. (подробней см. об этом [Кыркунова 2021]).

Таким образом, любой изучающий русский язык через приобщение к пословицам может осознать, как именно русские люди понимают справедливость и свободу, мир и дружбу, честь и доблесть, мужество и милосердие, доброту и заботу, трудолюбие. Пословицы позволяют прокомментировать поступки русских людей, объяснить отношение российских студентов к действиям иностранных обучающихся. Они помогают иностранным студентам привыкнуть к реалиям российской жизни, адаптироваться, встроиться в жизнь российских студенческих коллективов.

Русские пословицы являются частью русской национальной культуры, способны дать оценку прошлому и настоящему, отношениям людей в разных жизненных ситуациях. О. В. Магировская на материале русских и английских пословиц и поговорок исследовала национально-культурные особенности лингвистической картины мира русских людей. По

мнению автора, «национальный менталитет проявляется в пословицах и поговорках в отражении ими особенностей быта, обычаев, истории и культуры своего народа» [Магировская 2004].

В русских пословицах и поговорках могут отражаться **исторические и культурные события русской истории**. Например: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Незваный гость хуже татарина. Не все коту масленица*. В других пословицах отражаются **языческие и христианские верования**: *Был бы бес, будет и леший. Не все то русалка, что в воду ныряет*. и т. д. (см. об этом «Пословицы и поговорки»). Проект «Русская Планета». Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/ruslit/index.htm>).

Внимательное прочтение пословиц позволяет обнаружить в них отражение интересной черты национального характера русских людей: **противоречивость, двойственность**. Русские люди способны довольно органично сочетать в себе противоположности. Они могут быть **и добрыми, и жестокими, проявлять и уважение к религии, и неуважение к Богу**: *Злой человек не проживет в добре век. Кто к Богу, к тому и Бог. От Бога отказаться – к Сатане пристать*.

Русским людям свойственна **природная смекалка, практический ум**, но они бывают **и глупыми**: *Где не возьмёт топор, так возьмёт смекалка. Голова – всему начало. Где ум, там и толк. Глупый-то свистнет, а умный-то мыслит. Не всяк умен, кто с головою* (см. об этом [Карзенкова, Машарипова 2023]).

Русские люди **ценят труд, трудолюбие**: *Золото познается в огне, а человек в труде. Талант без труда не стоит и гроша. Готовь сани летом, а телегу зимой. Кто рано встает, тому Бог подаёт*. С другой стороны – они могут быть **ленивы**, и в пословицах закреплено оправдание этой **лени**: *Работа не волк – в лес не убежит. От работы кони дохнут. От работы не будешь богат, а будешь горбат*.

Отдельная сторона жизни русского человека, отразившаяся в пословицах, – **отношение к алкоголю**. Анализу этой проблемы посвящено исследование Е. А. Савиной. На материале книги В. И. Даля и книги «Русские пословицы и поговорки» под редакцией Е. П. Аникина автор устанавливает, что около 150 пословиц описывают влияние алкоголя на психические процессы, где алкоголь рассматривается, с одной стороны, как **средство борьбы со стрессом**, способное избавить от тоскливого состояния, как **источник положительных эмоций**. Это иллюстрируют такие пословицы, как: *Спасибо тому винному кувшину, что размыкал кручину. Где вино, тут и праздничек*. С другой стороны, пословицы отражают воздействие алкогольных напитков на умственное состояние человека: *Хмель шумит – ум молчит. Вино с разумом не ладит. Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье* [Савина 2009: 72–80].

Наконец, одна из самых характерных национальных черт русского народа – бесконечное **терпение**. Русские люди обладают, казалось бы, удивительной **способностью переносить трудности, лишения и страдания**. В русской культуре **терпение и способность переносить страдания – это часть обычной жизни**. Если человек не обладает терпением, проявляет **поспешность** – это не приводит к добру: *Терпение и труд всё перетрут. Не потерпев, не спасешься. Утро вечера мудренее. Только терпеливый закончит дело, а торопливый упадет*.

Таким образом, русские пословицы выполняют воспитательную, образовательную, а также лингвокультурологическую функцию: отражают элементы традиционной русской культуры и национальные духовные ценности русского народа: любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, готовность жертвовать собой о имя высокой цели, верность слову и т. д. Работа по расширению лингвокультурологического кругозора иностранных студентов может осуществляться **в форме эвристических бесед, подготовки и защиты индивидуальных или групповых проектов, обсуждения докладов по результатам индивидуальной или групповой, коллективной исследовательской работы**. В любом случае работа над лингвокультурологическим содержанием русских пословиц должна быть результатом совместной деятельности преподавателя – носителя русского языка и студентов-иностранцев.

Заключение

Итак, русские пословицы несут в себе педагогический потенциал и могут быть использованы в работе с иностранными студентами как полноценное педагогическое и лингвокультурологическое средство. Воспитательный потенциал русских пословиц проявляется в том, что в ходе работы с пословицами любой изучающий русский язык иностранный студент быстро и просто осознает не только, *как именно* русские люди понимают справедливость и свободу, мир и честь, мужество и милосердие, доброту, дружбу и трудолюбие, но и то, *как он сам должен вести себя* в тех или иных ситуациях. Русские пословицы помогают иностранным студентам привыкнуть к реалиям российской жизни, адаптироваться к ней, встроиться в жизнь российских студенческих коллективов.

Русские пословицы выполняют важную лингвокультурологическую задачу: сохраняют элементы традиционной русской культуры и национальные духовные ценности русского народа: любовь к Родине, значимость семьи и дома, уважение к окружающим, верность слову и т. д. Национальные духовные ценности являются главной составляющей русского менталитета, который объединяет русских людей в единую нацию. Поэтому знание русских пословиц способствует не только глубокому изучению языка, но и более точному пониманию образа мыслей и характера народа.

Список литературы

1. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, . Рос. акад. образования. М. : Просвещение, 2009. URL: https://schsv760.mskobr.ru/attach_files/upload_users_ (дата обращения 13.01.2024).
2. Канакина Г. И., Викторова Е. В. Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции : учеб. пособие; под.ред. Г.И. Канакиной. 3-е изд. стер. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. 144 с.
3. Карзенкова Е. П., Машарипова Г. У. Репрезентация представлений об уме и глупости в русских и туркменских поговорках // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 6–16.
4. Коньшева А. В. Использование пословиц при обучении иностранному языку в вузе // Современные технологии в образовании : материалы междунар. научно-практ. конференции, 23–24 ноября 2017 г. / БНТУ; редкол.: С. В. Харитончик (гл. ред.) [и др.]. Минск : БНТУ, 2017. Ч. 2. С. 195–199. URL: <https://rep.bntu.by/handle/data/38161> (дата обращения 01.02.2024).
5. Кыркунова Л. Г. Педагогика : учебное пособие для занятий с китайскими студентами+еПриложение: тесты : учебное пособие. М. : КНОРУС, 2021. 192 с.
6. Магировская О. В. Национально-культурные особенности лингвистической картины мира на материале английских и русских пословиц и поговорок : учеб. пособие по английской филологии. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. 116 с.
7. Палей О. И. Работа с пословицами и поговорками на уроке английского языка в IX классе // Иностранные языки в школе, 2000. № 1. С. 40–42.
8. Савина Е. А., Гладких Е. С. Житейские представления об алкоголизме, межкультурные и внутрикультурные различия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 14. С. 72–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiteyskie-predstavleniya-ob-alkogolizme> (дата обращения 24.01.2024).
9. Степанок О. В. Русские пословицы и поговорки как отражение идеациональной составляющей русской традиционной культуры // Ученые записки КНАГТУ. 2015. № III -2 (23). URL: <https://studylib.ru/doc/2650986/stepanok-o.-v.-o.-v.-stepanok-russkie-poslovicy-i> (дата обращения 03.01.2024).
10. Фролова Т. А. Основные особенности пословиц и поговорок русского языка // NovaInfo, 2016. № 55. С. 276–281. URL: <https://novainfo.ru/article/8891> (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii v sfere obshchego obrazovaniya [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia in the field of general education]. Moscow, Prosveshchenie, 2009. (In Russ.). Available at: https://schsv760.mskobr.ru/attach_files/upload_users_ (accessed 13.01.2024).

2. Kanakina G. I., Viktorova E. V. Russkaya poslovitsa kak sredstvo formirovaniya yazykovoy i sotsiokul'turnoy kompetentsii [Russian proverb as a means of developing linguistic and sociocultural competence]. 3rd ed., Moscow, FLINTA, Nauka, 2016, 144 p. (In Russ.).
3. Karzenkova E. P., Masharipova G. U. Reprezentatsiya predstavleniy ob ume i gluposti v russkikh i turkmenskikh polovitsakh i pogovorkakh [Representation of ideas about intelligence and stupidity in Russian and Turkmen proverbs and sayings]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 4, pp. 6-16. (In Russ.).
4. Konysheva A. V. Ispol'zovanie poslovits pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [Using Proverbs in Teaching Foreign Languages at University]. *Sovremennye tekhnologii v obrazovanii* [Modern technologies in education]. Minsk, BNTU, 2017, part. 2, pp. 195-199. (In Russ.). Available at: <https://rep.bntu.by/handle/data/38161> (accessed 01.02.2024).
5. Kyrkunova L. G. Pedagogika [Pedagogy]. Moscow, KNORUS, 2021, 192 p. (In Russ.).
6. Magirovskaya O. V. Natsional'no-kul'turnye osobennosti lingvisticheskoy kartiny mira na materiale angliyskikh i russkikh poslovits i pogovorok [National and cultural features of the linguistic picture of the world based on English and Russian proverbs and sayings]. Krasnoyarsk, RIO KGPU, 2004, 116 p. (In Russ.).
7. Paley O. I. Rabota s poslovitsami i pogovorkami na uroke angliyskogo yazyka v IX klass [Working with proverbs and sayings in an English lesson in the 9th grade]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages in school], 2000, no. 1, pp. 40-42. (In Russ.).
8. Savina E. A., Gladkikh E. S. Zhiteyskie predstavleniya ob alkogolizme, mezhkul'turnye i vnutrikul'turnye razlichiya [Everyday ideas about alcoholism, intercultural and intracultural differences]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod State University]. 2009, no. 14, pp. 72-80. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiteyskie-predstavleniya-ob-alkogolizme> (accessed 24.01.2024).
9. Stepanok O. V. Russkie poslovitsy i pogovorki kak otrazhenie ideatsional'noy sostavlyayushchey russkoy traditsionnoy kul'tury [Russian proverbs and sayings as a reflection of the ideational component of Russian traditional culture]. *Uchenye zapiski KNAGTU* [Scientific notes of KNAGTU]. 2015, no. III -2 (23). (In Russ.). Available at: <https://studylib.ru/doc/2650986/stepanok-o.-v.-o.-v.-stepanok-russkie-poslovicy-i> (accessed 03.01.2024).
10. Frolova T. A. Osnovnye osobennosti poslovits i pogovorok russkogo yazyka [The main features of proverbs and sayings of the Russian language]. *NovaInfo*, 2016, no. 55, pp. 276-281. (In Russ.). Available at: <https://novainfo.ru/article/8891> (accessed: 21.01.2024).

Информация об авторе

Л. Г. Кыркунова – доцент, кафедра педагогики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L. G. Kyrkunova – Associate Professor, Department of Pedagogy,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 58–65.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 58-65.

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-58-65

НЕМЕЦКИЕ ДЕАДЪЕКТИВЫ КАК ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Елена Петровна Налобина¹, Ирина Викторовна Архипова²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹ sorockina@mail.ru

² irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию таких производных имен как немецкие деадъективные существительные в аспекте семантических, словообразовательных, стилистических и синхронно-диахронических ограничений их деривационных процессов. Деадъективы являются абстрактными существительными, образованными от имен прилагательных различной семантики. Будучи производными имен прилагательных они характеризуются двойственной семантико-грамматической природой, обусловленной взаимодействием категориальных значений предметности и качества. В ходе исследования выявлены и описаны некоторые семантические, словообразовательные, стилистические и синхронно-диахронические ограничения, характерные для процесса деривации немецких деадъективов. К семантическим ограничениям следует относить невостребованность в качестве производящих основ основ относительных имен прилагательных. Словообразовательные ограничения связаны с наличием ряда суффиксов и полусуффиксов (-en, -ern, -arm, -leer, -frei, -reich, -voll, -wert, -recht, -artig и др.). Для образования немецких деадъективов используются стилистически нейтральные производящие основы. Синхронно-диахронические ограничения состоят в том, что имена прилагательные с устаревшими значения не обладают соответствующими деривационными потенциалами, то есть они не способны служить производящей базой для деадъективных имен существительных.

Ключевые слова: деадъектив, синтаксический дериват, предметная категориальная семантика, семантические ограничения, словообразовательные ограничения, стилистические ограничения, синхронно-диахронические ограничения.

Для цитирования: Налобина Е. П., Архипова И. В. Немецкие деадъективы как производные имена существительные: деривационные ограничения // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 58–65. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-58-65>

Original article

GERMAN DEADJECTIVES AS DERIVED NOUNS: DERIVATIONAL CONSTRAINTS

Elena P. Nalobina¹, Irina V. Arkhipova²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University Novosibirsk, Russia

¹ sorockina@mail.ru

² irarch@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the description of such derived names as German deadjective nouns in terms of semantic, word-formation, stylistic and synchronous-diachronic limitations of their derivational processes. Deadjectives are abstract nouns formed from adjectives of various semantics. Being derivatives of

adjectives, they are characterized by a dual semantic and grammatical nature due to the interaction of categorical meanings of objectivity and quality. In the course of the study, some semantic, word-formation, stylistic and synchronous-diachronic limitations characteristic of the process of derivation of German deadjectives were identified and described. Semantic limitations should include the lack of demand for the bases of relative adjectives as generating bases. Word-formation limitations are associated with the presence of a number of suffixes and semi-suffixes (-en, -ern, -arm, -leer, -frei, -reich, -voll, -wert, -recht, -artig, etc.). Stylistically neutral generating bases are used to form German deadjectives. Synchronous-diachronic limitations consist in the fact that adjectives with obsolete meanings do not have the appropriate derivational potentials, i.e. they are not able to serve as a generating base for deadjective nouns.

Keywords: deadjective, syntactic derivative, subject categorical semantics, semantic constraints, word-formation constraints, stylistic constraints, synchronous-diachronistic constraints.

For citation: Nalobina E. P., Arkhipova I. V. German deadjectives as derived nouns: derivational constraints. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:58-65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-58-65>

Введение

Проблемы лексической и словообразовательной семантики деадъективных имен существительных находят свое освещение в работах ряда отечественных лингвистов [Адамец 1975; Брикотнина 2005; Борисенкова 1984; Воронина 2022; Голубева 2022, 2022а; Золотова 2003; Кузикович 2008; Макарова 2017, 2018; Налобина, Архипова 2016, 2016а, 2017; Налобина 2013, 2021].

Как отмечает М. Б. Ташлыкова, «осознав однажды синтаксическую направленность и семантическую близость (тождество) отвлеченных существительных с их производящими, дериватологи стали относиться к этому как к аксиоме и практически исключили имена качества из сферы актуальных исследовательских задач» [Ташлыкова 2013: 35]. Необходимость их детального рассмотрения и анализа обуславливает актуальность настоящего исследования. Целью исследования является описание немецких деадъективов в аспекте семантических, словообразовательных, стилистических и синхронно-диахронических ограничений их деривационной сферы. Материалом исследования послужили немецкие высказывания с деадъективными именами существительными, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного немецкого словаря (Duden).

Основная часть

В современной лингвистической литературе *деадъективы* рассматриваются как абстрактные или отвлеченные имена существительные, являющиеся производными имен прилагательных (качественных, относительных). Они обладают двойственной природой в силу взаимодействия категориальных значений предметности и качества. Их «двухслойная» семантика детерминирует тот факт, что деадъективные номинализации (как и девербативы) находятся в зоне частеречного синкретизма. Кроме того, их обозначают как гибридные образования, поскольку «гибридность свойственна любому производному слову» [Ирисханова 2010: 36]. «Индивидуальное лексическое значение производного – это сплав лексического значения мотивирующих единиц и словообразовательного значения, переданного аффиксом или другими средствами и представляющего собой поэтому формально выраженное значение семантических разрядов и категорий – категорий ономаσιологического порядка» [Кубрякова 1977: 245]. Деадъективы – это производные имена существительные со значением отвлеченного качества, мотивированные различными именами прилагательными: *schön – die Schönheit, tapfer – die Tapferkeit, bitter – die Bitterkeit* и др.

Деадъективы характеризуются как *синтаксические дериваты*. По определению Е. Куриловича, сущность синтаксической деривации заключается в «помещении формы с таким же лексическим содержанием» в иную по сравнению с исходным словом синтаксическую позицию» [Курилович 1962: 57–70]. Приобретение деадъективными существительными новой

(предметной) категориальной семантики в результате акта словообразования становится тем основанием, которое задаёт направления дальнейшего лексического и семантико-синтаксического обособления их как производных слов [Голубева 2022: 70]. Производство от прилагательного отвлеченного отадекативного / деадкативного имени уже представляет собой опредмечивание – образование слова со значением опредмеченного свойства. Это опредмечивание носит категориальный морфолого-синтаксический характер, так как благодаря ему «свойство» перестает быть атрибутом, приписываемым какому-либо явлению, и начинает обозначаться существительным, категориальным значением которого как части речи является значение предмета [Пименова 2013: 50]. По мнению Н. Б. Пименовой, «первичное» опредмечивание происходит при номинализации прилагательного, оно связано с изменением категориально-морфологических свойств слова и маркируется с помощью словообразовательных средств; как вторичное маркирование опредмечивания – маркирование вещно-предметных коннотаций отвлеченного существительного – можно трактовать выбор специального суффикса из имеющегося набора суффиксов отадекативных (деадкативных) отвлеченных имен [там же: 51].

Под термином «деадкативное существительное», вслед за П. Адамцом, следует понимать понимаем «всякое существительное, образованное от корня адкативного» [Адамец 1973: 40]. Однако в этой связи следует разграничивать *деадкативные имена существительные* и *субстантивированные имена прилагательные*. Отечественные и зарубежные лингвисты указывают на то, что субстантивация прилагательных является результатом опущения существительного, которое в данном сочетании легко может «подразумеваться» [Шанский 2016; Fleischer 2007]. При этом субстантивированные прилагательные среднего рода, употребляемые как субстантиваты, приобретают значение абсолютного качества, но, как указывает В. Мотч, в данном случае речь идет не о словообразовательном процессе, а о синтаксическом явлении [Motsch 2012: 355]. Кроме того, субстантивированные прилагательные в немецком языке отличаются тем, что имеют особые грамматические формы: они сохраняют тот тип словоизменения, который свойственен исходной части речи, а именно адкативный тип склонения. При разграничении понятий *субстантивированное прилагательное* и *деадкативное существительное* важно учитывать синкретичный характер данных производных единиц. Подход с позиций теории переходности предполагает отнесение субстантивированных прилагательных к периферии имени прилагательного, а деадкативные существительные – к периферии имени существительного [Бабайцева 1983; Высоцкая 2006].

В контексте образования производного слова И. С. Улуханов выделяет такие ограничения как семантические, словообразовательные (морфемные), стилистические, синхронно-диахронические и др. [Улуханов 1998, 2009]. *Семантические ограничения*, по мнению лингвиста, «состоят в том, что форманты выступают в сочетании лишь с теми мотивирующими словами (основами), которые обладают каким-либо общим семантическим свойством. Для того чтобы соединение форманта и мотивирующего слова (основы) состоялось, необходимо, чтобы они были семантически совместимы» [Улуханов 1998: 543].

Анализ словарных статей позволяет выявлять семантические ограничения, которые, как указывает Е. А. Земская, «вызываются чаще всего семантической несовместимостью морфем. Поскольку части речи являются самыми общими лексико-грамматическими разрядами слов, самые широкие ограничения такого рода проявляются в сочетаемости аффикса с основами той или иной части речи» [Земская 2011: 321–322]. Кроме таких общих ограничений, «действуют ограничения более специализированные, то есть тот или иной аффикс может сочетаться не со всеми основами данной части речи, а лишь с основами определённой семантики» [там же]. В немецком языке среди адкативных производящих основ остаются невостребованными основы относительных прилагательных. Например, имя прилагательное *väterlich* имеет два лексико-семантических варианта: «1. dem Vater gehörend; 2. wie ein Vater fürsorglich» (Duden). В следующем примере производное существительное *Väterlichkeit* наследует значение только второго лексико-семантического варианта. Ср.:

«Verleger in die Fresse!» ruft die Schriftstellerin Jagoda Marinic hübsch angriffslustig in einer Polemik gegen den Verleger als fürsorglich-väterliche Gestalt: Diese erzählte *Väterlichkeit* hat Folgen: Wo ein Vater, da auch ein Kind (LC).

Как отмечает М.Б. Ташлыкова, это связано с природой относительных прилагательных, «обозначающих признак через отношение к предмету. Значение признака не может возникнуть на базе предметной семантики. Развитие же качественных сем позволяет прилагательному субстантивироваться» [Ташлыкова 2013: 159]. Как правило, в немецком языке от имен прилагательных, употребляющиеся только в предикативной функции, не могут быть образованы существительные. Примером могут служить следующие имена прилагательные: *abspenstig, alleine, anheischig, ausfindig, barfuss, bass, entzwei, futsch, gewärtig, gratis, klipp, pleite, quitt, ruchbar, schade, untertan, vonnöten, wett, wurscht* и др. Например: *das Geld ist futsch – * das Futsch des Geldes – * die Futschheit des Geldes*

Словообразовательные ограничения заключаются в том, что «форманты выступают в сочетании с теми мотивирующими словами (основами), которые характеризуются определёнными словообразовательными свойствами» [Улуханов 1998: 548]. В качестве подобных словообразовательных свойств рассматриваются производность / непроизводность мотивирующей основы, наличие в производной основе того или иного аффикса [там же]. В ходе исследования обнаружено, что отсубстантивные относительные прилагательные с суффиксами *-en, -ern*, а также прилагательные с полусуффиксами *-arm, -leer, -frei, -reich, -voll, -wert, -recht, -artig* не могут служить производящими базами для деадъективных существительных.

Стилистические ограничения состоят в том, что «форманты выступают в сочетании лишь с теми мотивирующими словами (основами), которые обладают общим стилистическим свойством» [там же: 549–550]. Для образования немецких деадъективных существительных используются стилистически нейтральные производящие основы. Лексико-семантические варианты слов, имеющие стилистические пометы «книжный», «поэтический», «фамильярно-разговорный», «эвфемизм» и т. д., не способны служить производящей базой для имен существительных. Так, деадъективный дериват *Krankheit* со значением «körperliche, geistige oder seelische Störung, die an bestimmten Symptomen erkennbar ist» (Duden) образовано от прилагательного *krank* со следующим значением: «im körperlichen oder geistigen Wohlbefinden beeinträchtigt; physisch oder psychisch leidend, nicht gesund» (Duden). Например:

Doch kurz nachdem er dem Casino-Mogul Dorothy Macha (Ray Liotta) eine Lektion erteilt hat, finden Ärzte bei ihm eine unheilbare *Krankheit* (LC).

Производное существительное не наследует фамильярно-разговорного значения прилагательного *krank* «unsinnig, absurd» (Duden).

Синхронно-диахронические ограничения заключаются в том, что «формант выступает в сочетании лишь с теми мотивирующими словами, которые обладают определёнными диахроническими свойствами, сохраняющимися в синхронном состоянии языка» [Улуханов 1998: 551]. Так, например, заимствованные суффиксы, как правило, образуют производные от основ заимствованных слов, в то же время некоторые исконные суффиксы сочетаются лишь с исконными мотивирующими.

Устаревшие значения слов не способны служить производящей базой для имен существительных. Например, имя прилагательное *pünktlich* имеет следующие лексико-семантические варианты: «1. den Zeitpunkt genau einhaltend; genau zur verabredeten, festgesetzten Zeit [eintreffend]; 2. (veraltet) gewissenhaft, korrekt» (Duden). Деадъективный дериват дефинируется как «das Pünktlichsein» (Duden). В следующем примере имя существительное *Pünktlichkeit* наследует значение первого лексико-семантического варианта. Ср.:

«Die Einführung regelmäßiger Pressekonferenzen dient dazu, die Klarheit und *Pünktlichkeit* der Kommunikation der Federal Reserve über ihre Geldpolitik weiter zu verbessern», hieß es dazu in einer Erklärung der Fed (LC).

Второй лексико-семантический вариант имени прилагательного *pünktlich* не способен служить производящей базой для имени существительного.

Заключение

Таким образом, деадъективы являются абстрактными или отвлеченными существительными, образованными от различных имен прилагательных. Будучи производными имен прилагательных, они характеризуются гибридным характером и двойственной природой, обусловленными взаимодействием категориальных значений предметности и качества. В результате словообразовательных актов деадъективы приобретают новую (предметную) категориальную семантику. В ходе исследования обнаружены некоторые семантические, словообразовательные, стилистические и синхронно-диахронические ограничения, характерные для процесса деривации обследуемых имен. Так, среди адъективных производящих основ остаются не востребуемыми основы относительных имен прилагательных, а также имена прилагательные, употребляемые только в предикативной функции (*abspenstig, alleine, anheischig, ausfindig, barfuss, bass, entzwei, futsch, gewärtig, gratis, klipp, pleite, quitt, ruchbar, schade* и др.).

Словообразовательные ограничения связаны с такими суффиксами и полусуффиксами как *-en, -ern, -arm, -leer, -frei, -reich, -voll, -wert, -recht, -artig*. Относительные имена прилагательные с вышеназванными суффиксами / полусуффиксами не могут служить производящими базами для немецких деадъективов. Стилистические ограничения заключаются в том, что для образования немецких деадъективов используются лишь стилистически нейтральные производящие основы. Синхронно-диахронические ограничения определяют тот факт, что устаревшие значения слов не способны служить производящей базой для деадъективных имен существительных.

Список литературы

1. Адамец П. О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 4. С. 40–46.
2. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 5. 1983. С. 35–42.
3. Борисенкова Л. М. Семантическая структура и коммуникативные функции девербативов, деадъективов и морфологически родственных им композитов : на материале немецкого языка : дис ... канд. филол. наук. М., 1984. 160 с.
4. Брикотнина Л. В. Специфика семантики абстрактных имен качества и ее экспликация в синтаксисе: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 190 с.
5. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов : дис. ... д. филол. наук. Белгород, 2022. 369 с.
6. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка : дис. ... д. филол. н. М., 2006. 452 с.
7. Голубева В. К. Типология конструкций с прилагательным / именем качества с учетом их трансформационного потенциала // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2022. № 6 (121). С. 68–80.
8. Голубева В. К. Существительные – отадъективные синтаксические дериваты и метонимия // Современные проблемы филологии. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Киров. 2022а. С. 98–104.
9. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта: Наука, 2011. 323 с.
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2003. 386 с.

11. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 222–303.
12. Кузикович Г. П. Категориальная организация абстрактных имен существительных (на примере качественных имен) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2(15). С. 5–18.
13. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
14. Макарова А. Н. Деадъективные номинализации как языковые особенности в русском и хантыйском языках // Богатство финно-угорских народов. Материалы IV Международного финно-угорского студенческого форума. 2017. С. 201–203.
15. Макарова А. Н. Лексико-семантическое пространство деадъективных номинализаций // Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции. В 3-частях. 2018. С. 14–18.
16. Налобина Е. П. Синтаксическая деривация деадъективных суффиксальных существительных в современном немецком языке // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2013. № 7. С. 39–44.
17. Налобина Е. П. Особенности метафоризации немецких деадъективных существительных // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2021. Т. 15. С. 50–55.
18. Налобина Е. П., Архипова И. В. Семантико-синтаксические свойства deverбативных и деадъективных существительных немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). С. 143–153.
19. Налобина Е. П., Архипова И. В. Синтаксис deverбативов и деадъективов (на примере предложно-именных конструкций немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2016а. № 10. С. 23–29.
20. Налобина Е. П., Архипова И. В. Функционирование деадъективных существительных в немецком полипропозитивном предложении // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2017. № 11. С. 99–101.
21. Пименова Н. Б. Деривационная метафорика как особое явление в функционировании отвлеченных имен (на материале немецкого языка средневековья) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 1. С. 48–55.
22. Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск : ИГУ, 2013. 277 с.
23. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // Славянское языкознание : XII Междунар. съезд славистов: доклады российской делегации. М. : Наука, 1998. С. 536–555.
24. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Либроком, 2009. 317 с.
25. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 4-е. М. : URSS : Ленанд, 2016. 332 с.
26. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Irmhild Barz ; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2007. 382 p.
27. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen // Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. 2. Auflage. Walter de Gruyter, 2012. 469 p.

Источники иллюстративного материала

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15. 01. 2024).
2. Duden – Электронный словарь немецкого языка. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 15. 01. 2024).

References

1. Adamets P. O. O semantiko-sintaksicheskikh funktsiyakh deverbativnykh i dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh [On the semantic-syntactic functions of deverbative and deadjectival nouns]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific reports of higher education. Philological sciences]. 1973, no. 4, pp. 40–46. (In Russ.).

2. Babaytseva V. V. Zona sinkretizma v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka [The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific reports of higher education. Philological sciences]. No. 5. 1983, pp. 35-42. (In Russ.).
3. Borisenkova L. M. Semanticheskaya struktura i kommunikativnye funktsii deverbativov, dead"ektivov i morfologicheski rodstvennykh im kompozitov: na materiale nemetskogo yazyka [Semantic structure and communicative functions of deverbatives, deadjectives and morphologically related composites: based on the German language]. PhD thesis. Moskva, 1984, 160 p. (In Russ.).
4. Brikotnina L. V. Spetsifika semantiki abstraktnykh imen kachestva i ee eksplikatsiya v sintaksise: na materiale angliyskogo yazyka [The specificity of the semantics of abstract names of quality and its explication in syntax: on the material of the English language]. PhD thesis. Barnaul, 2005, 190 p. (In Russ.).
5. Voronina L. V. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivatsionnykh i kompozitsionnykh protsessov [Substantive word formation in modern German: a cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes]. Doctoral dissertation. Belgorod, 2022, 369 p. (In Russ.).
6. Vysotskaya I. V. Sinkretizm v sisteme chastei rechi sovremennogo russkogo yazyka [Syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language]. Doctoral dissertation. Moscow, 2006, 452 p. (In Russ.).
7. Golubeva V. K. Tipologiya konstruksiy s prilagatel'nykh / imenem kachestva s uchetom ikh transformatsionnogo potentsiala [Typology of constructions with an adjective/name of quality taking into account their transformation potential]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya* [Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 1. Philology]. 2022, no. 6 (121), pp. 68-80. (In Russ.).
8. Golubeva V. K. Sushchestvitel'nye - otad"ektivnye sintaksicheskie derivaty i metonimiya [Nouns - adjectival syntactic derivatives and metonymy]. *Sovremennye problemy filologii* [Modern problems of philology]. Kirov, 2022a, pp. 98-104. (In Russ.).
9. Zemskaya E. A. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie [Modern Russian language. Word formation]. 3rd ed., Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 323 p. (In Russ.).
10. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. Ed. h-well, stereotypical, Moscow, Editorial URSS, 2003, 386 p. (In Russ.).
11. Kubryakova E. S. Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie [Theory of nomination and word formation]. *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy* [Language nomination: Types of names]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 222-303. (In Russ.).
12. Kuzikevich G. P. Kategorial'naya organizatsiya abstraktnykh imen sushchestvitel'nykh (na primere kvalitativnykh imen) [Categorical organization of abstract nouns (using qualitative nouns as an example)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues in cognitive linguistics]. 2008, no. 2(15), pp. 5-18. (In Russ.).
13. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya [Lexical derivation and syntactic derivation]. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962, pp. 57-70. (In Russ.).
14. Makarova A. N. Dead"ektivnye nominalizatsii kak yazykovye osobennosti v russkom i khantyyskom yazykakh [Deadjective nominalizations as linguistic features in Russian and Khanty languages]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov* [The wealth of the Finno-Ugric peoples]. 2017, pp. 201-203. (In Russ.).
15. Makarova A. N. Leksiko-semanticheskoe prostranstvo dead"ektivnykh nominalizatsiy [Lexical-semantic space of deadjective nominalizations]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Current issues of modern science]. 2018, pp. 14-18. (In Russ.).
16. Nalobina E. P. Sintaksicheskaya derivatsiya dead"ektivnykh suffiksalykh sushchestvitel'nykh v sovremennom nemetskom yazyke [Syntactic derivation of deadjective suffixal nouns in modern German]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. 2013, no. 7, pp. 39-44. (In Russ.).
17. Nalobina E. P. Osobennosti metaforizatsii nemetskikh dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh [Features of Metaphorization of German Deadjective Nouns]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. 2021, vol. 15, pp. 50-55. (In Russ.).
18. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Semantiko-sintaksicheskie svoystva deverbativnykh i dead"ektivnykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Semantic and syntactic properties of deverbative

and deadjective nouns of the German language] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [student of Novosibirsk State Pedagogical University]. 2016, no. 4 (32), pp. 143-153. (In Russ.).

19. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Sintaksis deverbativov i deadektivov (na primere predlozhno-imennykh konstruksiy nemetskogo yazyka) [Syntax of deverbatives and deadjectives (using the example of prepositional-nominal constructions of the German language)]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. 2016a, no. 10, pp. 23-29. (In Russ.).

20. Nalobina E. P., Arkhipova I. V. Funktsionirovanie deadektivnykh sushchestvitel'nykh v nemetskom polipropozitivnom predlozhenii [Functioning of deadjective nouns in German polypropositional sentences]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. 2017, no. 11, pp. 99-101. (In Russ.).

21. Pimenova N. B. Derivatsionnaya metaforika kak osoboe yavlenie v funktsionirovanii otvlechennykh imen (na materiale nemetskogo yazyka srednevekov'ya) [Current issues of philology and methods of teaching foreign languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series I: Philology]. 2013, no. 1, pp. 48-55. (In Russ.).

22. Tashlykova M. B. Semanticheskie etyudy o «sintaksicheskoy derivatsii» [Семантические этюды о «синтаксической деривации»]. Irkutsk, IGU, 2013, 277 p. (In Russ.).

23. Ulukhanov I. S. O zakonomernostyakh sochetaemosti morfem v slavyanskikh yazykakh [On the patterns of morpheme compatibility in Slavic languages]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. Moscow, Nauka, 1998, pp. 536-555. (In Russ.).

24. Ulukhanov I. S. Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Ed. 2th edition, Moskva, Librokom, 2009, 317 p. (In Russ.).

25. Shanskiy N. M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu [Essays on Russian word formation]. 4th edition, Moskva, URSS, Lenand, 2016, 332 p. (In Russ.).

26. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Irmhild Barz ; unter Mitarbeit von Marianne Schröder. 3., unveränd. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2007. 382 p.

27. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen // Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. 2. Auflage. Walter de Gruyter, 2012. 469 p.

Информация об авторах

Е. П. Налобина – старший преподаватель, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет;

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the authors

E. P. Nalobina – Senior Lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University;

I. V. Arkhipova – Dr. (Philology), Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 66–75.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 66-75.

Научная статья

УДК 811.134.2'37

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-66-75

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «PAREMIOLOGÍA» ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТАТЬИ Х.СЕВИЛЬИ МУНЬОС «LA VARIACIÓN EN LAS PAREMIAS DEL ESPAÑOL DE ESPAÑA Y DE MEXICO»

Надежда Николаевна Меньшакова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
mnesperanza@mail.ru

Аннотация. Метод моделирования семантического поля рассматривается учеными как способ категоризации лингвистического знания, который помогает наглядно представить семантические связи между разными группами слов, выражений и даже целых предложений. Однако, мы предполагаем, что семантическое поле может быть актуально не только для изучения одного языка, но и для проведения кросс-культурного анализа определенной терминосферы нескольких языков, а также как метод выявления потенциальных переводческих трудностей. Для подтверждения данной гипотезы мы выбрали статью Х. С. Муньос «La Variación En Las Paremiias Del Español de España y de México», которая затрагивает тему диатопической вариативности паремий испанского языка в двух странах: Испании и Мексике, а также рассказывает об истории исследований в сфере геопаремииологии. Стоит отметить, что большинство исследований датируются концом XX в. и началом XXI в., что говорит о популярности проведения подобных исследований в наши дни. В результате работы со статьей было смоделировано семантическое поле имени «Paremiología», которое стало частью предпереводческого анализа статьи. В процессе перевода статьи мы опирались на установленные семантические связи, чтобы подобрать релевантный перевод для каждого понятия в паремииологической терминосфере испанского языка. В результате перевода было смоделировано поле имени «Паремииология» на русском языке.

Ключевые слова: паремииология, семантическое поле, испанский язык, моделирование, паремии.

Для цитирования: Меньшакова Н. Н. Семантическое поле «PAREMIOLOGIA» при переводе статьи Х. Севильи Муньос «La variación en las paremiias del español de españa y de mexico» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 66–75. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-66-75>

Original article

THE SEMANTIC FIELD "PAREMIOLOGÍA" IN THE TRANSLATION OF THE ARTICLE X.SEVILLE MUNOZ "LA VARIACIÓN EN LAS PAREMIAS DEL ESPAÑOL DE ESPAÑA Y DE MEXICO"

Nadezhda N. Menshakova

Perm State National Research University, mnesperanza@mail.ru

Abstract. The method of modeling the semantic field is considered by scientists as a way of categorizing linguistic knowledge, which helps to visualize the semantic connections between different groups of words, expressions and even whole sentences. However, we suggest that the semantic field may be relevant not only for learning one language, but also for conducting cross-cultural analysis of a certain

terminosphere of several languages, as well as as a method of identifying potential translation difficulties. To confirm this hypothesis, we selected an article by H. S. Munoz "La Variación En Las Paremias Del Español de España y de México", which touches on the topic of diatopic variability of Spanish language paremias in two countries: Spain and Mexico, and also tells about the history of research in the field of geoparemiology. It is worth noting that most of the studies date back to the end of the XX century and the beginning of the XXI century, which indicates the popularity of conducting such studies these days. As a result of working with the article, the semantic field of the name "Paremiología" was modeled, which became part of the pre-translation analysis of the article. In the process of translating the article, we relied on established semantic links to select a relevant translation for each concept in the paremiological terminosphere of the Spanish language. As a result of the translation, the field of the name "Paremiology" was modeled already in Russian.

Keywords: paremiology, semantic field, Spanish, modeling, paremias.

For citation: Menshakova N. N. The semantic field "paremiología" in the translation of the article X. Seville Munoz "La variación en las paremias del español de España y de México". Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:66-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-66-75>

Введение

Актуальность работы обусловлена двумя факторами: теоретическим и практическим. Теоретический фактор проявляется в нарастающей популярности паремиологических исследований как в рамках одного языка, так и в проведении кросс-культурных сравнений [Мидер 2020; Шустова 2023; Шустова, Лебедева 2024]. Для подтверждения данной гипотезы мы выбрали статью Х. С. Муньос «La Variación En Las Paremias Del Español de España y de México», которая затрагивает тему диатопической вариативности паремий испанского языка в двух странах: Испании и Мексике, а также рассказывает об истории исследований в сфере геопаремиологии.

Материал выбранной статьи будет полезен для любого человека, интересующегося паремиями, так как в нем содержится актуальный компаративный анализ паремий испанского языка с объяснениями причин их вариативности [Меньшакова 2020; Шалгина, Плюсина, Киселева 2018].

Принцип построения данной работы можно применить и для проведения подобных исследований в русском языке. Практическая актуальность заключается в разработке нового подхода к поиску и последующей работе с переводческими трудностями.

Основная часть

Основные проблемы при переводе статьи заключались в подборе релевантных терминов из раздела паремиологии и геопаремиологии, а также выбора стратегии для трансляции примеров паремиологических единиц текста на русский язык. По сути, все эти единицы были включены в состав семантического поля, поэтому мы предлагаем выстроить рассмотрение принятых переводческих решений по схеме моделирования семантического поля: от ядра к периферии. Так в ядре и ближней периферии будут содержаться все термины, а в дальней периферии – паремиологические единицы. В процессе перевода терминов мы стремимся найти эквиваленты для каждой испанской лексемы, чтобы сохранить максимальную точность повествования.

Ядро.

Слова ядерной группы легче всего поддаются переводу, так как они относятся к общим положениями паремиологии (ядерного слова), которые едины для всех языков. Для большинства из них нам удалось подобрать полный эквивалент с помощью сравнения их дефиниций.

ИТ	ПТ
<i>la paremia</i>	Паремия
<i>el paremiólogo</i>	Паремиолог
<i>la geoparemiología</i>	Геопаремиология
<i>la paremiografía</i>	Паремиография

Труднее всего оказалось перевести *el habla proverbial*, так как нет ни одного соответствующего словарного определения, а в тексте статьи это выражение приводится единожды. Для выбора стратегии перевода необходимо дать дефиниции каждой составной части и принять во внимание контекст, в котором используется это выражение.

El habla – manera especial de hablar; proverbial – perteneciente o relativo al proverbio [Real Academia Española]. Предложение, в котором используется данное, выражение связано с предыдущим, в котором фигурирует сочетание «паремиологический язык»: «*El tema de su tesis doctoral se enmarcó en el lenguaje paremiológico: Las comparaciones populares en las Tradiciones peruanas de Ricardo de Palma*», «*Tras la publicación de su tesis, se dedicó a examinar el habla proverbial en un sentido muy amplio en el habla cotidiana...*». Из контекста видно, что после публикации диссертации ученый продолжил работу в этом направлении.

После проведенного анализа мы остановились на двух потенциально подходящих стратегиях: дословный перевод и адаптация. В результате дословного перевода у нас получилось сочетание «*пословичная речь*». Однако в русской паремиологической традиции такое выражение не встречается, что может ввести читателя в заблуждение. Далее мы обратились к способу адаптации, при котором полностью меняется структура выражения. Мы более детально рассмотрели предыдущее предложение и заметили, что в названии диссертации фигурирует один из типов паремий *las comparaciones* – сравнения. Так как в статье Х. С. Муньос в основном приводятся примеры работ, связанных с изучением пословиц, то было решено перевести *el habla proverbial* как «*пословицы*». Благодаря такому переводу мы показали актуальность включения данного исследования в выбранную статью.

ИТ	ПТ
<i>El tema de su tesis doctoral se enmarcó en el lenguaje paremiológico: Las comparaciones populares en las Tradiciones peruanas de Ricardo de Palma (1966). Tras la publicación de su tesis, se dedicó a examinar el habla proverbial en un sentido muy amplio en el habla cotidiana hispana de la numerosa población hispana residente en Los Ángeles.</i>	Темой ее докторской диссертации стал паремиологический язык: Популярные сравнения в книге Рикардо де Пальмы «Перуанские традиции» (1966). После публикации диссертации она посвятила себя изучению ПОСЛОВИЦ в повседневной речи многочисленного испаноязычного населения, проживающего в Лос-Анджелесе.

Ближняя периферия.

На этом уровне возникло гораздо больше проблем с переводом, чем в предыдущем. Мы предлагаем начать с единиц, к которым удалось подобрать эквивалентный перевод.

ИТ	ПТ
<i>la investigación geoparemiológica</i>	Геопаремиологическое исследование
<i>la investigación paremiológica</i>	Паремиологическое исследование
<i>el paremiógrafo</i>	Паремиограф
<i>el refranero</i>	Паремиологический словарь
<i>el enunciado breve y sentencioso</i>	Короткое поучительное высказывание

Первая сложность заключалась в переводе термина *el refrán*. Его словарное определение *dicho agudo y sentencioso de uso común* не дает точного понимания об особенностях и характеристиках выражений этой группы. По сути, любое общеупотребительное выражение назидательного характера соответствует определению. Для поиска релевантного перевода мы приняли во внимание несколько факторов: частотность употребления *el refrán* в тексте, примеры называемых паремиологических единиц и паремиологическую терминосферу русского языка.

Данный термин один из самых распространенных в тексте: его можно найти в каждом параграфе и даже абзаце, он присутствует в оглавлении каждой таблицы с примерами. Можно утверждать, что при любой попытке автора обратиться к группе паремиологических

единиц, он использует именно это слово. Сами примеры таких единиц представляют собой синтаксически завершенные поучительные выражения. В русской паремиологической традиции такое описание может соответствовать как пословицам, так и поговоркам. Однако, если обратиться к трудам известного паремиолога Г. Л. Пермякова, то можем увидеть, что главным признаком их отличия считается грамматическая завершенность, которой обладает пословица, но не поговорка. К списку их отличий также можно отнести смысловую завершенность (у пословицы есть, у поговорки – нет) и эмоциональную окрашенность [Пермяков 2001: 12]. То есть поговорки могут иметь грамматическую, но не смысловую завершенность, а все примеры выражений в тексте обладают и тем, и другим. Уже на этом этапе можно выбрать вариант перевода «*пословица*», но мы обратили внимание на еще один фактор.

В русском языке наиболее частотным термином для обозначения групп паремиологических единиц является именно пословица. Другими словами, для русского читателя куда привычнее видеть в паремиологическом тексте именно этот термин. После проведенного анализа мы приняли решение, что остановимся на варианте перевода «*пословица*».

Следующая сложность связана с парой выражений: *el refranero* и *el refranero*. В словарных статьях это слово четко определяется как *la colección de refranes* [Real Academia Española]. Однако в самом тексте оно нередко употребляется в значении «*пословица*». Ниже представлена сравнительная таблица.

el refranero (пословица)	el refranero (словарь)
<i>refranero mexicano</i> (в заголовке таблиц с примерами выражений)	<i>Una primera lectura de los refraneros mexicanos...</i>
<i>El primer esquema A [problema] + [remedio] es muy productivo tanto en el refranero español como en el mexicano...</i>	<i>Entre los refranes españoles de origen bíblico que pasaron al refranero mexicano...</i>
<i>La búsqueda de variantes diatópicas en el refranero mexicano con respecto al refranero español ha dejado...</i>	<i>la tipología de los refraneros (refranero literario, refranero-acervo y refranero histórico), así como lo que se entiende por refranero mexicano..</i>

Так как в словарях нет примеров употребления данного слова в значении «устойчивого выражение», то мы сделали вывод, что это особенность авторского стиля. Каждый раз, когда оно встречалось нам в тексте, мы переводили его в зависимости от контекста. Например: «*Una primera lectura de los refraneros mexicanos lleva a observar el elevado porcentaje de refranes mexicanos que posee una forma similar o muy parecida a la existente en español de España*». На то, что в данном предложении *los refraneros* относится именно к словарям нам говорит существительное *lectura*, то есть это то, что можно прочитать. А в предложении «*El primer esquema A [problema] + [remedio] es muy productivo tanto en el refranero español como en el mexicano*», которое идет сразу после таблицы с примерами испанских и мексиканских пословиц, нас явно отсылают именно к структуре самих устойчивых выражений – пословиц.

В данном случае важно также объяснить, почему мы перевели *el refranero* именно как «*пословица*». Так как данный испанский термин в этом значении не имеет аналога в русском языке, то мы прибегли к приему адаптации. В оригинальном тексте он используется для обозначения большой группы устойчивых выражений, а в русском языке общеупотребительным термином для таких выражений является «*пословица*». Кроме того, термин *el refrán*, который встречается в тексте с большей частотностью, переводится как «*пословица*». Для сохранения целостности повествования мы решили дать *el refranero* такой же перевод.

Еще одной переводческой трудностью стал поиск перевода для выражений *la frase proverbial* и *el proverbio*. Первое встречается в тексте лишь раз в предложении *No todas corresponden a refranes, ya que estos conviven con otros tipos de paremias, como las frases*

proverbiales. В словаре она определяется как *frase hecha*, что не дает четкого представления о ее структуре и отличительных чертах. В работе «Проблемы таксономии в паремиологии» данное выражение переводится как «провербиальное изречение» [Меньшакова 2020а: 32]. Именно этого варианта перевода мы будем придерживаться в нашем переводе.

ИТ	ПТ
<i>No todas corresponden a refranes, ya que estos conviven con otros tipos de paremias, como las frases proverbiales</i>	Не все они соответствуют пословицам, поскольку сосуществуют с другими типами паремий, такими как провербиальные изречения

Последней трудностью данного уровня стал перевод термина *el proverbio*. Его определение *sentencia, adagio o refrán* также сложно интерпретировать однозначно, так как оно максимально размыто, а также отсылает к уже переведенному термину *el refrán*. Для проведения перевода мы рассмотрим частотность и контекст его употребления и принятые ранее переводческие решения. Термин встречается в тексте всего три раза: один раз в сноске и два раза в списке литературы. Предложение из сноски звучит следующим образом: *En sus refraneros tiene muy en cuenta la colección de Darío Rubio (1920) sobre los refranes, proverbios y dichos y dicharachos mexicanos*. Как можно увидеть, при перечислении видов паремий уже встречается термин *el refrán*, который мы перевели ранее как «*пословица*», следовательно, мы не можем повторить его снова и использовали второй по частности термин «*поговорка*».

Дальняя периферия.

Наибольшую сложность при переводе вызвал именно этот уровень, так как к нему относится большое количество паремиологических единиц (далее ПЕ), у которых фиксированные структура и содержание. Более того, в тексте идет не просто перечисление ПЕ, но их сравнение на лексическом и синтаксическом уровнях, которое необходимо отразить в переводе. Мы рассматривали вариант оставить эти выражения без перевода, чтобы не исказить материалы исследования. Однако в ходе предпереводческого анализа мы выяснили, что реципиентом является любой человек, интересующийся паремиологическими исследованиями, без обязательного владения испанским языком. Это побудило нас изменить подход и приступить к переводу.

Примеры ПЕ разделены по соответствующим параграфам статьи. Всего автор выделяет 7 типов вариаций:

- пословицы с идентичной или очень схожей формы;
- мексиканские пословицы, использующие вариант классической испанской формы;
- мексиканские пословицы, которые происходят от пословицы, синонимичной существующей испанской пословице;
- пословицы испанского происхождения, которые сосуществуют с мексиканскими вариантами;
- испанские пословицы с некоторой лексической модификацией;
- пословицы испанского происхождения с локальными денотатами или культурными отсылками;
- мексиканские пословицы с синтаксической схемой, схожей с испанскими пословицами.

Сами примеры чаще всего оформлены в виде таблицы на 2 столбца: испанская пословица в первом, а мексиканский вариант во втором. В строчках друга напротив друга размещены ПЕ двух стран.

Эквивалентный перевод мы использовали только в параграфе статьи «Испанские и мексиканские пословицы с идентичной или очень схожей формой». Такой выбор обусловлен самим содержанием параграфа: в нем нет примеров диатопической вариации, а, наоборот,

приведены примеры идентичных по своей структуре и содержанию ПЕ двух языков. Следовательно, мы можем привести эквивалент выражения без потери смысла. Поиск эквивалента осуществлялся через электронные версии словарей А. В. Киселева «Русские пословицы и поговорки и их испанские аналоги» и Б. П. Нарумова, А. В. Садикова «Испанско-русский словарь современного употребления».

В самом начале был приведен список полностью идентичных ПЕ для обеих стран.

ИТ	ПТ
<i>Vale más algo que nada</i>	<i>Лучше хоть что-то, чем ничего</i>
<i>A lo hecho, pecho</i>	<i>Назвался груздем, полезай в кузов</i>
<i>De tal palo, tal astilla</i>	<i>Яблоко от яблони недалеко падает</i>
<i>Donde las dan, las toman</i>	<i>Не плюй в колодец – пригодится воды напиться</i>
<i>El que mucho abarca poco aprieta</i>	<i>За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь</i>
<i>El que calla otorga</i>	<i>Молчание – знак согласия</i>

Как видно из примеров, синтаксическая, грамматическая и лексическая структуры пословиц полностью отличаются, но при этом они передают один и тот же смысл. Благодаря эквивалентному переводу ПЕ наша работа приобрела паремиографическую ценность, так как у реципиента сложится взаимосвязь между формами ПЕ двух языков. В остальных случаях мы использовали исключительно прием калькирования, то есть дословно переводили ПЕ с испанского языка на русский с сохранением их структуры. В параграфе «Мексиканские пословицы, использующие вариант классической испанской формы» приводятся примеры мексиканских высказываний, в основу которых легли испанские пословицы, но с изменениями в лексической или синтаксической структуре. Рассмотрим некоторые из них.

Испанский вариант	Мексиканский вариант
<i>Por la boca muere el pez</i> (Из-за открытого рта рыба умирает)	<i>El pez por su boca muere</i> (Рыба умирает из-за открытого рта)
<i>El perro del herrero duerme a las martilladas y despierta a las dentelladas</i> (Собака кузнеца спит под удары молота и просыпается под чавканье)	<i>Como el perro del herrero, que a los martillazos ronca y a los mosquitos despierta</i> (Как собака кузнеца, которая при ударах молотка храпит, а при жевании просыпается)

В этих примерах акцент сделан на синтаксические изменения структуры предложения. В первом примере произошло изменение порядка слов в предложении – инверсия, а во втором появилась дополнительная грамматическая основа.

Испанский вариант	Мексиканский вариант
<i>Donde hay patrón, no manda marinero</i> (Там, где есть шкипер, не командует моряк)	<i>Donde manda capitán, no gobierna marinero</i> (Там, где командует капитан, не правит матрос)
<i>Donde manda capitán, no manda marinero</i> (Там, где командует капитан, не командует моряк)	<i>Donde manda el caporal, no gobiernan los vaqueros</i> (Там, где командует капрал, правят не ковбои)

С помощью этих выражений автор приводит примеры лексических изменений: синтаксическая структура остается без изменений, но образы меняются. Сразу после перевода этого параграфа мы убедились в правильности выбранной стратегии, так как при любом другом подходе у нас не получилось бы передать точечные изменения структуры выражений. Мы продолжили использовать данную стратегию для перевода ПЕ в оставшихся параграфах статьи.

К дальней периферии также относятся названия четырех типов паремиологических словарей – *el refranero*. Большинство из них имеют дословный перевод, основанный на словарных статьях Королевской академии испанского языка по каждому конкретизирующему слову.

ИТ	ПТ
<i>el refranero literario</i>	Литературный паремиологический словарь
<i>el refranero histórico</i>	Исторический паремиологический словарь
<i>el refranero mexicano</i>	Мексиканский паремиологический словарь

Для выражения *el refranero-acervo* подобрать перевод оказалось сложнее, так как дословный перевод конкретизирующей части *acervo* – наследие. Этого недостаточно для оформления выражения, поэтому мы повторно обратились к его словарной статье *relativo a el conjunto de valores o bienes culturales acumulados por tradición o herencia*, из которой стало ясно, что наследие связано с культурой и традициями народа. Методом добавления у нас получился следующий перевод: *el refranero-acervo* – «паремиологический словарь культурного наследия». Еще одним элементом дальней периферии стала группа выражений, относящихся к *la frase proverbial: el amor no se compra con dinero; los males no llegan solos; el amor y el interés comen en el mismo plato*. К их переводу мы подошли также, как и к переводу других устойчивых выражений: обращались к ранее упомянутым словарям в поиске эквивалентного перевода или переводили дословно.

ИТ	ПТ
<i>el amor no se compra con dinero</i>	Любовь за деньги не купишь
<i>los males no llegan solos</i>	Бедя не приходит одна
<i>el amor y el interés comen en el mismo plato</i>	Любовь и интерес всегда на короткой ноге

При переводе последней ПЕ мы совместили два подхода, так как последняя часть *comen en el mismo plato* имеет эквивалент в русском: «*быть на короткой ноге*», а первая часть *el amor y el interés* была переведена дословно. Последним элементом дальней периферии было выражение *la variación diatópica*, которое относится к типам *la investigación geoparemiológica*. В русском языке у этого термина есть полный эквивалент «диатопиская вариация». Благодаря смоделированному ранее семантическому полю имени «Paremiología» на испанском языке, мы смогли структурно подойти к переводу статьи. Результатом нашей работы стало не только решение переводческих трудностей, связанных с семантическим моделированием, и осуществление перевода, но и моделирование ответного семантического поля имени «Паремиология» на русском языке.

Помимо проблем перевода, связанных с терминосферой, в тексте нам встретились и другие трудности. При работе с иностранными текстами переводчику необходимо ознакомиться не только с самим текстом, но и собрать дополнительную экстралингвистическую информацию. В рамках перевода выбранной статьи нам встречались названия государственных проектов, имена ученых и их работы, названия министерств и даже локализмы.

1) Имена.

В тексте нам встречались не только испанские (*Herón Pérez Martínez, José Enrique Gargallo, Mari Carmen Barrado* и др.), но и итальянские (*Temistocle Franceschi*), и английские (*Shirley L. Arora*) имена. Выделяются два основных способа перевода имен собственных на русский язык: транскрибирование (воспроизведение звуковой формы) и транслитерация (воспроизведение внешней буквенной формы) [Паренко 2022]. Однако чаще всего эти приемы используются совместно из-за разницы в алфавитном и фонемном составе языков.

Так, например, у *Herón Pérez Martínez* имя переводится с помощью транслитерации «Херон», а среднее имя и фамилия с помощью транскрибирования «Перес Мартинес». Благодаря смешению этих приемов получается более благозвучное для русского реципиента имя. Ко всем именам в выбранной статье мы применили этот подход.

2) Названия министерств.

Эти названия встречаются только один раз в сноске, но при переводе важно было передать именно испанское название, а не искать эквивалент в русском языке, так как организация государственных систем двух стран отличается.

Мы обратились к работе А. В. Шашковой «Министерства и ведомства в Испании», где дан список всех действующих министерств на 2008 г. Несмотря на то, что за это время государственная система Испании претерпела некоторые изменения, они не коснулись интересующих нас министерств. Каждое из них было учреждено еще в XX в. В результате получился следующий перевод.

ИТ	ПТ
<i>Ministerio de Educación y Ciencia</i>	Министерство образования и науки
<i>Ministerio de Ciencia e Innovación</i>	Министерство развития
<i>Ministerio de Economía y Competitividad</i>	Министерство экономики и финансов

3) Названия работ.

В первой части статьи при описании теоретической базы исследования приведено огромное количество работ и словарей, посвященных изучению и категоризации паремиологического фонда разных стран. Среди этих работ также встречаются названия даже на итальянском языке. При переводе этих названий мы сначала проверяли наличие официального перевода, а только потом использовали метод дословного перевода. К сожалению, ни одна из этих работ не имела официального перевода на русский язык. Сами названия мы оформляли следующим образом: *испанское название* (перевод на русский, год выпуска).

Например: *La sabiduría criolla. El refranero hispanoamericano* (Креольская мудрость. Испано-американские пословицы, 1977). Так у реципиента сохранялась информация об оригинальном названии работы, а также появлялось представление о переводе этого названия.

Если работа встречалась в статье более одного раза, то испанское название мы оставляли только при первом упоминании, а во всех последующих использовали только русский перевод. Таким образом мы избегали нагромождения текста лишними значениями.

Единственное итальянское название *Dizionario dei proverbi italiani con alcune varianti dialettali* мы перевели с помощью онлайн-переводчика: «Словарь итальянских пословиц с некоторыми диалектными вариантами».

4) Локализмы.

В параграфах статьи 4.3, 4.5 и 4.7 в примерах ПЕ приводятся слова, актуальные только для Мексики и связанные с местным бытом. Более того, сам автор выделяет их в сноски, где дает пояснения. Получается, что эти слова актуальны только для определенного региона, и они не общеизвестны, а значит при переводе не получится найти их эквивалент и нужно прибегнуть к способу транслитерации.

ИТ	ПТ
<i>tlachiquero</i>	Глачикеро
<i>zapote</i>	Сапота
<i>milpa</i>	Мильпа

Благодаря такому подходу сохранена аутентичность выражений, в которых используются эти слова.

Заключение

Хулия Севилья Муньос – один из ведущих специалистов в области паремиологии в Испании. Она стоит у истоков создания испанской паремиологической школы. Выбранная статья будет полезна любому человеку, заинтересованному в кросс-культурных исследованиях, так в ней приводится огромное количество сравнений паремий испанского языка в двух странах: Испании и Мексике. Более того, теоретическая база ее исследования применима и для проведения других исследований в этом направлении.

Основные переводческие трудности связаны с элементами входящими в семантическое поле, а именно терминами и примерами паремий. В случае с терминами сложность заключалась в отсутствии фиксированных отличий типов испанских паремий с похожей структурой, что осложняло поиск русского эквивалента.

Перевод паремий осложнялся фиксированностью их структуры и образности, которые необходимо сохранить в процессе перевода. Кроме того, сама статья посвящена сравнению вариантов паремий двух стран, отличия которых в основном заключались в изменениях на синтаксическом и/или лексическом уровнях. Для сохранения этих различий мы применили метод калькирования – дословного перевода с сохранением всех образов.

Другой переводческой трудностью стал сбор дополнительной экстралингвистической информации для перевода сопутствующей информации: названия министерств, локализмы, имена ученых и названия их работ. Помимо перевода самого текста статьи нами было смоделировано ответное семантическое поле имени «Паремиология» на русском языке, что помогло наглядно представить сходства и различия паремиологической системы двух стран.

Список литературы

1. Меньшакова Н. Н. Фразеологические сравнения в испанском, русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 38–44.
2. Меньшакова Н. Н. Проблемы таксономии в паремиологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020а. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-taksonomii-v-paremiologii> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Мидер В. «No Body is Perfect»: соматические пословицы в современном американском английском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 4–20.
4. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Наука, 2001. 671 с.
5. Раренко М. Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode> (дата обращения: февраль 2024).
6. Шалгина Е. А., Плюснина Е. М., Киселева О. Б. Семантическое поле «МИЛОСЕРДИЕ» в русском и французском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 52–56.
7. Шустова С. В. Лингвистические особенности паремийных трансформантов // Евразийский филологический вестник. 2023. № 3(3). С. 98–108.
8. Шустова С. В., Лебедева А. А. Особенности перевода английских фразеологизмов и паремий // Евразийский филологический вестник. 2024. № 1(5). С. 86–105.

Список источников

1. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения: 24.01.2024)
2. Muñoz J. S. La variación en las paremias del español de España y de México / Mogorrón P.H., Cuadrado A. R. (eds.) // ELUA: Fraseología y variaciones (socio)lingüísticas y diatópicas, Anexo VII, 2020. págs. 73–88.

References

1. Men'shakova N. N. Frazеologicheskie sravneniya v ispasnkom, russkom i angliyskom yazykakh [Phraseological comparisons in Spanish, Russian and English]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 3, pp. 38-44. (In Russ.).
2. Men'shakova N. N. Problemy taksonomii v paremiologii [Problems of taxonomy in paremiology]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Scientific result. Theoretical and applied

linguistics issues]. 2020a, no. 2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-taksonomii-v-paremiologii> (accessed: 20.01.2024).

3. Mider V. «No Body is Perfect»: somaticheskie poslovitsy v sovremennom amerikanskom angliyskom yazyke ["No Body is Perfect": Somatic Proverbs in Contemporary American English]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 1, pp. 4-20. (In Russ.).

4. Permyakov G. L. Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka [Proverbs and sayings of the peoples of the East]. Moscow, Nauka, 2001, 671 p. (In Russ.).

5. Rarenko M. B. Imena sobstvennye i problema ikh peredachi v perevode [Proper names and the problem of their transmission in translation]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6, Linguistics: Abstract Journal]. 2022, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-i-problema-ih-peredachi-v-perevode> (accessed: fevral' 2024).

6. Shalgina E. A., Plyusnina E. M., Kiseleva O. B. Semanticheskoe pole «MILOSERDIE» v russkom i frantsuzskom yazykakh [The semantic field "MERCY" in Russian and French]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 4, pp. 52-56. (In Russ.).

7. Shustova S. V. Lingvisticheskie osobennosti paremiynykh transformantov [Linguistic features of paroemic transformants]. 2023, no. 3(3), pp. 98-108. (In Russ.).

8. Shustova S. V., Lebedeva A. A. Osobennosti perevoda angliyskikh frazeologizmov i paremiy [Peculiarities of translation of English phraseological units and proverbs]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1(5), pp. 86-105. (In Russ.).

List of sources

1. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es/> (дата обращения: 24.01.2024).

2. Muñoz J. S. La variación en las paremias del español de España y de México / Mogorrón P.H., Cuadrado A.R. (eds.) // ELUA: Fraseología y variaciones (socio)lingüísticas y diatópicas, Anexo VII, 2020. P. 73–88.

Информация об авторе

Н. Н. Меньшакова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N. N. Menshakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 76–86.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 14. P. 76-86.

Научная статья

УДК 025.7/9:09

doi: 10.24412/2713-0231-2024-14-76-86

ПЕРЕВОДНЫЕ УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ. В РЕДКОМ ФОНДЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПГГПУ

Анна Вадимовна Костицина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
kostitsina@pspu.ru

Аннотация. Выявление, описание и изучение учебных изданий гражданского шрифта как отдельной коллекции ведётся в библиотеке Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета с 2005 г. За этот период выявлено 280 экземпляров XVIII – первой трети XIX вв., среди них 112 экземпляров переводных пособий. В статье приводится анализ и характеристика корпуса старопечатных переводных учебных изданий, сохранившихся в редком фонде ФБ ПГГПУ. Выбор этой части коллекции для анализа обусловлен тем, что переводная литература занимала значительное место в российском книгоиздании того периода, в том числе учебном, и подготовленный материал может быть использован в работе со студенческой аудиторией для иллюстрации истории развития педагогических идей в России и влияния на неё европейской педагогики и научной мысли. Дается краткая характеристика истории бытования экземпляров. На основе изучения записей, помет, экслибрисов можно сделать вывод, что часть из них хранилась и использовалась в учебных заведениях Перми. Среди выявленных изданий есть экземпляры, которые входили в состав личных библиотек известных деятелей науки, представителей духовенства и т. д. Статья также включает материал об опыте использовании книг из редкого фонда ФБ ПГГПУ в научно-исследовательской и учебной деятельности студентов, в социокультурных мероприятиях, проводимых специалистами библиотеки для разных категорий пользователей.

Ключевые слова: старопечатные учебные издания, переводные учебные издания, редкий фонд, фундаментальная библиотека ПГГПУ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, типография Академии Наук, типография Московского университета, история учебного книгоиздания, книжные коллекции, книжные знаки.

Для цитирования: Костицина А. В. Переводные учебные издания XVIII – первой трети XIX вв. в редком фонде Фундаментальной библиотеки ПГГПУ // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 76–86. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-76-86>

Original article

TRANSLATED EDUCATIONAL EDITIONS OF THE 18TH – FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES IN THE RARE FUND OF THE FUNDAMENTAL LIBRARY OF PGHPU

Anna V. Kostitsina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, kostitsina@pspu.ru

Abstract. The identification, description, and study of civil type educational editions as a separate collection have been carried out in the library since 2006. During this period, 280 copies of the 18th – first third of the 19th centuries have been identified, and among them are 112 copies of translated editions. The

article describes the corpus of old printed translated educational editions preserved in the rare collection of the fundamental library of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. The choice of this part of the collection for analysis is due to the fact that translated literature occupied a significant place in Russian book publishing of that period, including educational ones, and the prepared material can be used in work with student audiences to illustrate the history of the development of pedagogical ideas in Russia and the influence of European pedagogy and scientific thought. A brief characteristic of the history of the existence of specimens is given. Based on the study of records, ancient epistles, ex-libris, it can be concluded that some of them were kept and used in educational institutions in Perm. Among the identified publications, there are copies that were part of the personal libraries of famous figures of science, representatives of the clergy, etc. The article also includes material about the experience of using books from the rare fund of the Fundamental Library of PSHPU in the research and educational activities of students, in socio-cultural events conducted by library specialists for different categories of users.

Keywords: old printed educational editions, translated educational editions, rare fund, Fundamental Library of PGHPU, Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Academy of Sciences printing house, Moscow University printing house, history of educational book publishing, book collections, bookplates.

For citation: Kostitsina A. V. Translated educational editions of the 18th – first third of the 19th centuries in the rare fund of the Fundamental Library of PGHPU. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;14:76-86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-14-76-86>

Введение

В редком фонде фундаментальной библиотеки ПГГПУ (далее – ФБ ПГГПУ) хранится более 2 тыс. экз. книг гражданского шрифта. Для педагогического вуза особый интерес среди них представляют учебные издания, так как они отражают основные тенденции развития образования в России и истории учебного книгопечатания, и являются ценным источником при изучении дисциплин, связанных с методикой их преподавания. Выявление, описание и изучение учебных изданий гражданского шрифта как отдельной коллекции ведётся в ФБ ПГГПУ с 2005 г. В тот период был подготовлен альбом «"В пользу и употребления юношества". Учебники XVIII века в фондах библиотеки ПГПУ», посвященный истории наиболее известных изданий того периода. Впоследствии материалы, включенные в него, систематически использовались при проведении просмотров, обзоров, лекций и других мероприятий, проводимых для студентов педагогического университета [Костицина 2017: 110–111]. В 2015 г. результате многолетней работы в было подготовлено электронное издание «Учебные издания до 1830 г. в фондах ФБ ПГГПУ : каталог», которое включало библиографические описания, снабженные краткими аннотациями и сведениями о книжных знаках и записях на 342 экземплярах. Основная часть в каталоге – это книги гражданского шрифта, исключение составили один рукописный учебник и 4 экземпляра кириллического шрифта [Учебные издания до 1830 ...].

Однако тогда в подготовленный каталог были включены не только учебные, но и другие типы изданий, относящиеся к более широкому понятию – «образовательная книга», которая представляет «собой особый тип детской литературы, где учебные и просветительские функции сочетались с элементами нравоучительно-занимательной беллетристики, а дидактическое начало было неотделимо от познавательного» [Антипова 2002: 5]. И. А. Антипова в своей диссертационной работе по целевому признаку выделяет три группы образовательной литературы: учебные, научно-популярные и справочно-энциклопедические издания [там же: 25].

Отличительной функцией учебных изданий является «их использование в процессе обучения в начальных, средних и высших учебных заведениях, тесная связь с конкретными курсами учебных дисциплин» [там же]. Современные учебные издания имеют чёткое читательское назначение, каждое из них адресовано конкретной категории учащихся, в соответствии с определенным уровнем образования, которое указывается на титульном листе. Отнесение книг, рассматриваемого периода, к группе учебных изданий на основе читательского назначения и уровня обучения затруднена, так как к ним «не применима современная классификация, разделяющая читателей на возрастные группы в зависимости от

категории «школьный возраст»» в существовавшей в XVIII веке системе образования еще не сложилась система при которой «обучению в определенных классах жестко соответствует определенный возраст» [там же: 27]. Поэтому отбор экземпляров, относящихся к учебным изданиям, был сделан на основе анализа их библиографического описания и содержания.

Характеристика коллекции переводных учебных изданий из редкого фонда ФБ ПГГПУ

Из редкого фонда ФБ ПГГПУ к группе учебных были отнесены книги, в которых на титульных листах, либо в предисловиях («предуведомлениях») был указан читательский адрес «для учащегося юношества», «для обучающегося юношества», «в пользу обучающегося юношества» и т. п., книги, адресованные учащимся конкретных учебных заведений, а также издания Комиссии об учреждении народных училищ, Главного правления училищ. Часть экземпляров была отнесена к учебным изданиям, на основе изучения истории методики преподавания учебных дисциплин. Например «Универсальная арифметика» Л. Эйлера не содержит указаний о её читательском назначении, однако в истории преподавания математики её называют учебной книгой. Так В. Е. Прудников пишет, что «Универсальная арифметика» Эйлера представляла собой «учебник повышенного типа» [Прудников 1956: 63]. С. С. Демидов указывает, что эта книга сочетала в себе «качества научной монографии и учебника» [Демидов 2007: 287].

В результате к учебным изданиям было отнесено 280 экземпляров книг гражданского шрифта, их хронологический охват с 1757 по 1830 гг. Как отмечают исследователи, детская образовательная книга XVIII в. формировалась под исключительным влиянием «европейской педагогики, и европейской детской литературы» [Антипова 2002: 85]. Историограф В. П. Семенников называет эпохой развития переводной литературы время правления Екатерины II [Семенников 1914: 5], в начале XIX в. переводная литература также занимала значительное место в российском книгоиздании, в том числе учебном. Поэтому важным для истории образования и учебного книгопечатания представляется анализ соотношения оригинальных и переводных изданий, и более подробная характеристика последних, так как это может дать возможность проиллюстрировать историю развития педагогических идей в России и влияния на неё европейской педагогики и научной мысли в работе со студенческой аудиторией.

Из 280 экз. учебных книг из редкого фонда ФБ ПГГПУ к переводным относится 112 экз., из них 49 издано в XVIII в., 63 – в XIX в. По отраслевому признаку, выявленные экземпляры распределяются следующим образом: 30,3 % (34 экз.) занимают книги по математическим дисциплинам (арифметика, алгебра, геометрия); 17,8 % (20 экз.) – по философским наукам (в т. ч. логике); 13,3 % (15 экз.) – по языкознанию; 9,8 % (11 экз.) по естествознанию, 7,1 % (8 экз.) – по физике; 6,2 % (7 экз.) – по географии; 4,4 % (5 экз.) – по истории; 3,5 (4 экз.) – по химии; 2,6 % (3 экз.) – по юриспруденции; 2 экз. – по педагогике, по 1 экз. по экономике, литературоведению, физиологии.

В коллекции представлены учебные издания для разных уровней образования. В период реформ образования Екатерины II и в первой четверти XIX в. к средним учебным заведениям относились народные училища, духовные училища, кадетские и шляхетские корпуса, благородные пансионы и гимназии. На основе анализа описания и содержания выделенного корпуса изданий можно утверждать, что 75 экз. из редкого фонда ФБ ПГГПУ издано для вышеназванных типов средних учебных заведений, 7 из них издано Комиссией об учреждении народных училищ, созданной по указу Екатерины II в сентябре 1782 г. В 1802 г. Комиссия была преобразована в Главное правление училищ [Грачева 2016: 18], одной из задач которого было снабжение учебными изданиями образовательных учреждений, в коллекции 8 экз., изданных от «от Главного правления училищ». К учебным книгам для высшего образования (университетов, академий) относится 32 экз., это пособия по юриспруденции, математическим дисциплинам (геометрия, алгебра, и т. д.), метафизике,

химии и физике. 5 экз. отнести к како-либо ступени образования не удалось, но они адресованы создателями «учащемуся юношеству», «обучающемуся юношеству», «начинающим учиться языкам», при этом их содержание связано с конкретными учебными дисциплинами. Например, изданная в 1788 г. в Московской Университетской типографии книга Я. А. Коменского «Видимый мир», адресуемая на титульном листе «обучающемуся Юношеству», утратила свою функцию энциклопедии из-за отсутствия в ней иллюстраций, «что превращало энциклопедию в словарь иностранных слов с тематическим расположением материала» [Антипова 2002: 100], который употреблялся при обучении иностранным языкам.

Основная печатная продукция в России рассматриваемого периода издавалась в типографиях Москвы и Санкт-Петербурга, этот в полной мере отражено в выделенном корпусе изданий. 84,2 % выявленных учебных переводных изданий отпечатана в таких крупных издательских центрах, как Академия наук и Московский университет, а также других типографиях Москвы и Санкт-Петербурга и лишь 15,8 % увидели свет в региональных типографиях Владимира, Казани, Харькова.

Учебные издания типографии Санкт-Петербургской Академии наук

Одним из ведущих издательств в XVIII в., которое играло важную роль в подготовке учебной литературы была типография Академии наук в Санкт-Петербурге. Члены академии занимались активной переводческой деятельностью, которая нашла отражение и в подготовке переводных пособий для школ, гимназий и высших учебных заведений [Смагина 2000]. В 1768 г. при Академии было образовано «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык», которое переводило и издавало «учебные книги по истории и географии, романы, повести, комедии и пр.» [Академическая типография 1929: 39], «книги учебного характера, рекомендованные “комитетом, рассматривавшим училища”» [Семенников 1914: 13].

Общее количество переводных учебных изданий в редком фонде ФБ ПГПУ, вышедших в Академической типографии, составило 25 экз., 10 – увидели свет в XVIII в. и 15 – в первой трети XIX в. Среди них выявлено одно издание, подготовленное «Собранием...», и рекомендованное «комитетом, рассматривавшим училища», это книга учителя истории и географии в Геттингском училище Георга Христиана Раффа (1748–1788) «Естественная история для малолетних детей» [там же: 75], в своих пособиях он применял «разговорно-диалогический метод» [Безрогов 2018: 22]. «Естественная история...» написана в форме разговора учителя (автора) с учениками, иногда в учебные диалоги вмешиваются животные, которые рассказывают о себе и вступают в разговор с детьми. В предисловии автор дает методические указания по его использованию учителями «желающим употреблять сию книгу», одно из них не читать книгу сразу от начала до конца, а выбрать нужный материал «и разными уроками преподавать детям то, о чем они узнать пожелают» [Рафф 1796: V; Мельникова 1966: 100].

В соответствии с отраслевым признаком издания Академической типографии можно распределить следующим образом: 9 экз. – по математическим дисциплинам, 6 экз. – «естественная история», 5 экз. – философские науки, 3 экз. – физика, по 1 экз. – география и языкознание. Часть книг подготовлена членами Санкт-Петербургской Академии наук: Леонардом Эйлером (1707–1783), который работал в Академии с 1727 по 1741 г., и после отъезда сохранял тесные связи с ней, оставаясь её почетным академиком; Георга Вольфганга Крафта (1701–1754), состоявший преподавателем в академической гимназии, а в 1733 г., он вместо Эйлера, получил кафедру теоретической и опытной физики; почетного члена Академии с 1787 г. Абрагама Готгельфа Кестнера (1710–1800); почетным академиком Иоганном Готлибом Фридрихом Шрадером (1763–1833) и членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1810) Людвигом Генрихом Якобом (1759–1827).

Учебные издания типографии Московского университета

Вторым научным издательским центром в России после типографии Академии наук стала типография Московского университета, открытая в 1756 г. Её продукция с момента основания до конца XVIII века делится на три периода: «1) издания Московского университета, 2) издания Н. И. Новикова, 3) издания последующих арендаторов – А. Светушкина, В. Огорокова, Хр. Ридигера и Хр. Клаудия» [там же: 5]. Университетская типография долгое время была единственной в Москве типографией гражданского значения, и печатала продукцию самого разнообразного характера, в том числе учебные издания. В начале XIX в. типография занимала ведущее место в России по количеству печатаемой продукции, уделяя при этом основное внимание «печатанию литературы для нужд университета и подведомственных ему учебных заведений Московского учебного округа» [Клемёнова 1991: 72]

К переводным учебным изданиям из редкого фонда ФБ ПГГПУ, изданным в типографии Московского университета, относится 23 экз., 16 из них изданы в XVIII в. По содержанию 11 экз. учебных изданий относится к математическим дисциплинам, 8 – по языкознанию, 2 – по химии, по 1-му экз. по философии и праву.

Многие профессора Московского университета выступали в качестве авторов, выпускаемых в типографии учебных изданий. Так в 1768 и 1772 гг. вышел учебник профессора права Филиппа Генриха Дильтея «Начальные основания вексельного права», в котором кроме теоретического материала было перепечатано 46 «важнейших указов», касающихся торгового законодательства того периода. Учебник переиздавался в дальнейшем еще три раза [Биографический словарь 1855: 307]. В ФБ ПГГПУ сохранился экземпляр издания 1772 г., отпечатанный в типографии Московского университета. В 1785 г. вышел русский перевод хрестоматии «Избранные места из греческих писателей» профессора греческой и латинской словесности Христиана Фридриха Маттеи (1744–1811), она была адресована начинающим обучаться греческому языку, и как значится на титульном листе книги была подготовлена для обучающихся Смоленской семинарии, перевод был осуществлен учителем этого учебного заведения Борисом Филоновым. В предисловии к пособию, переводчик пишет, что он подготовил его из-за недостатка учебных книг для обучения греческому языку [Маттеи 1785: 9]. Это издание было выпущено в период, когда арендатором типографии был Н. И. Новиков. К этому же периоду относятся еще два переводных учебных издания, изданные в 1788 г. – «...Видимый мир ...» Яна Амоса Коменского (1592–1670) и «... Критическая история философии...» Иоганна Якоба Бруккера (1696–1770).

Преподаватели и студенты Московского университета занимались также активной переводческой деятельностью. Например, перевод курса математики Этьена Безу (1730–1783) осуществил адъюнкт физико-математического факультета университета Василий Андреевич Загорский, учебник «Дифференциальное исчисление» французского математика, педагога Луи Бенжамена Франкёра (1773–1849) перевёл профессор, ректор университета Дмитрий Матвеевич Перевошиков (1788–1880), «Всеобщую и врачебную химию» (1795) австрийского ботаника, химика Йозефа Франца Жакена (1766–1839) перевели на русский язык студенты Медицинского факультета Иван Венсович и Николай Дьяков, «... Аналитика, или Алгебра» Иоганна Фридриха Вейдлера был переведен магистром Дмитрием Аничковым, который впоследствии стал профессором Московского университета и подготовил ряд оригинальных учебников по математическим дисциплинам, широко использовавшихся в российских учебных заведениях.

Учебные издания региональных типографий

Основная часть корпуса переводных учебных изданий, сохранившихся в редком фонде ФБ ПГГПУ, была отпечатана в типографиях Москвы и Санкт-Петербурга. Лишь несколько книг увидели свет в трех региональных типографиях. В частности, во Владимире в

типографии Губернского правления в 1801 г. было переиздано уже упоминавшееся пособие «Начальные основания вексельного права» первого профессора права в Московском университете Ф. Г. Дильтея. В труде излагает лекции по вексельному праву, преподаваемые профессором в 1766 г., воронежское издание вышло в двух томах.

Два учебных издания были подготовлены в типографии Казанского университета. Один из них «Начальные основания народного богатства и Государственное Хозяйство...» Георга Фридриха Сарториуса фон Вальтерхаузена (1765–1828), увидевшее свет в 1812 г. Перевод книги на русский язык со своими примечаниями осуществил профессор Казанского университета Петр Сергеевич Кондырев (1789 – после 1823). Он первым стал читать курс политической экономии по книге Сарториуса в Казанском университете [8, с. 498]. Второе учебное издание – перевод «Начального курса философии» немецкого преподавателя, профессора университета Гессена Фридриха-Вильгельма-Даниеля Снелля (1761–1827), отпечатанное в 5-ти частях в той же типографии в 1813–1814 гг. В обращении «От издателей», которым открывается издание, говорится, что этот курс «заключает в себе все нужное для начинающих упражняться в науках философических», именно по этой причине может использоваться в качестве руководства для учителей и «ручной учебной книги для учащихся» в училищах, где изучалась философия [Снелль 1813: [4]]. Переводчиками курса философии выступили русский философ Александр Степанович Лубкин и профессор казанского университета Петр Сергеевич Кондырев, они также «присоединили со своей стороны разные примечания и прибавления» [там же: 4–5].

В 1816 г. в типографии Харьковского университета было отпечатано первое русское издание «Основ механики» в 2-х частях французского математика и педагога, автор ряда учебников Луи Бенжамена Франкёра (1773–1849). Перевод книги со своими дополнениями осуществил адъюнкт университета, а впоследствии профессор Николай Михеевич Архангельский (1787–1857). Экземпляр «Основания механики» Л. Б. Франкёра хранится в редком фонде ФБ ПГГПУ, по этому учебнику «долгое время велось преподавание механики» в Российских университетах [Яковлев 2019: 298].

История бытования учебных изданий из редкого фонда ФБ ПГГПУ

У сохранившихся переводных учебных изданий из фонда ФБ ПГГПУ разные источники поступления и история бытования. Часть из них хранилась в учебных заведениях и других организациях г. Перми и Пермской губернии. Так на 32 экземплярах присутствует штемпельный экслибрис Фундаментальной библиотеки Пермской духовной семинарии. Это старейшее учебное заведение Перми, открытое в 1800 г. В семинарии была создана богатая библиотека, её фонд к началу XX в. насчитывал более 20 тыс. экземпляров [Пигалева 2012: 107]. На 5 экземплярах сохранился штемпельный экслибрис священника, протоиерея, первого духовника Пермской духовной семинарии Михаила Петровича Задорина (1825–1888). Его личная библиотека насчитывала 3560 томов, в 1888 г. эта коллекция по духовному завещанию поступила в семинарию [Баталова 2007: 198]. В 1919 г. Пермская духовная семинария была закрыта, фонд библиотеки расформирован, в настоящее время книги из её фонда хранятся в нескольких пермских библиотеках. Ещё одно учебное заведение, где, судя по штампам, бытовало 6 экземпляров – Пермское уездное училище, оно было создано в 1811 г., о составе и истории библиотеки этого учебного заведения, практически ничего не известно.

На 12 экземплярах есть печать – «Печа[ть] казенной библиотеки Пермскихъ заводов», который свидетельствует о том, что хранились они в библиотеке Главной Конторы Пермских заводов, в 1853 г. её фонд включал «около трех с половиной тысяч томов» [Шпакова 2016: 19]. Это было универсальное книжное собрание включавшее учебные и научные издания по разным отраслям знаний, преобладающими среди них были переводные книги [там же: 23]. На 4-х экземплярах в коллекции сохранился экслибрис Ильинской лесной библиотеки. Частная библиотека в селе Ильинском была создана в 1848 г., её организатором был русский

лесовод, археолог, краевед Александр Ефимович Теплоухов (1811–1855). Фонд библиотеки включал 2459 книг, в 1918 г. во время гражданской войны это собрание частично было уничтожено, частично вывезено в Пермь [Лесная библиотека эл. ресурс].

16 экземпляров учебных переводных изданий из редкого фонда ФБ ПГГПУ входили ранее в состав фонда библиотеки Петроградского университета. Дубликаты из его библиотеки составили в 1916 г., вместе с книжным даром от Главного управления по делам печати, основу фундаментальной библиотеки Пермского отделения Петроградского университета [Костицина 2016: 14]. В 1931 г. после реорганизации Пермского государственного университета, основная часть этого фонда осталась в библиотеке, созданного тогда Пермского государственного педагогического университета (сейчас – ПГГПУ) [там же: 17]. На 5 экземплярах стоит штемпельный экслибрис личной библиотеки философа, литературоведа, переводчика Эрнеста Львовича Радлова (1854–1928), а также записи, сделанные карандашом «Дарь отъ Э. Л. Радлова». Коллекция была приобретена Пермским университетом для фундаментальной библиотеки в 1918 г. При поступлении она насчитывала около 4000 инвентарных номеров [там же: 16].

Учебные издания в учебной и социокультурной деятельности

Учебные старопечатные издания, в т. ч. и переводные, не только активно изучаются и описываются специалистами библиотеки, но используются в работе с читательской аудиторией. В 2022 г. ФБ ПГГПУ стала соорганизатором и участником выставочного проекта «Книгу сию беречь как драгоценность», организованного совместно с Пермской государственной художественной галереей и Пермской государственной краевой универсальной библиотекой им. А. М. Горького. В выставочном пространстве галереи было представлено более 150 изданий из редкого фонда ФБ ПГГПУ, разных периодов книгопечатания. Часть экспозиции была посвящена учебным изданиям гражданской печати, как одной из страниц истории российского книгоиздательства и образования.

В 2022–2023 гг. в ФБ ПГГПУ был запущен вузовский проект «Книжные памятники фундаментальной библиотеки ПГГПУ», целью которого стало раскрытие книжного фонда библиотеки университета, привлечение внимания к изучению книжного наследия, истории и культуры России, истории российского книгоиздания.

В рамках проекта снимались 2–3-х мин. видеоролики о редких книгах из редкого фонда библиотеки, которые сопровождались краткими аннотациями об истории их создания и бытования. Видеоролики запускались еженедельно в социальных сетях: в группе «Библиотека ПГГПУ», в официальной группе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета ВКонтакте и в официальном канале университета в Телеграмм. Особое внимание в проекте было уделено учебным изданиям разных эпох, т. к. в них отразилось развитие русской педагогической мысли. Знание истории учебных изданий является важным в подготовке педагогических кадров. Каждый из представленных учебников сыграл свою роль в российском образовании. Впервые изложив в своих учебниках, основания многих наук на русском языке, их авторы открыли «врата учености» многим поколениям русских людей. За период реализации проекта учебным изданиям было посвящено 28 видеороликов.

В течение многих лет сотрудники сопровождают учебную и исследовательскую деятельность студентов различными мероприятиями, в частности, ежегодно студентам математического факультета читаются обзоры и лекции об учебниках математики XVIII – 1-й трети XIX вв. В 2023 г. в рамках дисциплины «История математики» для студентов математического факультета был подготовлен обзор «При Императорской Академии наук...». Он был посвящен учебным изданиям по математическим дисциплинам, изданным в типографии Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII–XIX вв. На мероприятии были представлены старопечатные учебники этого периода, в ходе обзора был представлен рассказ об истории их создания, издательской и переводческой деятельности Академии наук,

истории бытования экземпляров. В 2024 г. сотрудниками библиотеки была проведена лекция «По страницам истории учебников математики в России», посвященная рассказу об эволюции учебников по математическим дисциплинам в российском образовании, в том числе и известным переводным книгам, оказавшим влияние на преподавание математики в России. Студентам была дана возможность ознакомиться с учебными изданиями, по итогам занятия слушатели должны были подготовить эссе об одном из учебников и сравнить его с современными. Лекции об учебных изданиях из редкого фонда проводились для студентов иностранных языков, для участников курсов повышения квалификации советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. Старопечатные учебные издания использовались во время проведения экскурсий для школьников иллюстрируя рассказ по истории книги.

Заключение

Изучение и описание учебных изданий разных периодов одно из интересных и актуальных направлений научной деятельности специалистов ФБ ПГГПУ. Результаты этой работы позволяют расширить и сделать более интересной социокультурную деятельность библиотеки. В выявленном в редком фонде ФБ ПГГПУ корпусе учебных изданий 40% занимают переводные книги по различным учебным дисциплинам для средних и высших учебных заведений. Анализ содержания, функционального и целевого назначения даже этой небольшой коллекции представляет интерес с точки зрения, дальнейшего её использования при работе со студенческой аудиторией в курсах, связанных с историей преподавания учебных дисциплин, методических идей и истории подготовки учебников в России.

Учебные книги гражданского шрифта могут использоваться для характеристики некоторых страниц истории учебного книгоиздания XVIII–XIX вв. в России, влияния западноевропейской науки и образования на её становление, на их примере можно показать роль Московского университета и Академии наук в подготовке отечественных и переводных учебных книг, осветить переводческую деятельность преподавателей и студентов этих учебных заведений. Многие экземпляры входили ранее в состав библиотек учебных заведений и других организаций Перми, и интересны именно своей историей бытования, они иллюстрируют историю библиотек города и регионального образования.

Список литературы

1. Академическая типография. 1728–1928: (К 200-летию ее существования). 2-е изд. Л. : Акад. наук СССР, 1929. 108, 2 с. с заставками и концовками; 15 вклад. л. ил., портр., факс.
2. Антипова И. А. Образовательная книга для детей в России во второй половине XVIII в.: вопросы издания и типологии : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 313 с.
3. Баталова О. А., Священник М. П. Задорин – учитель, писатель, коллекционер // Смышляевские чтения : материалы десятой науч.-практ. конф., 31 мая 2007 г. Пермь : Пермская краев. б-ка им. А. М. Горького, 2007. С. 195–199.
4. Безрогов В. Г., Тендрякова М. В. «gab ihnen der liebe Gott...», или Бог и природа в немецких и русских учебниках // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2018. № 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gab-ihnen-der-liebe-gott-ili-bog-i-priroda-v-nemetskih-i-russkih-uchebnikah> (дата обращения: 22.02.2024).
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 1. М. : в Университетской тип., 1855. XX, [6], 485, [2] с.
6. Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819) : рассказы по архивным документам : [в 2 ч.]. Ч. 1. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1887. 639, 5 с.

7. Грачева Ю. Е. Разработка образовательных реформ в главном Правлении училищ в 1803–1804 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 3. С. 17–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-obrazovatelnyh-reform-v-glavnom-pravlenii-uchilisch-v-1803-1804-gg> (дата обращения: 17.02.2024).
8. Демидов С. С. Леонард Эйлер в развитии математики и математического образования в России (к 300-летию со дня рождения великого ученого) // Труды V Колмогоровских чтений. 2007. С. 284–294.
9. Клеймёнова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века; АН СССР. М. : Наука, 1991. 237, [3] с. : ил.
10. Костицина А. В. Редкий фонд фундаментальной библиотеки Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета: история создания // Редкие книги в Научной библиотеке Пермского государственного университета. Пермь : Пушка, 2016. С. 14–18.
11. Костицина А. В. Каталог «Учебные издания до 1830 года в фондах фундаментальной библиотеки ПГГПУ» // Библиотеки вузов Урала: проблемы и опыт работы. Екатеринбург, 2017. Вып. 15. С. 110–113.
12. Лесная библиотека // Ильинская межпоселенческая библиотека имени А. Е. Теплоухова : [сайт]. URL: <https://biblteplohov.ru/lesnaja-biblioteka> (дата обращения: 13.01.2024).
13. Маттеи Х. Ф. Избранные места из греческих писателей / Собранные Христианом Фридрихом Маттеем ; А переведенныя с греческаго на российской язык для обучающихся в Смоленской семинарии, той же семинарии пиитического, историко-географического и греческаго классов учителем Борисом Филоновым. [М.] : Печатаны в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1785. 155 с.
14. Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII в. ; под ред. чл.-кор. АН СССР проф. П. Н. Беркова. М. : Изд-во «Московский университет», 1966. 455 с.
15. Смагина Г. И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70. № 7. С. 635–644. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/ACAD/ACAD_18.HTM (дата обращения: 13.01.2024)
16. Семенников В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. Пг.: [Тип. Сириус], 1914. 283 с.
17. Пигалева С. В. Библиотеки учебных заведений Перми (XIX – начало XX в.) // Библиотековедение. 2012. № 5. С. 103–109.
18. Прудников В. Е. Русские педагоги-математики XVIII–XIX веков : Пособие для учителей. М. : Учпедгиз, 1956. 640 с.
19. Рафф Г. Х. Естественная история для малолетних детей. Половина 1. / Г. Георга Христиана Раффа, учителя истории и географии в Геттингском училище ; С одиннадцатую разными таблицами ; Переведена с немецкаго языка Васильем Левшиным. Вторым тиснением. В Санктпетербурге : Иждивением Императорской Академии наук, 1796. VIII, 608 с.
20. Снелль Ф. В. Д. Начальный курс философии : сочинение г. Снелля / с немецкаго языка на российской перевели, и с некоторыми примечаниями и прибавлениями издали Императорскаго Казанскаго университета адъюнкты: умозрительной и практической философии Александр Лубкин, и политической экономии и исторических наук Петр Кондырев. Ч. 1 : Эмпирическая психология или Наблюдательное душесловие. Казань : В Университетской типографии, 1813. [8], 134, [2] с.
21. Учебные издания до 1830 года в фонде фундаментальной библиотеки ПГГПУ [Электронный ресурс] : каталог / сост. А. В. Костицина. Пермь : ПГГПУ, 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
22. Шпакова М. В. «Главной канторы Пермскихъ заводовъ» // Редкие книги в Научной библиотеке Пермского государственного университета. Пермь : Пушка, 2016. С. 19–30.
23. Яковлев В. И., Остапенко Е. Н. История и методология механики. Развитие механики в XVIII–XIX веках [Электронный ресурс] : учеб. пособие. Пермь : Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. 334 с.

References

1. Akademicheskaya tipografiya. 1728–1928: (K 200-letiyu ee sushchestvovaniya) [Academic Printing House. 1728–1928: (On the 200th anniversary of its existence)]. 2nd ed., Leningrad, Akad. nauk SSSR, 1929. (In Russ.).

2. Antipova I. A. *Obrazovatel'naya kniga dlya detey v Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: voprosy izdaniya i tipologii* [Educational Book for Children in Russia in the Second Half of the 18th Century: Issues of Publishing and Typology]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2002, 313 p. (In Russ.).
3. Batalova O. A., Svyashchennik M. P. Zadorin - uchitel', pisatel', kollektzioner [Priest M. P. Zadorin – teacher, writer, collector]. *Smyshlyaevskie chteniya* [Smyshlyaev Readings]. Perm, Permskaya kraev. b-ka im. A. M. Gor'kogo, 2007, pp. 195-199. (In Russ.).
4. Bezrogov V. G., Tendryakova M. V. «gab ihnen der liebe Gott...», ili Bog i priroda v nemetskikh i russkikh uchebnikakh ["Gab ihnen der liebe Gott...", or God and Nature in German and Russian Textbooks]. *Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology]. 2018, no. 48. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gab-ihnen-der-liebe-gott-ili-bog-i-priroda-v-nemetskih-i-russkih-uchebnikah> (accessed: 22.02.2024).
5. *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubileya yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlennyy trudami professorov i prepodavateley, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhennyy po azbuchnomu poryadku* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Moscow University for the past century from the day of its establishment on January 12, 1755 to the day of the centenary on January 12, 1855, compiled from the works of professors and teachers who occupied departments in 1854, and arranged in alphabetical order]. Part. 1, Moscow, 1855. XX, [6], 485, [2] p. (In Russ.).
6. Bulich N. N. *Iz pervykh let Kazanskago universiteta (1805–1819)* [From the first years of Kazan University (1805-1819)]. Part. 1, Kazan, Tip. Imperatorskago un-ta, 1887, 639, 5 p. (In Russ.).
7. Gracheva Yu. E. *Razrabotka obrazovatel'nykh reform v glavnom Pravlenii uchilishch v 1803-1804 gg.* [Development of educational reforms in the Main Board of Schools in 1803-1804.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. History]. 2016, no. 3, pp. 17-29. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-obrazovatelnyh-reform-v-glavnom-pravlenii-uchilishch-v-1803-1804-gg> (accessed: 17.02.2024).
8. Demidov S. S. *Leonard Eyler v razvitii matematiki i matematicheskogo obrazovaniya v Rossii (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo uchenogo)* [Leonard Euler in the development of mathematics and mathematical education in Russia (on the 300th anniversary of the birth of the great scientist)]. *Trudy V Kolmogorovskikh chteniy* [Works In Kolmogorov's Readings]. 2007, pp. 284-294. (In Russ.).
9. Kleymenova R. N. *Knizhnaya Moskva pervoy poloviny XIX veka* [Bookish Moscow of the first half of the 19th century]. AN SSSR, Moscow, Nauka, 1991, 237. (In Russ.).
10. Kostitsina A. V. *Redkiy fond fundamental'noy biblioteki Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta: istoriya sozdaniya* [Rare collection of the fundamental library of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University: history of creation]. *Redkie knigi v Nauchnoy biblioteke Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [Rare books in the Scientific Library of Perm State University]. Perm, Pushka, 2016, pp. 14-18.
11. Kostitsina A. V. *Katalog «Uchebnye izdaniya do 1830 goda v fondakh fundamental'noy biblioteki PGGPU»* [Catalogue "Educational publications before 1830 in the collections of the fundamental library of PSU"]. *Biblioteki vuzov Urala: problemy i opyt raboty* [Libraries of Ural universities: problems and work experience]. Ekaterinburg, 2017, iss. 15, pp. 110-113. (In Russ.).
12. *Lesnaya biblioteka* [Forest Library]. *Il'inskaya mezhpоселенческая библиотека имени A. E. Teploukhova* [Ilyinskaya Inter-Settlement Library named after A.E. Teploukhov]. (In Russ.). Available at: <https://biblteplouhov.ru/lesnaja-biblioteka> (accessed: 13.01.2024). (In Russ.).
13. Mattei Kh. F. *Izbrannyya mesta iz grecheskikh pisateley* [Selected passages from Greek writers]. *Sobrannyya Khristianom Friderikhom Matteem* [Collections by Christian Friedrich Matthay]. Pechatany v Universitetskoy tipografii, u N. Novikova, 1785, 155 p. (In Russ.).
14. Mel'nikova N. N. *Izdaniya, napechatannye v tipografii Moskovskogo universiteta. XVIII v.* [Editions printed in the printing house of Moscow University. 18th century] Moscow, Izd-vo «Moskovskiy universitet», 1966, 455 p. (In Russ.).
15. Smagina G. I. *Akademiya nauk i razvitie obrazovaniya v Rossii v XVIII veke* [The Academy of Sciences and the Development of Education in Russia in the 18th Century]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2000, vol. 70, no. 7, pp. 635-644. (In Russ.). Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/ACAD/ACAD_18.HTM (accessed: 13.01.2024)

16. Semennikov V. P. *Sobranie starayushcheesya o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoy II* [A collection dedicated to the translation of foreign books, established by Catherine II]. 1914, 283 p. (In Russ.).
17. Pigaleva S. V. *Biblioteki uchebnykh zavedeniy Permi (XIX - nachalo XX v.)* [Libraries of educational institutions of Perm (19th - early 20th century)]. *Bibliotekovedenie* [Library Science]. 2012, no. 5, pp. 103-109. (In Russ.).
18. Prudnikov V. E. *Russkie pedagogi-matematiki XVIII–XIX vekov* [Russian mathematicians of the XVIII–XIX centuries]. Moscow, Uchpedgiz, 1956, 640 p. (In Russ.).
19. Raff G. Kh. *Estestvennaya istoriya dlya maloletnikh detey. Polovina 1* [Natural History for Young Children. Half 1]. Saint Petersburg, Izhdivenie Imperatorskoy Akademii nauk, 1796, VIII, 608 p. (In Russ.).
20. Snell' F. V. D. *Nachal'nyy kurs filosofii: sochinenie g. Snellya* [A Primer on Philosophy: An Essay by Mr. Snell]. Part. 1, *Empiricheskaya psikhologiya ili Nablyudatel'noe dusheslovie*, Kazan, V Universitetskoy tipografii, 1813. [8], 134, [2] p. (In Russ.).
21. Kostitsina A. V. *Uchebnye izdaniya do 1830 goda v fonde fundamental'noy biblioteki PGGPU* [Educational publications before 1830 in the collection of the fundamental library of PSU]. Perm, PGGPU, 2015 (DVD-ROM). (In Russ.).
22. Shpakova M. V. «*Glavnoy kantory Permskikh "zavodov"*» [“The Main Office of Perm Plants”]. *Redkie knigi v Nauchnoy biblioteke Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [Rare books in the Scientific Library of Perm State University]. Perm, Pushka, 2016, pp. 19-30. (In Russ.).
23. Yakovlev V. I., Ostapenko E. N. *Istoriya i metodologiya mekhaniki. Razvitie mekhaniki v XVIII-XIX vekakh* [History and methodology of mechanics. Development of mechanics in the 18th-19th centuries]. Perm, Izd-vo «Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy univresitet», 2019. 334 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Костицина – директор, фундаментальная библиотека,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

A. V. Kostitsina – Director, Fundamental Library,
Perm State Humanitarian and Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 30.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 30.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Хаярова П. В., Голдобин А. В. УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В АБОРИГЕННЫХ СОЦИУМАХ ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ ВПН. ФОРМИРОВАНИЕ ДИХОТОМИЧЕСКИХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АРХЕОЛОГО-ЭТНИЧЕСКИХ ТИПОВ (ЧАСТЬ 1)	7
Хаярова П. В., Голдобин А. В. УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В АБОРИГЕННЫХ СОЦИУМАХ ВОЛГО-КАМЬЯ ЭПОХИ ВПН. ФОРМИРОВАНИЕ ДИХОТОМИЧЕСКИХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АРХЕОЛОГО-ЭТНИЧЕСКИХ ТИПОВ (ЧАСТЬ 2)	16
ФИЛОЛОГИЯ	27
Завгороднева М. П. ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ	27
Путина О. Н., Тюрина Д. С. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БИБЛЕИЗМА <i>ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	36
Фомичева Я. А., Шустова С. В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СМЯГЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	43
Кыркунова Л. Г. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ	50
Налобина Е. П., Архипова И. В. НЕМЕЦКИЕ ДЕАДЪЕКТИВЫ КАК ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ.....	58
Меньшакова Н. Н. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «PAREMIOLÓGIA» ПРИ ПЕРЕВОДЕ СТАТЬИ Х.СЕВИЛЬИ МУНЬОС «LA VARIACIÓN EN LAS PAREMIAS DEL ESPAÑOL DE ESPAÑA Y DE MEXICO»	66
Костицина А. В. ПЕРЕВОДНЫЕ УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ. В РЕДКОМ ФОНДЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПГППУ.....	76

CONTENTS

HISTORY	7
Khayarova P. V., Goldobin A. W. THE UGRIC COMPONENT IN THE ABORIGINAL SOCIETIES OF THE VOLGA-KAMA REGION OF THE VDNH EPOCH. THE FORMATION OF DICHOTOMOUS COSMOGONIC IDEAS AND THEIR REFLECTION IN THE FUNERAL RITES OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNIC TYPES (PART 1).....	8
Khayarova P. V., Goldobin A. W. THE UGRIC COMPONENT IN THE ABORIGINAL SOCIETIES OF THE VOLGA-KAMA REGION OF THE VDNH EPOCH. THE FORMATION OF DICHOTOMOUS COSMOGONIC IDEAS AND THEIR REFLECTION IN THE FUNERAL RITES OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNIC TYPES. (PART 2).....	17
PHILOLOG	27
Zavgorodneva M. P. HISTORICAL-RETROSPECTIVE ANALYSIS OF IMAGES OF NATURE IN PHRASEOLOGISTS AND PROMOS.....	27
Putina O. N., Tyurina D. S. FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGICAL BIBLICALISM <i>ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ</i> IN MODERN RUSSIAN DISCOURSE: PRAGMATIC ASPECT.....	36
Fomicheva Ya. A., Shustova S. V. LINGUISTIC MEANS OF MITIGATING VERBAL AGGRESSION IN POLITICAL DISCOURSE.....	43
Kyrkunova L. G. PEDAGOGICAL POTENTIAL OF RUSSIAN PROVERBS IN WORKING WITH FOREIGN STUDENTS	50
Nalobina E. P., Arkhipova I. V. GERMAN DEADJECTIVES AS DERIVED NOUNS: DERIVATIONAL CONSTRAINTS	58
Menshakova N. N. THE SEMANTIC FIELD "PAREMIOLOGÍA" IN THE TRANSLATION OF THE ARTICLE X.SEVILLE MUNOZ "LA VARIACIÓN EN LAS PAREMIAS DEL ESPAÑOL DE ESPAÑA Y DE MEXICO".....	66
Kostitsina A. V. TRANSLATED EDUCATIONAL EDITIONS OF THE 18TH – FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES IN THE RARE FUND OF THE FUNDAMENTAL LIBRARY OF PGHPU	76

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2024. № 14

Ответственный редактор выпуска
Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 30.07.2024.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru